

<https://ravshanfikir.tj>

АБДУГАНИ МАМАДАЗИМОВ

Великий шелковый путь

<https://ravshanfikir.tj>

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АБДУГАНИ МАМАДАЗИМОВ

Великий шелковый путь

(История становления, расцвета и распада)

ДУШАНБЕ

«СИНО»

2014

УДК 338,48 (658)

ББК 85.313 (2 тадж) + 85,32 (тадж)

Мамадазимов Абдугани. Великий шелковый путь. История становления, расцвета и распада. Душанбе, изд-во «Сино», Типография ТНУ, 2014 г. 384 с.

Ответственный редактор: Бобокалонов Г.М. к.ю.н. доцент ТНУ

Рецензенты: О. Бобоев д.э.н. профессор Ин-та экономики АН РТ

Ю. Шодипур к.и.н., доцент кафедры ТНУ

Матвеев В.А. к.э.н., в. н. с. ИДВ РАН.

Ниязи А.Ш. к. и.н., ст. н. с. ИВ РАН

В монографии исследуется объективные предпосылки формирования шелкового пути, основные периоды его становления, основные маршруты следования караванов, а также взаимодействия торговли, дипломатии и культуры в ареале функционирования этой мирового торгового пути. Настоящая монография рекомендуется гуманитарным факультетам по специальности история, международные отношения, культурологи, регионоведения и т.д.

Утверждено к печати научно-методическим советом
Таджикского национального университета № 08 от 02.07.2014

ISBN 978-99947-969-3-9

Абдугани Мамадазимов. 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Введение.....	9
Глава I. Объективные предпосылки возникновения Великого шелкового пути.....	15
1.1.Расширение торговых связей между крупными центрами цивилизации древности.....	15
1.2.Объединение древнего Китая и формирование государственной идеологии.....	26
1.3.Миграция и этнополитическая обстановка в Центральной Азии.....	46
1.4.Шелк как самый востребованный товар древнего мира.....	74
Глава II. Вопросы периодизации Великого шелкового пути... 79	79
2.1. Возникновение и распространение Шелкового пути в имперском периоде (конец II в. до н. э.- сер.III в.).....	79
2.2.Состояние Шелкового пути в период Великого переселения народов (сер.III в. - сер.VII в.).....	143
2.3. Расцвет шелкового пути во время квартета (Халифат, Китай, Каганат и Византия) (сер. VII в.- нач. XI в.).....	201
2.4. Период доминирования Великой степи в шелковом пути (нач.XI в. – конец XV вв.).....	291
Глава III. Маршруты следования Великого шелкового пути.354	354
3.1.Главный маршрут Великого шелкового пути.....	356
3.2.Северный маршрут Великого шелкового пути.....	361
3.3.Южный маршрут Великого шелкового пути.....	363
3.4. Объективные причины наличия множества маршрутов Великого шелкового пути.....	365
Заключение.....	368
Литература.....	372

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последнее десятилетие XX столетия предоставило исторический шанс для народов Центральной Азии и Кавказа, наряду с другими народами постсоветского пространства, определять свое политико-экономическое будущее самостоятельно. Приобретение политического суверенитета и перспектива самостоятельного экономического развития Республики Таджикистан среди других факторов актуализировала проблему максимально удачно использовать свое географическое местонахождение.

Вопросы самостоятельного развития Республики Таджикистан требуют качественно нового изучения истории ее взаимоотношений с близкими и дальними странами в прошлом, лучших практик и образцов плодотворного сотрудничества с внешним миром, а также перспективы восстановления или возрождения тех наследий, которые способствовали достойной жизни предков таджикского народа. Поиск своих корней, обращение к своему историческому и культурному наследию пронизывают сейчас сознание каждого мыслящего гражданина суверенного Таджикистана. В этом ракурсе актуально звучит символический вопрос президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона: «Кто мы, откуда, из каких корней произошли?», выступающий, в настоящее время, мощным консолидирующим и мобилизующим началом для воссоздания и полноценного практического использования тех национальных ценностей и идей, которые так необходимы для дальнейшей модернизации таджикского народа.

Данный призыв главы государства ставит перед нами представителями национальной интеллигенции удвоить наши старания и научно-исследовательские изыскания для поиска

лучших традиций наших предков в их взаимодействии со своими близкими и дальними соседями.

Одним из лучших наследий древнего мира, когда древние народы, впервые в истории соединившись между собой, стали плодотворно сотрудничать друг с другом является наследие шелкового пути.

Как показало исследование в данной монографии, предки таджикского народа (бактрийцы, согдийцы, саки, тохары, памирцы и др.) совместно внесли достойный свой вклад в становление, расширение и развитие этого мирового легендарного торгового пути. Этот вклад своей масштабностью и глубиной является не меньшим вкладом китайцев, иранцев, греков, римлян, арабов и других народов.

Данное исследование является начальным этапом комплексного изучения этого всемирно-исторического явления ученими Таджикского национального университета. В то время, когда во многих уголках мира со стороны ведущих научно-интеллектуальных центров регулярно звучит призыв к углубленному и всестороннему изучению данного уникального образца мирного сосуществования, мы не можем оставаться в стороне.

Наряду с другими народами и странами, расположенных по маршруту следования шелкового пути, в Республике Таджикистан также предпринимается ряд мер по возрождению наследия и ценностей Великого шелкового пути:

1. Молодыми учеными Института экономики (бывшего ИМЭМО) АН РТ в начале 90-х годов прошлого столетия был разработан проект «Шохрохи Абрешим-Шохрохи Вахдат», предусматривающий соединения всех горных регионов Республики Таджикистан вокруг ее столицы-города Душанбе и выходом через перевал Кульма (граница РТ и КНР) в Каракорумское шоссе;

2. Со стороны исполнительного аппарата Президента РТ и Национальным Фондом «Шохрохи Абрешим-Шохрохи

Вахдат» были организованы и проведены Караваны Мира и Единства (1999,2000, 2002, 2006), охватывающие все города и районы страны;

3. Объявление со стороны Президента страны Эмомали Рахмона Горного Бадахшана «Золотыми воротами Таджикистана»;

4. Разработка и успешная реализация одной из трех общенациональных стратегий- «выхода Таджикистана из транспортно- коммуникационного тупика», где строительство автодороги «Шохрохи Вахдат» по маршруту «Кульма- Хорог- Куляб-Душанбе- Худжанд- Чанок» имеет стратегическое значение.

5. Разработка и активное выдвижение на мировой арене таджикского проекта железной дороги «Кашгар- Алай- Каратегин- Душанбе- Курган-теппа- Мазори Шариф (ИГА)- Герат (Иран)».

Ученые Таджикского национального университета, несомненно, не могут остаться в стороне от национальногдвижения по выходу Таджикистана из коммуникационного тупика и предпринимают активное усилие в превращение его в удобный перекресток между Дальним и Средним Востоком и между Цетральной и Южной Азией. Поэтому в данной монографии подробно исследуются все большие и малые маршруты Великого шелкового пути, главные из которых пересекали нашу горную страну с востока на запад, также –в обратном направлении.

Использование комплексного подхода в изучении истории этого мирового торгового пути является, на наш взгляд, стало успешным, так как наряду с различными маршрутами, автором приводится также объективные предпосылки его возникновения и основные этапы его функционирования.

Впервые в исследовании шелкового пути предлагается периодизация его функционирования на четырех основных этапах становления, развития и постепенного угасания:

на первом этапе анализируется становление этого мирового торгового пути, хронологически совпадавшего с образованием мировых империй в древнем мире, которые со своими обширными территориями и одинаково действующими административно-правовыми нормами способствовали к ускоренному соединению всех маршрутов следования.

на втором этапе, когда мировой процесс Великого переселения народов, оказав небывалый натиск и давление во все части функционирования шелкового пути, вывел ее западную часть (Западной Европы) из орбиты его функционирования.

Третий этап, условно названный автором этапом «мирового религиозного парада», когда мировые религии по всему ареалу функционирования этого торгового пути стали взаимопроникать и взаимодействовать друг с другом, оказывая мощное культурное воздействие тем степным народам, находящимся на северной стороне по всей протяженности этого мирового пути.

Четвертый этап характеризует собой переход в наступление грозных степных империй, которые стали бросать вызов традиционной дипломатии, культуре и ценностям шелкового пути. Этот натиск и давление были настолько мощными, что они привели к кризису мировой торговли, поэтому поиск альтернативных мировых морских путей на Восток привел к Великим географическим открытиям. В многовековой борьбе между сушей и морем победило второе, и морские торговые пути стали вне конкуренции, а караванные пути пришли в упадок.

За двести лет скрупулезного изучения наследия шелкового пути со стороны исследователей различных стран,

которые анализировали ту или иную сферу этого мирового феномена, в данной монографии даются как объективные причины возникновения шелкового пути, так и хронологические рамки его функционирования.

Несомненно, изучение объективных причин успешного распространения, так и постепенного упадка этого мирового торгового пути, даст нам возможность формирования необходимых навыков и умений, как лучше возродить и развивать наследие и ценности шелкового пути. Возрождение шелкового пути, безусловно, будет способствовать устойчивому развитию суверенного Таджикистана и повышению благосостояния древнего таджикского народа.

Введение

Предметом тщательного исследования и научного размышления в данной монографии является объективные предпосылки формирования одного из главных мировых торговых путей древности и средневековья – шелкового пути, а также важнейшие маршруты его следования и основные периоды его функционирования.

Скрупулезное исследование объективных причин становления этого мирового торгового пути показало, что шелковый путь, связывавший впервые все основные цивилизации древности, был не только сугубо торговой дорогой. Великий шелковый путь постепенно превратился в главный ареал взаимопроникновения и взаимодействия торговли, еще шире, экономики с дипломатией и культурой, триединства которых поэтапно приобщал многочисленных племен и народов не только к взаимной торговле, но и к цивилизованным формам общения между собой и высокой культуре в мировом масштабе.

Сочетание нескольких исторических факторов как уровень развития торговых путей древности, миграция кочевых племен и оседлых народов Евразии, объединение Китая и формирование имперских структур во всех регионах древности и острая потребность в шелке во всем мире и ряда других выступили объективными предпосылками формирования шелкового пути.

Как показали исследования, шелковый путь не был древнейшим торговым путем, а выступал преемником, как минимум, пяти торговых путей древности. Однако этот торговый путь впервые в истории человечества соединил между собой все очаги цивилизаций обширного евразийского континента. Наличие ряда природно-климатических и географических факторов, а также фактическая военно-политическая обстановка выступили объективными причи

нами формирования основных маршрутов и узловых пунктов этого мирового торгового пути.

В своем историческом развитии этот мировой торговый путь поэтапно сменил четыре периода.

Ускоренным темпам становления шелкового пути способствовал исторический процесс формирования имперских государственных структур, охвативших все крупные регионы Евразии от Желтого моря до Средиземноморья. Как минимум, пять мировых империй со своими обширными территориями с единимыми административно-правовыми нормами стимулировали возникновение основных маршрутов шелкового пути, когда имперские чиновники повсеместно выступили основными потребителями этого драгоценного товара. Все возрастающая потребность в шелке в каждом из мировых империй, в первую очередь, среди знати, несомненно, выдвинула политику контроля над торговыми путями, узловыми пунктами и приграничными торговыми городами в важнейший пункт дипломатии того периода. Еще одним из важных характеристик того периода был религиозный плюрализм, присущий всем этим имперским структурам.

А отсутствие жесткого прикосновения между государственными образованиями Дальнего Востока и Центральной Азии создало уникальную возможность согдийским купцам проявить весь свой дипломатический талант, тяга к культуре и предпринимательский дух во все периоды функционирования шелкового пути.

Великое переселение народов, начавшееся на западе огромного евразийского континента, безусловно, коснулось как «снежный ком» всего пространства функционирования шелкового пути, когда оно «покрыло» своей «лавиной» самые прославленные империи, каковыми были Хань в Дальнем Востоке и Рим в Средиземноморье. Однако оно не привело к остановке или прекращению мировой торговли по шелковому пути, а наоборот,

мировые империи, стали осваивать дипломатию «укрощение» варварских племен и приобщение их к культурным достижениям своего времени.

«Мировой религиозный парад», начавшийся с середины VII в., не только охватил все пространство шелкового пути с Дальнего до Ближнего Востока, а растянул его через всю Северную Африку до Пиренейского полуострова. Буддизм, распространяющийся многие века из Индии в Китай и всего Дальнего Востока, стал растекаться всей своей мощью и с высокими достижениями науки, искусства и духовной сферы по этим обширным просторам. Иранская религия «бон» кардинально преобразила повседневную жизнь высокогорного Тибета. А в бескрайних просторах Великой степи стали распространяться манихейство, несторианство, маздакизм и другие религии. Ислам преобразил жизнь людей от Магриба до Машрика. Византия продолжала свое религиозно-культурное воздействие в бассейнах Средиземноморья, Эгейского и Черного морей. Плодотворное взаимодействие торговли с дипломатией и культурой способствовало к поднятию шелкового пути небывалых высот.

Начиная с XI века, с самых восточных окраин Евразии на мировую военно-политическую арену, вышли воинственные племена, которые не только не поддерживали традиции шелкового пути, а выступили «могильщиками» этих традиций. Степная вендетта, поднятая ими до самых высот в их многочисленных набегах, вторжениях и нашествиях, привела к глубокому кризису сухопутных торговых путей. Бесконечные войны кочевых племен, государственных образований и степных империй в огромном пространстве Евразии, среди других последствий, привели к блокаде морских держав средневековой Европы. В этих драматических ситуациях морские державы Европы были вынуждены не только уйти из традиционных морских путей Черного моря и Средиземноморья, но и заняться поиском альтернативных морских путей в Индию и Китай.

Этот поиск, в конечном итоге, привел не только открытию нового пути в Индию через мыс «Доброй Надежды», но и Великим географическим открытием. Море, точнее мировые океаны, стали продолжением Европы и тесная связь между ней и Азией по сухопутным караванным путям постепенно пришла в упадок.

Употребленные в монографии некоторые термины и понятия, которые могли бы оказаться трудными для неспециалиста, необходимо объяснить в нижеследующих замечаниях, общих для всей книги.

Вароруд. Для географического обозначения междуречья Амударьи и Сырдарьи мы использовали не арабское (Мавереннахр), а традиционное таджикское название, что кажется более понятным и справедливым.

Хафтруд. Для географического обозначения правого берега верхнего бассейна Сырдарьи, где протекают семь второстепенных рек (Семиречье), мы также использовали таджикское название. Для такого подхода мы опирались на географического и этнографического описания данного края со стороны знаменитого буддийского паломника VII века Сюан-цзана, который подчеркнул о тождестве данного края с ираноязычным Согдом. Другими словами, десятки городов этого края были построены, в основном, согдийцами при участии местных общин.

Таримский бассейн. Территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая во времена формирования и распространения шелкового пути не была однородна и несколько раз изменяла своего административного названия, поэтому мы использовали его географического названия.

Считаю своим долгом поблагодарить за ценные советы и консультации профессорско-преподавательского состава факультетов международных отношений и истории Таджикского

национального университета. Особую заслугу для завершения монографии имеет профессор, член-корр. АН РТ, ректор ТНУ Имомов М.С., создавший прекрасную творческую возможность для ее подготовки.

Для подготовки монографии важную роль сыграли полевые исследования в восточном отрезке маршрута шелкового пути (Сиань-Дуньхуан-Урумчи-Кашгар-Ташкуртан-Кульма-Хорог-Душанбе), поэтому мы благодарим руководство и научных сотрудников Института экономики г. Урумчи (СУАР КНР) для оказания содействия в их организации.

Завершающий этап непосредственной работы над монографией прошла в библиотеках Института Дальнего Востока РАН и ИНИОН РАН (г. Москва), в связи с этим, выражая искреннюю благодарность научным сотрудникам этих институтов, особо отмечая отзывчивость и бескорыстное содействие библиотекарей Синологической библиотеки ИНИОН РАН.

Критический подход научных рецензентов данной монографии позволил устранить ряд недоработок и недостатков, поэтому считаю своим долгом искренне поблагодарить профессора Института экономики и демографии АН РТ Олим Бобоева, доцента кафедры истории таджикского народа Юсуфа Шодипур, ведущего научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН В.А. Матвеева и ведущего научного сотрудника Института Востоковедения РАН Азиза Ниязи.

Настоящая монография не претендует на исчерпанность разработки истории становления, распространения и распада одного из замечательных мировых торговых путей прошлого, а является лишь попыткой автора привлечь внимание современников для его изучения и, по мере возможности,

возрождению его наследий в качественно новых условиях. Я буду безмерно рад получить критические замечания и научные советы со стороны коллег, читателей и всех, кто интересуется этой актуальной тематикой.

ГЛАВА I. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ.

1.1. Расширение торговых отношений между крупными центрами цивилизации древности.

Специалисты-историки уверены, что выделение животноводства от земледелия является первым великим общественным разделением труда, выделение ремесленничества является вторым великим общественным разделением труда. Если в данном аспекте рассмотреть общественно-экономическую жизнь древнего человека, то можно утверждать, что развитие взаимобмена товаров между людьми и народами и наконец, выделение торговли в качестве отдельной сферы жизнедеятельности людей является, пожалуй, очередным (третьим) великим общественным разделением труда.

На наш взгляд, такая сфера жизнедеятельности как торговля, требовала от людей, занятых этой профессией, большой мобильности, определенного мировоззрения, чувства такта и высокой этики и эстетики, которые в совокупности обеспечивали им определенный успех. Торговля, как определенный род деятельности человечества, также пережила свою эволюцию. В результате этногенеза и политогенеза, она от обычного товарообмена в одном конкретном месте, постепенно переросла во внешнюю торговлю и наряду с внутренней, и стала развиваться дальше. Наряду с вооруженными силами государства, внешняя торговля, поддержанная политическими структурами первичных государственных образований, стала инструментом обеспечения их состоятельности, устойчивости и порой, доминирования на международной (региональной) арене.

По мнению российского исследователя - «Экономическое соперничество государств, борьбу за торговлю тем или иным товаром знала еще древность. Возможность по своему усмотрению располагать ценами на товары, доставлять их на своих кораблях или перекупать их из первых рук в караванной торговле - ставила в особо привилегированное положение то государство, которое могло этого добиться»[Пигулевская, 1947, с.184].

До эпохи формирования Шелкового пути древний мир уже знал ряд искусных народов, которые формировали и расширили межгосударственную и региональную торговлю. Наряду с египтянами, ассирийцами, индийцами, иранцами и другими народами древности, предки таджиков (согдийцы, бактрийцы, саки и др.) были активно вовлечены в международную сухопутную торговлю.

Шелковый путь образовался не на пустом месте, эта мировая торговая дорога выступила, по меньшей мере, преемником пяти региональных торговых путей:

1. Лазуриновый путь;
2. Нефритовый путь;
3. Царская дорога
4. Скифо-сакский путь;
5. Путь из Бактрии в Индию.

Известный российский археолог Сарияниди В. И. сообщает о функционировании в первой половине I тысячелетия до н.э. Лазуринового пути, по которому в древности, добываемую в Бадахшане благородную шпинель лазурита, доставляли в Иран, Месопотамию, Сирию, Египет и другие сопредельные страны.

Согласно мнению известного российского специалиста Е. И. Любо-Лесниченко,- «О значительном объеме перевозок свидетельствует тот факт, что ассирийский правитель Тиглатпаласар III (VIII в. до н.э.) обложил подвластные области ежегодной данью в размере 9 т. лазурита» [Любо-Лесниченко, 1985,

с. 88]. Чтобы более ясно оценить данный объем, необходимо представить торговый караван, состоявший из 30 бактрийских верблюдов (верблюжья поклажа, в среднем состоит из 300 кг. груза), ведомый бактрийским купцом,двигающийся из Бадахшана через Бактрию, Маргиану, Герат, Гирканию, Мидию в Ассирию или Вавилон, а порой через эти древнейшие государства в Сирию, Палестину и, далее в Египет.

В V в. до н.э. лазурит стал проникать в древний Китай [Шефер, 1981, с. 450], однако не нашел там широкого применения, где продолжает доминировать с древнейших времен до настоящего времени другой полудрагоценный минерал – нефрит.

Несколько восточнее от конечного пункта Лазуритового пути в Бадахшане (через высокогорный Памир), из Хотана во внутренний Китай действовала торговая дорога, носившая название «Нефритовый путь», по которому возили этот минерал. По мнению российского исследователя: «Когда появился в Китае хотанский нефрит, сейчас сказать невозможно. Но уже было доказано, что во второй половине II тысячелетия до н.э. хотанский нефрит ввозился в Китай. Так, значительная часть из более семисот изделий из нефрита, обнаруженных в могиле Фу Хао в Аньяне, датированной временем правления У-дина (1238-1188 гг. до н.э.), была изготовлена из хотанского нефрита. Вообще число находок нефритовых изделий чжоуского и раннеханьского периодов (X-I вв. до н.э.) намного превосходит находки более поздних периодов. Этот любопытный и несколько парадоксальный факт можно частично объяснить западным происхождением чжоусцев, по-видимому, имевших связь с населением Восточного Туркестана и впоследствии мигрировавших на восток» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 212].

Наличие относительно тесных связей древнекитайского государства Чжоу с северо-западными племенами *жунови*

диприводится также в специальной главе о доме Чжоу и известным древнекитайским историком Сыма Цянь [Сыма Цянь, Т.1., 2001, с. 179-185]. Возможно также, что после ухода чжоусцев на восток, торговля нефритом отошла к иранским сакским племенам (кит.*ди* и *юечжи*), к родственным бактрийцам народам, Они доставляли добываемый нефрит из Хотана (северном склоне Куньлуня) через Ганьсуйский коридор во внутренний Китай ко двору чжоуского вана (правителя).

Здесь необходимо отметить, что в отличие от других центров древнейших цивилизаций в древнем Китае нефрит занимал особое место, которое в других центрах принадлежало золоту. В Китае издревле бытует изречение «Золото имеет цену, нефрит же бесценен». Как отмечает исследователь: «В древнем Китае из нефрита изготавливались государственные регалии. Нефритовые изделия играли важную роль в религиозных церемониях и украшали быт. Любовь и восхищение этим полудрагоценным камнем, который привозили издалека, отражены во многих памятниках литературы того времени» [Лубо- Лесниченко, 1994, с. 212]. Об особой роли нефрита в древнем Китае подчеркивает и другой исследователь: «В китайской культуре нефрит исходно наделялся особыми свойствами и символическими значениями. В-первых, он находился в нерасторжимой связи с институтом верховной власти: именно из *юй* (а не золота) делали важнейшие царские, а затем и императорские регалии, а также регалии высших сановников. Исходное семантическое единство *юй* и верховной власти нашло отражение в графической композиции этого иероглифа, различающегося с графикой иероглифа «царь» (ван 王) лишь наличием дополнительной черты в правом нижнем углу. В-вторых, *юй* почитался божественным камнем, способным даровать бессмертие.

Кроме того, *юй* выступает универсальной для китайской культуры эстетической категорией, служа метафорой внешнего

совершенства предметов, явлений и облика человека» [Кравцова, 2004, с. 61].

«Хотан и хотанский нефрит - продолжает свое сообщение Лубо- Лесниченко, -упоминается в чжоуском «Жизнеописании правителя Му» и «Каталоге гор и морей». В эпоху «Воюющих царств» китайцы также ходили по Нефритовому пути далеко на Запад, но эта дорога считалась очень опасной и тяжелой для путешествий: «Нефрит по окраске не сравнить со снегом, по влажности - с дождем, по гляncу - с жиром, по блеску - со светильником. Однако добыть нефрит очень тяжело. Для того чтобы достичь гор Куньлун, надо переправиться через две реки и шесть озер. Только сто из тысячи и десять из ста [путешественников] возвращаются домой невредимыми» » [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 212].

Японский исследователь Эгами Намио убедительно доказал, что посредниками в торговле нефритом выступали юечжи (саки – кушаны - М.А.), до III в. до н.э., занимавшие обширные территории Западной Ганьсу и Восточного Туркестана. Об этом сообщает трактат «Гуань-цзы»: «На севере народ юйши (юэчжи) использует в быту нефрит», «Нефрит происходит с гор на границе с народом юйши» [цит. по Любо- Лесниченко, 1994, с. 213].

Вполне возможно, что в данной торговле наряду с саками - юэчжи, принимало участие и основное автохтонное индоевропейское население Таримского бассейна - тохары и, позднее согдийцы, начавшие переселение на восток из-за последствий «Антидэвовской реформы» ахеменидского шахиншаха Ксеркса (в 486 г. до н. э.). Данная мысль находит свое подтверждение в исследованиях российского тибетолога Б. И. Кузнецова « в V в. до н.э., имело место массовое переселение иранцев из Северо-Восточного Ирана, из Согда к северным границам Тибета. Одной из основных причин, вызвавших это переселение, была, вероятно, так называемая «религиозная

реформа» Ксеркса. Значительная часть этих иранцев, носителей древних традиций, в первые века нашей эры смешалась с тибетцами, которые, таким образом, получили иранскую религию (тибетский «бон»), арамейскую письменность (государственная письменность ахеменидской державы, включая сатрапию Согдиана - М. А.), книги, сохранившиеся до наших дней, и прочее культурное наследство стран Ближнего и Среднего Востока» [Кузнецов, 1972, с. 133].

На наш взгляд, одной из вероятных причин окончательной победы в Китае периферийного государства Цинь, находившегося на северо-западе от других шести государств Поднебесной (Китая) в конце эпохи Чжаньго («Борющихся царств»), воспринимающееся среди других как «полуварварская» страна, состоит в том, что внутри Китая оно контролировало торговлю нефритом, очень востребованным всеми древнекитайскими государствами. «Княжество Цинь,- пишет Сыма Цянь в своих «Исторических записках» (Ши цзи), - находилось в отдалении, в области Юнчжоу, оно не участвовало в сборах и союзах владетельных князей из срединных владений. Они относились к Цинь [пренебрежительно], как к племенам ииди (иранские племена – М. А.)» [Сыма Цянь, Т. II., 1975, с.39].

Древние иранцы времен Ахеменидской империи, создав обширную мировую империю, охватывающую три континента - Азию, Африку и Европу, впервые объединили почти все очаги древних цивилизаций (кроме Китая) в единую транспортную коммуникацию. Обширная территория империи от берегов реки Инд на юге-востоке и берегах Сырдарьи на северо-востоке до берегов реки Дунай (западного Причерноморья) на северо-западе и пустынь Нубии на юге выступила мощным стимулом развития торговли как внутри нее, так и с запредельными территориями. Они стали заботиться не только о сухопутной торговле в рамках обширной империи, но вышли на восточное и южное Средиземноморье, создав морской союз с финикийцами, стали

усиливать и морскую торговлю. Они не только заботились о состоянии древних дорог, создав первую в мире государственную почтовую службу, но и строили новые дороги.

Из серий древних дорог, функционировавших в пределах империи, особо выделяется Царская дорога, связывающая столицы империи город Сузы (вблизи Персидского залива) через месопотамские города с бывшей столицей Лидии (малоазийское, греческое государство, завоеванного Киром Великим) - Сарды. Именно соединение Нефритового и Лазуритового путей с ахеменидской Царской дорогой выступило, во многом, началом функционирования шелкового пути его основным (центральным) маршрутом.

На северной стороне по евразийским степям почти параллельно географическому соединению этих трех региональных путей (Нефритового, Лазуритового путей и Царской дороги) до возникновения шелкового пути функционировал Скифо-сакский путь, проходивший, в основном, по современным южнороссийским и казахстанским степям.

Еще в глубокой древности древние греки выступили конкурентами финикийцев в морской торговле, создав свои торговые фактории не только в акватории Средиземноморья (в Сицилии и т. д.), но и в бассейне Черного моря. Здесь на северных берегах Черного моря греки установили взаимовыгодный торговый обмен с иранскими кочевыми племенами, которые по Скифо-сакскому пути транспортировали античные товары далеко в Сибирь, Алтай, Таримский бассейн (Синьцзян Китая), доходя до берегов Хуанхэ. В обмен они от них получали хлеб, ячмень, мех, шерсть и другие товары первой необходимости или предметы роскоши.

На наш взгляд, название этого степного пути как «Скифо-сакский путь» более подходит, так как в отличие от Лазуритового, Нефритового или Шелкового путей в нем не доминировал какой-либо конкретный товар (лазурит, нефрит, шелк, мех, хлеб или иной товар), а древние торговцы, которые выступили основными торговыми агентами этой торговой дороги. Тем более «отец истории» Геродот особо подчеркивал активность скифских народов в нем, а как известно, скифы на востоке имели название - саки, поэтому целесообразнее назвать этот древнейший торговый путь именем его открывателей и основных пользователей.

Как подчеркивает современный российский исследователь, - «если нанести описанный им (Геродотом- М. А.) путь на карту, то станет очевидным, что торговые караваны начинали путь в Танаисе (древнее название р. Дон- М.А.) и шли вверх по Дону через земли савроматов (одно из североиранских племен- М. А.) до мест современного Волго-Донского канала. Далее, дорога поворачивала к нынешнему Оренбургу, где находились леса, населенные будинами, потом вела на Восток, к югу от Уральских гор через засушливые области Большого Иргиза и Общего Юрта, далее окаймляла «лесную степь», где у Тобола и Ишима жили иирки. Близ современного Семипалатинска мы находим у Геродота «другие скифские (иранские - М.А.) племена». Миновав их, караваны попадали на каменистую равнину в отрогах Алтайских гор. Путь заканчивался в стране агриппеев, у которых «как мужчины, так и женщины лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками». Они жили в районе Верхнего Иртыша и оз. Зайсан-нор» [Любо- Лесниченко, 1985, с.89].

О наличии торгового пути через ареал расселения скифо-сакских племен сообщают также и другие исследователи. Согласно мнению ведущего специалиста по хазарской проблематике М. И. Артамонова: - «Еще в VI в. до н.э. скифские и греческие купцы из

Причерноморья путешествовали по степям вплоть до сказочной страны агриппеев, находившейся, по мнению Томашека, на северных склонах Тянь-Шаня. Во времена Плиния существовал путь от северных берегов Каспийского моря на восток через пустынные земли, населенные лишь дикими зверями и скифами-людоедами, в страну серов, т.е. в Северный Китай» [Артамонов, 1962, с. 402].

Уже во времена функционирования шелкового пути несколько южнее от Скифо-сакского пути (бассейн р. Или, Хафтруд, правый берег Сырдарья, южный берег Аральского моря, северный берег Каспийского моря, Северный Кавказ, северо-восточный берег Причерноморья) стал постепенно формироваться его северный маршрут, который заменил эту древнюю степную дорогу.

Походы Александра Македонского на Восток среди различных последствий имели одно явное преимущество, так как географическое мировоззрение античных мыслителей было расширено до бассейнов рек Сырдарья, Инда и близлежащих к ним географических регионов. Многочисленные ученые - географы, сопровождавшие армии этого удачливого полководца, описали подробные итенарии (маршруты) глубинных областей Ближнего и Среднего Востока. А греческие и македонские торговцы, обслуживающие эту огромную армию и последующие армии его полководцев, активизировали сухопутную торговлю между Балканским полуостровом, Средним Востоком и Центральной Азией. Образование Селевкидской державы, Греко-бактрийской и греко-индийских государственных образований вместо кратковременной империи Александра Македонского своими постоянными потребностями в греческих товарах также поддерживали интенсивные торговые связи между Западом и Востоком.

На наш взгляд, со времен существования греко-бактрийских и индо-греческих государственных образований, возможно, еще ранее стал функционировать «Путь из Бактрии в Индию». Отец - основатель шелкового пути, китайский посланник Чжан Цянь, прожив год в Бактрии (в 127 г. до н.э.) обнаружил на местных рынках бамбук и китайские ткани. О существовании торгового пути из Бактрии в Индию из его уст сообщается в «Исторических записках» - « [Чжан] Цянь говорил: «Когда я находился в Дася (Бактрии - М.А.), то увидев бамбуковые посохи из Цюн (район провинции Сычуань Китая - М. А.) и ткани из Шу (район Сычуань Китая - М. А.), спросил, как их получают. Жители Дася сказали: Наши купцы отправляются на рынки в Шэньду (Индия- М.А.). Шэньду находится на юго-востоке от Дася в нескольких тысячах ли (кит.мера расстояния «ли»- пр. 0,5 км.- М.А.). Там ведут оседлый образ жизни и их обычаи такие же, как в Дася. [Страна] низменная, влажная и жаркая. Их люди воюют верхом на слонах. Через страну протекает река Дашуй (вероятно, р. Ганг- М.А.)» [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 202].

О существовании древнего торгового пути из Бактрии в Индию и наличие одного из узловых торговых центров на берегу Амударьи сообщают также античные авторы. «Аристобул даже объявляет Окс (Амударьи- М.А.) самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и много индийских товаров привозят вниз по течению в Гирканское море (Каспийское море- М.А.); отсюда их переправляют в Албанию (совр. Азербайджан- М.А.), через реку Кир (совр. Кура- М.А.) и следующие затем местности доставляют в Евксинский Понт (Черное море- М.А.)» [цит. по Мукашева, 1972, с. 12].

Ко времени формирования шелкового пути Древний Рим, выступающий преемником морской (финикийской, греческой и египетской) торговли, стал непосредственным соседом по торговле с Парфянской державой, которая, в свою очередь, аккумулировала в себя наследие месопотамской и ахеменидской (сухопутной) торговли. А саки-кушаны, отступая на запад под натиском бывших своих вассалов гуннов, переходив Тянь-Шань и особенно, Памир, неосознанно, соединили Нефритовый путь с Лазуритовым путем, которых в новом месте нашел Чжан Цянь. Отчет о западном походе к сакам - юэчжи, особенно о наличии на западных странах статных коней, так необходимых ханьцам (самоназвание китайцев) в борьбе с грозными кочевниками, совершающими набеги, стал непосредственным поводом отправки большого китайского посольства (119 г. до н.э.) в эти страны. Эти посольства, в распоряжении которых было огромное количество шелка, стали первопроходцами этого легендарного шелкового пути.

1.2. Объединение древнего Китая и формирование государственной идеологии.

Дальний Восток в отличие от других древних очагов цивилизации (Месопотамия, Египет, Средиземноморье, Передний и Средний Восток, Варурод (Среднеазиатское междуречье) и Индия) относительно долго проходил автономное и автохтонное развитие, что, несомненно, оставило свой отпечаток в его всемирно-историческом развитии. Обособленный от других очагов цивилизации водными преградами, высокими горами, непроходимыми джунглями, обширными пустынями или степями ареал бассейнов рек Хуанхэ и Янцзы проходил достаточно долгий путь формирования государственных образований и их консолидации. Природно-ландшафтное расположение, разрезанное многочисленными реками, озерами, горными системами, труднопроходимыми лесами и джунглями выступили первоочередными преградами создания единого централизованного государства, поэтому в различных ареалах бассейнов этих рек, особенно, в среднем и нижнем их течении создавались первичные государственные образования древнего Китая. Данная изолированность и самобытность, несомненно, оставили свой отпечаток в формировании и развитии традиционной китайской историографии.

«В китайской историологической и общественно-политической мысли,- пишет российский исследователь,- уже в начальной стадии их формирования (приблизительно с середины I тыс. до н.э.) господствовала идея о нерасторжимой связи исторического процесса с институтом верховной власти и его предельно архаических истоков. Такое видение национальной истории запечатлено в знаменитом историографическом сочинении «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяна (145?-86? гг. до н.э.). В нем, во-первых, исторический процесс четко подразделен на

эпохи, соотносящиеся с той или иной династией («династические периоды»). Древнейшими такими эпохами (и одновременно древними государствами) Сыма Цянь называет Ся, Инь и Чжоу, за которыми закрепилось общее терминологическое обозначение Сань дай, Три династии. Во –вторых, происхождение государственности, а также национального этноса и цивилизации в целом соотносится здесь с еще более ранней «эпохой» - «временем правления Пяти владык- ди» [Кравцова, 2012, с. 9].

По мнению Т. В. Степуниной: «Период с 1112 по 770 год до х.э. (до н.э. – М. А.) китайская историческая традиция относит ко времени древнекитайского государства Западное Чжоу. В отличие от войн Шан - Иньской эпохи, носившей характер вооруженных набегов, походы чжоусцев с самого начала имели целью захват новых территорий, перекачивая из них рабочие силы» [Степугина, 2009, с. 203].

Согласно сообщению как древних, так и современных исследователей [Васильев, Кравцова, Степунина, Сыма Цянь и др.), по структуре государство Чжоу было рыхлое и этнически неоднородное, так как местные владетели (чжухоу) оказывали лишь военную поддержку чжоускому правителю (вану) и предоставляли дань, но управляли своими наследственными землями самостоятельно.

В гл. 4 «Исторических записках» («Основные записи [о деяниях дома] Чжоу») более подробно приводится мифологизированный образ рождения первопредка этого (чжоуского) дома: «Чжоуский Хоу-цзи носил имя Ци. Его мать, девушку из рода Ю-тай, звали Цзян Юань, она была старшей женой императора Ку. [Однажды], выйдя в поле, Цзян Юань увидела след [ноги] великана, сердце ее наполнилось радостью, и она захотела наступить на этот след, а наступив на него, [почувствовала] в себе

движение, похоже, как понесла плод. Наступил срок, у нее родился сын. Считая это плохим предзнаменованием, она бросила ребенка в узком проулке, однако проходившие здесь лошади и быки обходили [брошенного] и не наступили на него; [тогда Цян Юань] перенесла ребенка в лес, но в это время на горе в лесу находилось множество людей, [поэтому она вновь] перенесла его по льду и бросила в канаву, но прилетели птицы и своими крыльями укрыли младенца со всех сторон. Тогда Цян Юань поняла, что родила необыкновенное дитя, подобрала сына, вскормила и вырастила его. [Так как] вначале она стремилась бросить младенца, ему дали имя Ци - «Брошенный» [Сыма Цянь, Т.1., 2001, с. 179].

Далее в этом историческом сочинении повествуется, что этот первопредок династии Чжоу имел тягу к земледелию и получал хорошие урожаи, поэтому сам легендарный император (ди) Яо поставил его в должности управителя земледелия. Однако эта должность не перешла к его потомкам, так как при его сыне (Бу Ку) она была упразднена. Он бежал «в земли жунов и ди», так как по мнению некоторых китайских исследователей, его мать могла быть «из племени цянов - предков жунов [Там же с. 302]. Другими словами, в стране вновь стало преобладать скотоводство над земледелием, а его сын (Гун-лю), переселившись в район р. Вэйшуй, вновь занялся земледелием. Люди последовали за ним. С этого времени, по сообщению Сыма Цянь, «начался подъем дома Чжоу» [Там же, с. 179-180].

Сообщение «Исторических записок»: «Тогда Гу-гун отверг обычай жунов и ди, стал сооружать города, окруженными стенами, и предместья вокруг них, строить здания и дома и расселил там народ. [Он] установил пять управлений со своими обязанностями. Весь народ воспевал в песнях Гу- Гун, прославляя его добродетеля» [Там же 181], можно рассматривать как окончательный отказ этого государства от обычая скотоводов - кочевников и обращение к

оседлой цивилизации, свидетельством чего является постройка множества городов, упомянутые впервые.

Внук Гу-гун Даньфу Чань, получивший титул Си-бо («Повелитель Запада»), согласно «Исторических записок» также усердно трудился и своей добродетелью стал способствовать возвышению своего дома, который вскоре стал соперничать с верховным Ин-Шанским ваном, что не могло не привести к открытому столкновению между ними [Там же, 182-186].

Это открытое столкновение – известная битва в Муе (1027 г. до н.э.) решившая судьбу дома Ин-Шань, произошло уже при сыне Си-бо, получившего посмертные титулы Вэн-ван («Просвещенный ван») – У-ван («Воинственный ван»).

Сыма Цянь подробно описывает это судьбоносное время для дома (династии) Чжоу, когда он сменил предыдущее государство в древнекитайской истории: «В это время владетельные князья, не сговариваясь, собрались в числе восьмисот у Мэнцзиня. Они единодушно сказали: «Чжоу[-синя] (Ин-Шаньский или Иньский ван- М. А.) можно покарать!» У- ван сказал: «Вы не знаете воли Неба, еще нельзя», поле чего повернул войска и вернулся обратно. Прождав два года, [У- ван] узнал, что безрассудство и жестокость проявились у Чжоу[-синя] еще больше и что [он] убил сына вана Би - ганя и заточил в тюрьму Ци-цзы. [Иньские] тайши (придворный сан - М. А.) Цы и шаоши (придворный сан- М. А.) Цзян, захватив с собой музыкальные инструменты, [используемые при жертвоприношениях], прибежали в Чжоу. Тогда У-ван объявил владетельным князьям: [Дом] Инь совершил тягчайшие преступления, нельзя не покарать его полной мерой». И, повинувшись, [посмертной воле] Вэн-вана, [он] возглавил триста боевых колесниц, три тысячи удальцов, сорок пять тысяч

латников и выступил на восток в карательный поход против Чжоу[-синя]» [Там же, 184].

Далее в «Исторических записках» описывается непосредственный ход битвы и ее последствия: «Император Чжоу[-синь] узнав о приближении У-вана, также выставил армию, насчитывающую семьсот тысяч человек, чтобы дать отпор У-вану. У-ван послал Ши Шан-фу вместе с сотней воинов завязать с врагом бой и быстро двинулся во главе главных сил на войска императора Чжоу[-синя]. И хотя армия Чжоу[-синя] была многочисленной, но никто не хотел сражаться, все желали, чтобы У-ван скорее вступил [в столицу]. [Поэтому] войска Чжоу[-синя] повернули оружие и стали сражаться против него, открыв [путь] У-вану. [Когда] У-ван [с войсками] стремительно подошел, иньская армия развалилась, взбунтовалась против Чжоу[-синя]. Чжоу[-синь] бежал, вернулся [в столицу], поднялся на террасу Лутай (хранилище царской казны-М. А.), покрыл себя одеждами с драгоценной яшмой, бросился в огонь и погиб» [Там же, 186].

Согласно этой древнекитайской хронике, Победитель У-ван, основатель новой династии Чжоу стал раздавать земли местным владельцам (чжухоу) и частным лицам, своим сторонникам, которые постепенно став наследственными, стали оплотом сепаратизма. Это общественное явление со временем привело к ослаблению новой династии.

Несомненно, смена верховной политической власти привела к реформе государственной идеологии. Как отмечает исследователь: «Чжоусцы восприняли, в том числе модель социально-политического устройства иньского общества, включая институт верховной власти, а также культ предков и идею кровного родства правящего дома и отдельного монарха с высшими силами. Радикальное религиозно-идеологическое преобразование

заклучалось в отделении института верховной власти от культа предков. Верховным божеством был объявлен не собственный предок- прародитель (Хоу- цзи, Государь Просо), а Небесный Владыка- Тянь-ди» [Кравцова, 2012, с.61].

Главным идеологическим новшеством было то, что культ Неба стал заменять культ предков, от которого зависела легитимизация новой власти на глазах у древних китайцев. Со временем культ Неба, глубоко укоренившийся, стал доминирующим до нового времени.

«С культом Неба,- отмечает специалист, - связана главная религиозно-идеологическая новация чжоусцев- концепция Небесного мандата (Небесного повеления, тянь мин), гласившая, что династия и конкретные монархи имеют право на верховную власть исключительно по воле Неба. Если царственный государь по каким-то причинам не справляется с державными обязанностями, то небо лишает лично его или весь правящий дом «небесного мандата» и передает его своему новому избраннику» [Кравцова, 2012, с.62].

«Далее,- продолжает исследователь,- концепция Небесного мандата предполагала мистическую связь правителя с Небом и его божественное происхождение. На это указывает образный титул монарха, введенный при Чжоу, - Тянь- цзы (Сын Неба).

Неизбежно возникли предпосылки для появления сюжета о «чудесном зачатии» будущего носителя «небесного мандата» и его внешних отличительных признаках, которые впоследствии превратились в органическую принадлежность образа шэна и шире всего комплекса представлений о правителе. Имеющий божественное происхождение и наделенный свыше правом на державную власть, государь должен был наделяться и особыми

способностями, позволявшими ему исполнять свои сакральные функции. Так возникла идея «благой силы» (дэ) как магической силы, также ниспосылаемой свыше.

В результате фигура правителя приобрела еще большие, по сравнению с иньской государственной религией, магико-космологические масштабы. Будучи Сыном Неба, носителем «небесного мандата» и обладателем «благой силы», он наделялся способностью оказывать личное (а не только через контакты с обожествленными предками) воздействие на окружающий мир и происходящие в нем процессы» [Кравцова, 2012, с.68].

Здесь уместно напомнить, что идея «*благая сила*» очень близка по смысловой нагрузке с маздеистской (или зороастрийской) идеей «*благомыслие, благословие и благодеяние*», что говорит о возможности вероятных контактов древних чжоусцев и иранскими племенами севера, носителями «звериного стиля». Упоминание в «Исторических записках» об обитании многих родоначальников дома Чжоу как сына первопредка Хоу-цзы Бу Ку, его сына Ицзуй, внука Гун-лю и других среди кочевых племен, особенно, племен *ди* и последующий отказ их преемников от обычаев (иранских) кочевников, отдаленно говорит о том, что они были знакомы не только с их обычаями и искусством, но и их мировоззрениями и жизненными ориентирами.

Как подчеркивает другой российский специалист: «Понятие дэ— квинтэссенция теории небесного мандата и сакральный авторитет правителя, и реакция Неба на земные дела - все определяется им и только им. Известно, что надписях и ритуальной практике шанцев (китайцев эпохи Шань – М. А.) ни термина дэ, ни соответствующей, обозначаемой им категории (понятия) еще не было...

Понятие *дэ* появляется в Чжоу. Его можно встретить в раннечжоуских надписях в бронзе. Оно употребляется в ранних главах «Шуцзина». Так в главе «Цзюнь ши» сказано, что если помощники Вэнь-вана «не оказались бы способны идти и действовать, реализуя его установления и поучения, то *дэ* Вэнь-вана не дошло бы до всех». В этой же главе понятие *дэ* повторено несколько раз в разных контекстах, но всегда в одном плане; его можно достичь, удержать или потерять, лишиться» [Васильев, 1995, с. 235].

Далее исследователь проводит параллели между понятием *дэ* с *благословением божим* из Ветхого Завета и с древнеиндийской *кармой*, однако, на наш взгляд, проведение параллели возможно также с авестийской «*хварной*» (позднее таджикской «*фарн*» или «*фар*») ниспосланной справедливым шахам древней Арианы (позднее Ирана). В «Яштах» Авесты и «Шахнаме» описывается обладание божественной «*хварны*» (аналог *дэ*) со стороны праведных правителей. Например: российский исследователь мифов древнего Ирана, рассказывает о многочисленных попытках заполучить божественного *фарна* со стороны чужеземного царя - Афросиаба:

«Нельзя достать мне Хварну,
Которой завладели,
Грядущие и бывшие
Цари арийских стран»
[Рак, 1998, с. 206, Мамадазимов, 2000, с. 30, 36].

«Превращение *дэ* в этический детерминант колоссальной силы и непререкаемого значения,- пишет Васильев,- было обусловлено тем, что именно эта категория стала решающим критерием, обусловливавшим реакцию Неба на жизнь людей, и в первую очередь, на поведение правителей. Весь внутренний смысл

и гигантский потенциал теории о мандате Неба сводился к тому, что Великое Небо не только одобряет добродетельных и не одобряет порочных правителей, но и, вмешиваясь в дела людей, решительным образом отбирает власть у тех, кто утратил дэ, и вручает ее тем, кто приумножил его и именно этим стал выделяться среди прочих. Отсюда следовал однозначный вывод: власть по воле Неба находится и должна быть не у сильного и ловкого, но у благородного и добродетельного. Это и растолковывал всем Чжоугун (высший сановник и реформатор у первых ванов Чжоу- М. А.) обращаясь и к шаньцам, и ко всем владетельным князьям Поднебесной, вассалам чжоуского вана» [Васильев, 1995, с. 237].

Однако не все прошлое отвергалось, многие традиции предшествующей династии продолжали функционировать. К главным таким традициям относилась идея пространственного мироустройства. Как отмечает известный синолог: «Дело в том, что чжоусцы - как, видимо, и иные окружавшие шанцев и находившиеся под их воздействием народы - воспринимали идеи пространственного мироустройства через традиции Шан, суть которой сводилась к тому, что центром обитаемого мира следовало считать столицу вана, окруженную зоной региональных подразделений и поясом обитания чужих племен и владений.

Практически сказанное, означает, что чжоуский ван как бы по – прежнему соглашался с тем, что центр ойкумены на востоке, тогда как сами чжоусцы с их западным местонахождением – лишь периферия ее. И если чжоуский ван хочет добиться благоволения Неба, то оно должно быть как-то связано с перемещением центра обитания чжоусцев или хотя бы главной их администрации на восток. В качестве своего рода заместителя столицы шанского вана и воспринималось новая в районе Ло, Лои, территориально действительно близкая к Аньяну (совр. Лоян расположен чуть южнее Аньяна, к югу от Хуанхэ)» [Васильев, 1995, с.223].

Из огромного комплекса политически - идеологического наследия древнего Китая, выкристаллизованного в эпоху Чжоу, наряду с такими категориями как «*мандат Неба*» для политического управления государством и «*центр мироустройства*», считающей столицу (резиденция правителя) Поднебесной центром цивилизованной ойкумены, для углубленного изучения формирования шелкового пути, интересует также еще одна важная категория - категория «*дарения*».

Эта категория, согласно итогам исследования синологов, бравшая свое начало с военных трофеев в результате военных походов эпохи Западного Чжоу, постепенно переросла в очень важное общественно- политическое явление. Как отмечает исследователь: «Проблема военных трофеев вполне конкретна, но их судьба универсальна. Они передаются вверх по ступеням иерархии, а затем, также ступенчато, частично возвращаются в виде даров. «Сянь» и «цы» - подношения и пожалования – это фундаментальные способы коммуникации в Западном Чжоу, включающие в себя экономические, политические и идеологические связи.

Остается лишь добавить, что это - постоянно и непрерывно действующий социальный механизм, обеспечивающий жизнедеятельность архаической цивилизации. Исследование древнейших пожалований как целостной социальной системы позволяет увидеть, что дар- не акт и не сумма актов, а скорее некий континуум, в котором начало смешалось с концом, а причина - со следствием, и безусловным осталось лишь одно движение. Именно это движение и вызывало у древних китайцев ощущение дара как благодатного потока, или ниспадающего счастья, к щедротам которого надобно постоянно припадать. «Ежедневное получение

милости (жи цы сю)- это и есть собственное пребывание под таким живительным потоком» » [Крюков, 1985, с.13].

Несмотря на свой непрерывный характер категория «дарение» в китайском обществе уже отличали его социальный характер, так как категория «дарение» делилась на две части «подношение» и «пожалование», определяя статусное положение участников данного процесса.

«Пожалование и подношение, - пишет известный специалист, - выявили вертикальный характер межстатусной коммуникации, но если в первом случае (цы) движение происходит от «верхов» к «низам», то о втором оно имеет обратную направленность. Низы трудятся и помогают верхам, верхи управляют и помогают низам - это универсальное кредо архаической цивилизации имело вполне реальное и прозаическое основание в буднях хозяйственной деятельности древних китайцев» [Крюков, 1985, с.8].

Одной из разновидностей политики дарения, описанной в деянии дома Чжоу и Циня в «Исторических записках» Сыма Цяня, была посылка жертвенного мяса Сыном Неба (чжоуского вана) более могущественным чжухоу, что воспринималась как знак его особого расположения [Сыма Цянь, Т.2., 1975, с. 40, 313].

В VIII в. до н.э. усиливается военное вторжение различных кочевых племен в глубину государства Чжоу. В «Исторических записках» отмечена активность племен *жунови ди* в этом периоде: «Ю-ван зажег сигнальные огни (огни, извещающие об приближении врага - М.А.), призывая на помощь войска, но войска [чжухоу] не пришли. Затем [нападающие] убили Ю-вана у подножия Лишань (гора на севере совр. г. Сиань - М. А.), схватили Бао-сы (наложницу правителя – М.А.), забрали все богатства [дома]

Чжоу и ушли. После этого владетельные князья соединились с Шэнь-хоу (тесть вана- М. А.) и совместно возвели на престол прежнего наследника- старшего сына Ю-вана И-цзю. Это и был Пин-ван, который продолжил принесение жертв [предкам] Чжоу.

Взойдя в престол, Пин-ван переехал на восток, в Лои с целью укрыться от нападений жунов. Во время [правления] Пин-вана чжоуский дом ослаб, сильные князья присоединили к себе [земли] слабых, началось усиление княжеств Ци, Чу, Цинь и Цзинь, и управление [все больше] зависело от местных правителей» [Сыма Цянь, 2001, с. 203].

В этом небольшом отрывке «Исторических записок» изложены судьбоносные события в истории династии Чжоу, так как чжоуские войска были разбиты, в основном, кочевниками севера. А перенос столицы (в 770 г. до н.э.) новым ваном на восток китайская традиционная историография начинает эпоху Восточное Чжоу (770-256 гг. до н.э.), которой была присуще ослабление центральной власти и усиление междоусобицы между местными княжествами.

Как отмечает исследователь: «Однако, несмотря на потерю реальной власти и превращение домена вана в один из чжоуских уделов, затем царств, роль вана в чжоуском Китае, продолжала признаваться. Он оставался законным главой Поднебесной, сакральным вождем чжоусцев. Эта его функция была весьма четко отражена в идее ван- дао («правление вана», «путь вана», «легитимное правление»), противопоставленный идее ба –дао («правление силы», «путь гегемона», «нелегитимная власть»). Чжоуские правители, начиная с Пин-вана, продолжали быть символом ван- дао на протяжении полутысячелетия, хотя реальной властью в Поднебесной практически более не обладали. Феномен исключительный в мировой истории и объяснимый лишь с позиций

той всемогущей и игравшей роль политической религии древнего Китая концепции небесного мандата с лежавшим в ее основе принципом этического детерминанта» [Васильев, 1995, с. 312].

Тем временем, как было отмечено, по мере роста сепаратизма местных владетелей (чжухоу) ослаблялась военная мощь ванов Чжоу, которые, несмотря на многочисленные вторжения и военные походы чжухоу друг против друга, успешно отстаивали свой религиозно-сакральный статус своей власти, данный мандатом Неба. Однако существовали ряд мощных и фактически независимых княжеств, которые признавая только сугубо сакральное верховенство дома Чжоу, на практике вели полноценные войны с другими соседними княжествами. Эта насильственная практика расширения территории государством-победителя за счет присоединения земель побежденного не могло не привести изменению существующих порядков. В этих условиях наряду с концепцией «мироустройства» с «мандатом Неба» чжоуского дома появилась практика заключения *«клятвенных договоров»* между различными правителями княжеств [Гончаров, 1986, с.9]. Таким образом, сама суровая реальность жизни эпохи «Борющихся или Сражающихся царств» сформулировала наряду с «мироустроительной» концепцией также концепции «равных договоров», предполагающих равноправных отношений между договаривающимися сторонами, которые впоследствии практиковались между Китаем и другими самостоятельными странами.

Несмотря на феодализацию и раздробление чжоуского дома, лучшие умы Китая не переставали думать об его объединении. Среди многих учений и концепций явно выделились конфуцианство и легизм, предложивших свой путь объединения Поднебесной.

По мнению российского исследователя: «Определяющую основу общества и государства Конфуций усматривал в наличии сословных и ранговых различий, позволяющих мудрым верхам управлять низами, а также в высоком моральном облике правителей и чиновников. По его убеждению, государство и общество только тогда могут развиваться нормально и стабильно, когда каждый ведет себя и действует в строгом соответствии с тем положением, которое он занимает в семейной, родовой, сословной и ранговой иерархии и когда чиновники и правители в полной мере обладают необходимыми для управления добродетелями. Основную причину упадка чжоуской монархии, неустойчивости и нестабильности современному ему общества он видел в упадке морали правителей и чиновников и в том, что перестали строго соблюдать сословные и ранговые различия» [Илюшечкин, 1985, с. 37].

Далее этот специалист анализирует отличие концепции объединения Китая со стороны легистов и его яркого представителя Шан Яна: «Что касается легизма (школы «фа»- закона), то он как целостное политическое учение оформился позднее, в IV в. до .н.э. , когда, по крайней мере для наиболее дальновидных политиков, вполне ясно определялась тенденция к объединению Китая в единое государство только военным путем насильственного поглощения наиболее могущественным княжеством всех остальных княжеств. Эту тенденцию вполне уловил и теоретически отразил первый видный представитель легизма Шан Ян (Гунсунь Ян). Идее установления государства в Поднебесной насильственным военным путем подчинены все остальные идеи и положения его учения... Шан Ян ратовал также за создание суровых законов, обязательных для всех- знатных и незнатных» [Илюшечкин, 1985,с. 41].

Тем временем, на данном этапе наблюдается оживления ремесла и, соответственно, торговых отношений во всех семи государствах древнего Китая. По мнению И. В. Степуниной: « В

период Чжаньго («Борющихся» или «Сражающихся» царств –М. А.) намечается специализация ремесленного производства по отдельным районам, возникают новые его отрасли. Стремительно развиваются товарно-денежные отношения. Распространяется монетная форма денег. Формируется новый социальный слой «торговых людей» (шанжень), у которых преимущественно и скапливаются свободные денежные средства. Появляются торгово-ремесленные города с полумиллионным населением. Несмотря на трудности внутренней и внешней торговли, связанные с таможенной политикой царств, товарный рынок сильно вырос повсюду» [Степугина, 1997, с. 434].

Со второй половины I тысячелетия до н.э. во всех сферах жизнедеятельности общества древнего Китая стали происходить глубокие трансформации, приведших к кардинальным политическим процессам как внутри страны, так и в его внешней политике. Ключевую роль в них стал играть периферийное (северо-западное) государство Цинь.

Первоначально государство Цинь, расположенное в бассейне реки Вэйхэ (приток Хуанхэ), отличалось от остальных шести государств древнего Китая (период «Чжаньго»- «Борющиеся царства») своим выгодным географическим местонахождением. Это государство, находящееся на северо-западе Китая, было защищено от вторжения соседей естественными преградами-реками Хуанхэ и горными хребтами, в свою очередь, занимало стратегическую позицию для наступления на соседние государства среднего течения Хуанхэ и на пограничные кочевые племена. Два последующих фактора выдвинули это государство на первую роль в политической истории древнего Китая.

Первое, торговля с северными племенами, выступающими посредниками в торговле с странами Центральной Азии, являлись важным источником обогащения и усиления государства Цинь. Несмотря на свой полуварварский статус это государство имело тесные торговые связи со многими государствами эпохи Чжаньго, о чем свидетельствуют «Исторические записки»: «Ян (город в княжестве Вэй- М. А.), Пинъян (столица княжества Западный Вэй- М. А.) и Чэнь (столица княжества Чу- М. А.) на западе торгуют с Цинь и [племенами] ди» [Сыма Цянь, Т. IX., 2010, с. 302].

Второе, проведение реформы циньским министром Шан Яном в середине IV века до н.э. Основной целью этой реформы были политическая централизация власти, административно-территориальное переустройство, подрыв могущества аристократических родов, изменение системы налогообложения с учетом трансформации общины и т.д. В политике и идеологии государства Цинь уже в это время намечаются контуры будущей Циньской империи, охватившей менее чем через полтора столетия все территории древнего Китая [Степугина, 1997, с. 435].

Древний Китай, родина шелка, объединенный дипломатическими и военными стараниями первого императора Ши Хуанди в централизованное государство к концу III века д.н.э. (221 год д.н.э.) на своей северной периферии впервые столкнулся с мощным племенным союзом сюнну (гунны), который также переживал стадию внутренней консолидации. Завоевания стали основным принципом внешней политики обоих соседних государственных образований. Грозные кочевые племена на экспансию китайцев отвечали набегами и угоном людей и скота.

В «Исторических записках» подробно приводится это противостояние двух государств: «Затем Цинь покончило с шестью царствами (объединило Китай- М.А.), и император направил

военачальника Мэн Тяня во главе сотысячного войска на север, чтобы ударить по хусцам (гуннам- М.А.). Он полностью отвоевал земли к югу от [северной излучины] Хуанхэ, создал вдоль Хуанхэ укрепления, построил вдоль Хуанхэ сорок четыре уездных города, заселил их ссыльными преступниками и осужденными, и проложил прямую дорогу от Цзююаня до Юньана. Затем от Линьтао до Ляодуна на протяжении более десяти тысяч ли (ли равно 0,5 км. – М.А.) он подготовил для обороны пограничные горные кряжи (построил Великую стену- М.А.), проложил дороги через долины, создав благоприятные условия для перехода через них. Кроме того, он с армией переправился через Хуанхэ и занял [район] между горой Яншань и Бейцзя» [Сыма Цянь, Т. VIII., 2010, с. 327].

Первый император древнего Китая, впервые объединивший обширную страну в единое целое вокруг своего государства Цинь, вместо семи разрозненных государств, приняв новый титул высшей власти- хуанди («император»), распространил по всей империи установления и законы Шан Яна, который утверждал - «как на небе не может быть двух солнц, так и у народа не может быть двух правителей», опираясь на авторитет Конфуция [Степугина, 1997, с. 439].

Империя Цинь олицетворяла собой централизованное военно–бюрократическое государство во главе с единовластным правителем. За короткий исторический срок (221-210 гг. д.н.э.) в государстве были проведены масштабные меры по централизации власти и унификации социально-экономической жизни людей. Государство было разделено на 36 административно-территориальных единиц (областей), без учета прежних государственных или этнических границ, где были введены единое писаное законодательство, единая система чиновничества, в также инспекторат, проводивший жесткий надзор деятельности всего административного аппарата снизу доверху и подчиненный лично самому императору. А унификация мер, весов и денежных единиц

по всей империи подтолкнула к быстрому росту товарно-денежных отношений по всей стране [Степугина, 1997, с. 443].

Политическое объединение древнего Китая под властью централизованного государства Цинь стал решающим фактором процесса дальнейшей консолидации древнекитайского этноса.

Однако жесткая карательная система (легизм), предусматривающая массовый вид наказания вкупе с колоссальными затратами и огромными человеческими жертвами для дальних военных походов, строительство Великой стены, ирригационных сооружений, храмов и грандиозной гробницы самого императора подорвали мощь государства.

После смерти 48 летнего императора в 210 году до н.э. по всей империи начались восстания и повстанческие движения. В 206 году до н.э. империя Цинь окончательно распалась и началась борьба за власть в империи между вождями повстанческих движений. После серий кровопролитных войн и столкновений в этой борьбе победил один из вождей повстанцев из бывшего княжества Чу Лю Бан, который в 202 году до н.э. был объявлен императором новой династии - Хань. Столицей нового государства был выбран города Чанъань (находившийся рядом с бывшей циньской столицей) [Степугина, 1997, с. 442].

Если во внутренней политике основателю Ханьской империи Лю Бану, пришедшему к власти на волне антицинских народных движений, пришлось только отменить жесткие законы и облегчить бремя налогов и повинностей, а остальное наследие сохранить в целостности, то во внешней политике новый император стал правопреемником своего предшественника, особенно, в защите границ (преимущественно северных) от постоянных набегов кочевых племен гуннов.

Уникальное инженерно-фортификационное и архитектурное сооружение древности- Великая Китайская стена не смогла полностью защитить империю Хань от будущих вторжений. В этот период на территории Великой степи также проходили серьезные трансформации, так как к моменту образования новой империи (Хань) в Китае одновременно завершилась консолидация племенного союза сюнну вокруг персоны верховного вожда- шаньюя. Шаньюй Модэ (209-174 гг. до н.э.), захвативший верховную власть, проводил военную реформу, в результате которой традиционная легковооруженная конница была усилена тяжеловооруженной конницей, он в несколько раз повысил боевую мощь своей армии [Степугина, 1997, с. 445].

Захватив огромную территорию (от реки Тарим на западе до реки Ляохэ на востоке), сюнну стали проводить регулярные вторжения на территорию Ханьской империи. В 200 году до н.э. они окружили под городом Пинчэн войско Лю Бана. Переговоры завершились заключением в 198 году до н.э. «договора, основанного на мире и родстве», император фактически признал себя данником шаньюя. Условия договора были очень тяжелыми для новой династии и считались позорными в последующей китайской традиции. С другой стороны, данный договор, имел, в сущности, и благоприятные последствия для новообразованного государства, так как при стабилизации отношений с грозным соседом на севере оно использовало его для наращивания своей мощи и модернизации своей армии по образцу упорного противника. Однако данный договор не стал гарантом от дальнейших вторжений кавалерийских отрядов кочевников, которые осуществляли глубокие рейды вглубь страны, доходя и до столицы - город Чаньань. При одном из могущественных императоров династии Хань У-ди (140-87 гг. до н.э.) была завершена военная реформа, чему способствовало среди других факторов введение государством монополии на железо.

Наряду с военной реформой в борьбе с упорным противником новый энергичный император использует также традиционный для древнекитайской дипломатии метод как «руками варваров покорять варваров». Он отправляет в 138 году до н.э. своего дипломата и стратега Чжань Цяна для заключения военного союза против сюнну с племенами юечжи (саками- кушанами), которые перед натиском первых откочевали из области Ганьсу куда-то на запад. С этой поездки начинается непосредственная история шелкового пути.

1.3. Миграция и этнополитическая обстановка в Центральной Азии до шелкового пути.

Как было подчеркнуто выше (1.1), на огромных просторах Великой степи, от реки Дунай на западе и верховьях Хуанхэ на востоке, обитали многочисленные иранские племена (скифы, саки, массагеты, сарматы, туры и многие др.), которых связывала древняя «Скифо-сакская дорога». А на юго-востоке этого кочевого ареала Нефритовый путь связывал саков- кушан (кит. юэцжи) с древнекитайским государством Цинь. По мнению тюрколога С. Г. Кляшторного, - «эпоху господства в азиатском ареале степей саков и савроматов принято обозначать либо археологическими терминами, либо термином, в который вкладывают скорее этнографическое, нежели историческое, содержание, - «раннежелезный век», «эпоха ранних кочевников», «скифская эпоха». В последнем случае, на вес кочевой мир Евразийских степей перенесено самоназвание одного из племен иранских кочевников Причерноморья (скуда или шкуда, более поздняя форма с показателем множественного числа – сколоты). Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы археологическими раскопками на пространстве от Хуанхэ до Дуная, что и стало основанием для общего названия той культурной общности, которая сложилась в степях не позднее IX - VIII вв. до н.э. и просуществовала по крайней мере до III в. до н.э.» [Кляшторный, 2004, с. 37].

Эти скифо - сакские племена не только вели традиционный кочевой образ жизни вдоль древней торговой дороги, тянувшей от северо-восточных берегов Причерноморья до южных склонов Алтайских гор, а нередко, возможно, из-за природных катаклизмов

(засухи, джута (обильного снегопада) или эпизоотии), потеряв свое основное богатство - скот, вторгались в пределы оседлых народов. Отголоски первых этих набегов грозных кочевников-киммерийцев, известны со времен ассирийской державы. «Поход на Вавилонию, предпринятый в 720 г. (до н. э.- М. А.), оказался неудачным: ассирийцы потерпели поражения. Зато в Сирии они разбили силы коалиции и вернули отпавшие было провинции, пройдя затем всю Палестину до египетской границы. Между тем и на севере обстановка была серьезной. Кроме Урарту там появился новый страшный враг - отряды киммерийцев, пришедшие из-за Кавказа. Впрочем, они представляли более непосредственную угрозу для самого Урарту. Видимо, Саргон (ассирийский царь Саргон II – М. А.) воспользовался тем, что киммерийцы нанесли урартам поражение, немедленно выступил в поход (714 г. до н.э.)» [Дьяконов И. М., 2009, с. 235].

Таким образом, набеги иранских конных отрядов-киммерийцев не только разоряли местных оседлых народов, но и существенно влияли на военно-политическую обстановку на Ближнем Востоке, так как в рассматриваемом эпизоде они способствовали ослаблению одной из великих держав древности - государства Урарту, которого добились ассирийцы.

К этому времени, согласно мнению С. Г. Кляшторного, происходят кардинальные изменения в традиционном образе жизни кочевников,- «главным прорывом века бронзы, из мира авестийских ариев - в железный век, век скифо-сакских племен, был прорыв в образе хозяйственной деятельности и, соответственно, в образе жизни. Знаменем прорыва стало сложение кочевого скотоводческого хозяйства. Переход к кочевничеству вовлек в хозяйственный оборот огромные незаселенные и неиспользованные ранее междуречные степные пространства. Изменившееся в позднеандроновскую эпоху стадо,

где крупный рогатый скот все более заменялся лошадью, не требующей повседневного ухода и способной к тебеневке, позволило в начале I тысячелетия до н. э. резко удлинить маршруты перекочевок и сделать их сезонными. Однако вместе с ростом стада и специализацией хозяйства возросла зависимость населения степи от погодных и климатических колебаний и состояния пастбищ. Любой сбой в природных циклах создавал кризисную ситуацию, которая не могла компенсироваться ослаблением земледелия на зимниках, в поймах рек и ручьев. Обусловленность миграций, завоевательных походов, набегов, кризисными изменениями в кочевом хозяйстве смутно сознавали и сами кочевники» [Кляшторный, 2004, с. 48].

Известный российский иранист-лингвист В.И. Абаев на основе лингвистических данных определяет основные периоды распада огромной индоевропейской семьи языков и миграции их носителей на восток и юго-восток. Он подчеркивает, - «I тыс. до н.э. 1-я половина. Часть скифов в составе крупного племенного объединения просаков отрывается от основного скифского массива и уходит далеко на восток, до рубежей Китая. Одновременно или раньше обосновываются в Средней Азии также бактрийцы, согдийцы и некоторые другие племена, принадлежащие к той же северной группе ираноязычных народов» [Абаев, 1972, с. 37].

О важности данного периода для исследования самой восточной части скифо-сакской ойкумены подчеркивается и в исследованиях других ученых, которые отмечают: «Проблема этнической и культурной истории Восточного Туркестана (Таримского бассейна - М.А.) в I тыс. до н.э. (по археологической периодизации - в раннем железном веке) имеет принципиальное значение для воссоздания общей картины исторических судеб этого региона. Дело в том, что именно данный период – эпоха, когда, впервые в мировой истории, обширное пространство Евразии, в том

числе в определенной мере и центрально-азиатские общества, попадают в поле зрения носителей письменных цивилизаций - древнеперсидской, ассирийской, античной, индийской, китайской. Это обстоятельство обеспечивает существование, хотя малочисленных и фрагментарных, но все же весьма существенных письменных свидетельств об обитателях Евразии, об их этнической и географической номенклатуре, о некоторых фактах их истории. Таким образом, I тыс. до н.э. можно рассматривать как начало исторического периода в жизни всей Евразии, и в частности Восточной Туркестана» [Погребова, Раевский, 1988, с. 156].

Влияние североиранских племен на судьбы мировых империй древности в последующем также было существенным, поэтому они попали в поле зрения ахеменидских дворцовых хроник, увековеченных в скальных надписях, в исторических трудах “отца истории” Геродота, а также в древнекитайских дворцовых хрониках. Широко известно, что основатель первой мировой империи - державы Ахеменидов (550-330 гг. до н.э.) Кир Великий погиб в своем восточном походе против массагетского союз племен (пр. в 530 г. до н.э.), а другой яркий представитель этой династии Дарий Великий (пр. 522-486 гг. до н.э.) организовал, в основном, безуспешный военный поход против саков- скифов на северном берегу Дуная. Как было отмечено, великий историк утверждал, что «персы всех скифов называют саками».

В ахеменидских скальных клинописных надписях (Бехистунской надписи и надписи в Накши Рустаме и т.д.) приводятся имена ряда сакских племен – саки - тиграхауда (саки, в остроконечных колпаках), саки парадрайа (саки, за рекой или заморские саки), саки за Согдом, саки - хаомаварга (саки, почитающие хаому - священный напиток зороастрийцев) [Гафуров Б. 1998, с. 95-197].

Здесь уместно подчеркнуть, в последующем, характерный головной убор саков - тиграхауда, на котором изображен их вождь Скунха в Бехистунской надписи (сохранившейся до наших дней) превративший в головной убор погонщиков торговых караванов, стал символом сухопутного шелкового пути .

Другой исторический экземпляр этого головного убора был найден в известном археологическом комплексе - Иссыкском кургане, где исследовательская группа во главе с известным казахстанским археологом К. А. Акишевым обнаружил «Золотого сакского воина» с специфичным остроконечным колпаком.

Постахеменидский период, когда многие путешественники и ученые древней Греции и сопредельных земель стали предпринимать путешествия вслед за армией полководца Александра Македонского по восточным землям, включая времена правления диадохов и Селевкидской державы, ареал обитания североиранских и восточноиранских племен стал более понятен грекам, которые уже давно общались с их северо-западными сородичами (северное Причерноморье). Информация о них стала более ясной и четкой.

Скудость письменных источников порой дополняется археологическими данными, которые в рассматриваемом случае актуализирует интерес к «скифской триаде» - тип вооружения (включая известную скифскую стрелу), конский убор и знаменитый «звериный стиль».

Осознавая важность междисциплинарного подхода для более ясного понимания миграционных процессов скифо-сакских племен в пределах Великой степи в начале 80-х годов прошлого столетия редакция научного журнала ««Народы Азии и Африки» (в наст. время журнал «Восток»)» организовала круглый стол

«Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». Так как на южных просторах Великой степи и с активным участием различных племен из сакского объединения, обитавших в ее обширных просторах, позднее формировался шелковый путь, поэтому ход научной дискуссии нам очень интересен. Точки зрения и научные подходы его участников по обсуждаемой тематике являются для нас важным информационным материалом, не потерявшим свою актуальность, поэтому мы более подробно рассмотрим некоторые из них.

«Скифы и родственные им народы сыграли заметную роль в древней истории обширных регионов Евразии,- отмечается во предисловии данного круглого стола,- обитатели европейских причерноморских степей- скифы были самым тесным образом связаны с древним Востоком, и скифская проблема зачастую оказывает существенное влияние на решение многих узловых вопросов востоковедения. Так, принадлежность скифов к ираноязычным народам ставит скифологические исследования в тесную связь с проблемой происхождения индоиранцев. Скифов мы встречаем у могилы одного из самых значительных государств древнего Востока- Ассирии и у колыбели Мидийской державы. Народы скифо - сакской группы сыграли важную роль в создании Парфянской и Кушанской держав, так же как и «индоскифских» государственных образований. Таким образом, скифы в известном отношении выступали «посредниками» между древним Востоком и древней Европой» [журнал «Народы Азии и Африки», далее НАА, 1980, № 5, с.102].

Авторы обзорной статьи «Некоторые аспекты состояния скифской проблемы» И. В. Яценко и Д. С. Раевский, предложенной для обсуждения на данном круглом столе, наряду с перечислением достигнутых рубежей, также отметили наличие трудностей в области изучения скифской проблематики: «она должна

развиваться на стыке с фольклористикой, сравнительной мифологией, религиоведением. Между тем не будет, видимо, преувеличением сказать, что ни один специалист - скифолог, работающий над этой темой, еще не достиг вполне профессионального уровня в овладении методологией и методикой этих наук, что тормозит соответствующие исследования. Однако несомненное повышение интереса к этому аспекту скифской проблемы в сочетании с резким скачком в развитии этих наук, наблюдающимся в последнее время, обещает, видимо, достижение существенных успехов и в этой области» [Яценко, Раевский, 1980, с. 117].

Авторы обзорной статьи, подчеркивая важность изучения вышеупомянутой «скифской триады (тип вооружения, конский убор и «звериный стиль» в искусстве скифов)», однако считают недостаточным ее изучение и отмечают, что «она должна быть подкреплена анализом древней топонимики, исследованием имеющихся данных о верованиях и иными материалами» [Яценко, Раевский, 1980, с. 112].

Ряд известных российских ученых, включившиеся в обсуждение данной тематики круглого стола высказали свои мнения и суждения. Согласно мнению академика О.Н. Трубачева: «Иранство части населения Скифии не вызывает сомнений. Интересен вопрос о самоназвании скифов-иранцев (или самоназваниях, потому что их было, видимо, несколько и они появились в ходе этнической и политической истории скифов). Древнейшим самоназванием было, вероятно, агуа - как у скифов, так и у родственных сарматов (ср. Agii, сарматское племя у Епифания Кипрского, Agraei Sarmatae у Плиния). Поскольку ариями назывались и называются не только иранцы, уже априори уместно допустить наличие других, неиранских ариев в Северном Причерноморье, что согласуется и с вероятным ходом

индоевропейской диаспоры в целом. Греки имели контакты с различными северопонтийскими ариями и, возможно, понимали значение термина агуа - который можно передать как «гостеприимный, праведный» (ср. др.-инд. агуа)» [Н А А, 1980, №5, с. 117].

Согласно мнению археолога В. А. Ильинской, подключившейся к дискуссии: «В специальной литературе уже давно выдвигается возражение против понятия «триада» как не имеющего научного содержания и нередко смазывающего и затушевывающего сущность рассматриваемого вопроса. В случае Европейской Скифии в основной состав скифской культуры, распространенной как в степи, так и в лесостепи, помимо элементов триады - оружия, конского снаряжения и предметов звериного стиля - входит немало других категорий вещей. Упомянем хотя бы бронзовые котлы, жертвенные ножи, зеркала, каменные блюда (известные не только в лесостепной, но и степной Скифии), напершия (в тех случаях, когда на них нет зооморфных изображений и они не могут быть подведены под категорию «звериного стиля»); многообразные орудия труда: железные щипцы, топоры, веретена, плоские тесла и др.; предметы украшений (ожерелья, браслеты, гребни); разнообразные вещи греческого импорта, многие из которых были специально предназначены для населения Скифии; деревянная посуда и многое другое, далеко выходящее за рамки «триады», но тем не менее составляющее важные элементы скифской культуры» [НАА, 1980, №5, с. 121].

Востоковед Э.А. Новгородова, принявшая участие в круглом столе, подчеркивает: «исторически сложилась так, что в течение многих лет на скифский мир смотрели глазами античников, специалистов по археологии Причерноморья и Северного Кавказа. За последнее время, однако, положение существенно изменилось,

объясняется это в первую очередь, значительными археологическими открытиями, которые были сделаны на обширнейших территориях от Украины до Афганистана и Монголии... Теперь уже не представляется возможным рассматривать ряд важных вопросов скифологии в отрыве от комплекса центрально-азиатских материалов. Так, в Монголии мы можем проследить, пожалуй, древнейшие элементы звериного стиля, уходящие корнями вплоть до раннего бронзового века, тогда как на западе скифского мира его истоки обнаружить не удалось» [НАА, 1980, №5, с. 128].

Далее Э.А. Новгородова, на основе археологических материалов, подчеркивает наличие двух антропологических типов древней Монголии. Она пишет: «Новый материал из Монголии (в частности, 146 черепов из Улангомского могильника) прошел стадию предварительного исследования специалистами, которые пришли к выводу, что можно выделить два антропологического типа в древнем населении Монголии. Восточная Монголия уже с эпохи неолита была населена представителями ярко выраженной монголоидной расы, в то же время как на западе и северо-западе, начиная с эпохи энеолита, жили представители европеоидной расы (их черепа даже не несут следов монголоидной примеси). Что касается антропологической принадлежности погребенных в Улангомском могильнике, то там, в основном, представлен европеоидный тип. Естественно предположить существование генетической связи европеоидного населения эпохи бронзы и европеоидами эпохи ранних кочевников на территории Западной Монголии» [Н А А, 1980, №5, с. 129].

Далее этот исследователь излагает свои мысли касательно лингвистической ситуации региона: «на западе Монголии уже в I тыс. до н.э. сложилась очень пестрая картина: здесь проживали и прототюркские и ираноязычные племена. Во всяком случае, к последним, по –видимому, относились племена юечжей (саки-

кушаны - М. А.), обитание и продвижение которых как будто бы удается проследить путем картографирования тамг - знаков собственности, обнаруженных в Западной Монголии, Средней Азии и Причерноморье» [НАА, 1980, №5, с. 129].

Известный российский иранист-лингвист В.И. Абаев, принявший участие в круглом столе, раскрыл термин Геродота «geogoi» не как «земледелец» (как античный автор), а как греческая передача местного скифского названия «gau-varga» («разводить скот»). Для этого он, привлекая названия другого известного сакской племени «hauma varga» («возделывать хаому-священный хмельной напиток арьев) с корнем «varga» как («разводить, возделывать и культивировать»), предположил наличие двух видов хозяйствования (скотоводство и земледелие) у скифо-сакских племен. Он пишет: «что устойчивое земледельческое хозяйство существовало только на крайнем Западе Скифии, на территории скифов-пахарей, в непосредственном соседстве с народами древней Европы - протославян, протобалтами, протогерманцами, протокельтами, протоиталиками. На восток от пахарей раскинулось бескрайнее море кочевых и полукочевых скифских, сакских, сарматских, массагетских племен» [НАА, 1980, №5, с. 130].

Принимая участие в дискуссии известный российский востоковед Э. А. Грантовский отметил: «после того как во второй половине XIX в. была доказана принадлежность скифов к ираноязычным народам, иранский материал привлекался в ряде работ о скифских древностях; в отечественной и зарубежной науке были сделаны ценные сопоставления скифских и иных иранских данных, установлены бесспорные совпадения в обычаях скифов и осетин, установлена иранская этимология многих скифо-сарматских племен и т.д.» [НАА, 1980, № 6, с. 68].

Известный российский знаток древности Азии Е. Е. Кузьмина акцентировала свое внимание в вопросе формирования скифского искусства: «Авторы обзорной статьи высказывают интересную и по-моему, справедливую мысль о формировании элементов скифской триады в разных областях, чем объясняется наличие локальных вариантов в искусстве. Однако если связь с малоазийским, урартским и западным иранским искусством многократно была предметом исследования, то совершенно не изучен генезис искусства восточной части ареала скифского мира. Высказанная гипотеза о влиянии древнебактрийского искусства на формирование раннесакского не была ни опровергнута, ни поддержана, хотя открытие многочисленных памятников изобразительного искусства Бактрии и Маргианы эпохи бронзы дает богатейший материал для выявления истоков раннесакского изобразительного творчества» [НАА, 1980, № 6, с. 80].

Гипотеза о существовании локальных видов искусства в огромном скифском мире нашла свое продолжение и в выступлении на круглом столе известного таджикского ученого Б.А. Литвинского, который отметил: «Среднеазиатские сакские племена являлись творцами замечательных циклов произведений искусства звериного стиля, отмечающихся бесспорным своеобразием. Поэтому вопросы генезиса, истории и семантики искусства звериного стиля должны рассматриваться обязательно с привлечением среднеазиатских материалов. Это условие обычно соблюдается, но пока отсутствует специальное исследование всей совокупности изделий среднеазиатского звериного стиля. Больше сделано в области изучения религии и мифологии сакских племен» [НАА, 1980, № 6, с. 84].

Относительно одного из лингвистических аспектов проблем этот ученый подчеркивает: «Лингвистический аспект включает также проблематику, связанную с так называемым хотано-сакским

языком-языком значительных массивов населения Восточного Туркестана (Таримский бассейн- М. А.), засвидетельствованным для I тыс. до н.э. (субстратный слой в праkritских памятниках на ххарошти и собственные памятники хотано-сакского языка). Уже первые исследователи хотано-сакского языка (г. Людерс, Стен Конов) убедились в явной близости иранских имен и титулов в надписях и монетных легендах кушанского времени из северо-западной Индии с прилегающими территориями и языка рукописей, найденных в Восточном Туркестане...

Сложности исторической интерпретации материалов хотано-сакского еще далеко не преодолены. В хотано-сакских рукописях сами носители этого языка называют его не сакский, а hvatanu (древняя форма), т. е. «язык Хотана», «хотанский язык». Слово «сак» как самостоятельное в хотано - сакских текстах не засвидетельствован, но встречается в качестве прилагательного; в буддийских санскритских центрально-азиатских памятниках упоминается Sakaraja – «король Сака», возможно, связанный с Яркендом (город в юге Таримского бассейна- М.А.)» [НАА, 1980, № 6, с. 84].

Археолог Н.А. Членова, включаясь в обсуждение, еще раз более подробно остановилась на особенностях «скифской триады»: «Поскольку все основные категории скифского оружия (кинжалы - акинаки с бабочковидным перекрестием, топоры, секиры и чеканы, наконечники стрел), конского убора (удила со стремовидными и круглыми кольцами, псалии, бляхи для перекрестия ремней и пр.) и основные мотивы звериного стиля (олень, голова хищной птицы, кошачий хищник, свернутый кольцом и др.), а также бронзовые литые и кривые бронзовые зеркала с петелькой на обороте получают распространение как на западных частях скифского мира (Причерноморья), так и в восточных (Восточный Казахстан, Минусинская котловина, Тува, Ордос) - при этом имея свои

локальные особенности - в VII-VI вв. до н.э., нет оснований считать, что они распространялись из Причерноморья в восточную часть степной зоны или наоборот » [НАА, 1980, № 6, с. 86].

Здесь необходимо подчеркнуть, что известный российский синолог Л. С. Васильев (не принявший участия в обсуждаемом круглом столе), также допускает мысль о проникновении «звериного стиля» из евразийских степей через Ордос в древний Китай. Он пишет: «ведь «звериный стиль» - не просто изображение животных, хорошо известное еще в палеолите, но определенный и четко фиксированный стиль изображений (динамически напряженных тел мчащихся, либо готовых к прыжку зверей с характерными для их изображений стилизованными особенностями – играющие мускулы и т.п.), истоки которых восходят к ирано-месопотамскому региону. Позже изделия в этом стиле распространились по всей евразийской степи, включая Ордос, откуда они, скорее всего, проникли и в северный Китай» [Васильев, 1995, с. 147].

Как вытекает из результатов этой плодотворной дискуссии скифо-сакский мир с начала I тыс. до н.э. охватил огромное пространство от берегов Дуная на западе до Ордоса на берегу «Желтой реки» (Хуанхэ), который входил, преимущественно в иранскую группу языков. Ареал распространения разновидностей этого языка на долгие времена (до II в. до н.э.) закрепляла не только «скифская триада» (тип вооружения, конский убор и «звериный стиль» в искусстве), но и другие археологические находки (типа бронзовые котлы и мн. другое). Несомненное присутствие в восточной части этого ареала европеоидной расы подтверждают многочисленные черепа различных могильников Западной Монголии.

Однако, как справедливо отмечали авторы обзорной статьи для дискуссии круглого стола, «вопрос о социальной структуре скифского общества был затронут в немногих выступлениях» [НАА, 1980, № 6, с. 102]. Поэтому будем обращаться к другим источникам.

Как подчеркивает тюрколог С. Г. Кляшторный: «На большей части центрально-азиатского региона основой хозяйственной деятельности стало полукочевое и кочевое скотоводство (кони, быки, овцы, верблюды), сочетавшееся с примитивными формами земледелия и охотой. Лишь в оазисах Восточного Туркестана, прежде всего в бассейне реки Тарим, сложилась на базе ирригационного земледелия оседлая культура. Племена, населявшие тогда Центральную Азию и Южную Сибирь, освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, конские повозки, а затем и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками. Облик «предскифской» и «скифской» культур Центральной Азии восстанавливаемый археологами, дополняется письменными текстами, созданными в древнем Китае» [Кляшторный, 2004, с. 37].

«Отец китайской истории» Сыма Цянь собрал большинство ранних исторических повествований, изложенных на черепаших панцирях, лопаточных костях животных, бронзовых сосудах, бамбуковых дощечках и своим сочинением «Исторические записки» («Ши цзи») создал нормативную китайскую историографию. Его сочинение («Ши цзи») описало не только внутреннюю жизнь древнекитайского общества и государства, а также его взаимоотношения с соседями - кочевыми племенами. Сто десятая глава его сочинения под заголовком «Повествование о сюнну» («Сюнну ле чжуань») была, преимущественно, посвящена

описанию взаимоотношения с этими грозными северными соседями- сюнну (гуннов) и их предшественников и соседей.

В самом начале своего повествования о северных кочевниках он подробно описывает их традиционный образ жизни: «Они передвигались в поисках воды и травы, у них не было обнесенных стенами городов и постоянного места для жилья, они не занимались обработкой полей, однако у каждого имелся отведенный ему участок земли. У сюнну не было письма, и все договоры заключались в устной форме. Мальчики у них умеют ездить верхом на козлах, стрелять из лука в птиц и мышей; юноши постарше охотятся на лисиц и зайцев для употребления их в пищу. Зрелые мужчины, которые в состоянии натянуть лук, все становятся конными латниками. Согласно их обычаям, в спокойное время они следуют за скотом, обеспечивая свое существование охотой на птиц и зверей; в тревожное время [их] люди занимаются военными делами, совершая набеги; [таковы] их природные свойства. Из оружия дальнего боя у них имеются луки и стрелы, из оружия ближнего боя - мечи и короткие копья с железной рукояткой. [Если сражение складывается для них] благополучно, [они] продвигаются вперед, а если неблагоприятно отходят, [причем] не стыдятся и бежать. Если видят в чем-то выгоду для себя, то не обращают внимания на правила поведения и приличия. Все они-от правителя до рядового- питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры, носят шубы из войлока. Взрослые и сильные мужчины [едят самое] жирное и лучшее, старые едят то, что остается. Они ценят мужество и силу, с пренебрежением относятся к старым и слабым. После смерти отца сыновья берут в жены мачех, после смерти братьев женятся на их женах» [Сыма Цянь, Т. VIII, 2010, с. 323].

Далее он рассказывает о жестком противостоянии между древнейшими китайскими государственными образованиями и северными «варварскими» племенами с древнейших доисторических времен. Он пишет: «Когда устои дома Ся (легендарная династия Ся, согласно традиционной китайской историографии, существовала в XXI-XVI вв. до н.э. –М.А.) пошатнулись, Гун-лю (один из родоначальников Чжоуского дома-М.А.) лишился должности распорядителя земледельческих работ, перебрался к сижунам (одна из разновидностей жунских племен, расположенных на севере Китая- М.А.) [и основал] поселение Бинь. Через триста с лишним лет жуны и ди напали на Великого вана Даньфу (потомок Гун-лю в девятом поколении, один из создателей дома Чжоу (XIII в. до н.э.)- М. А.). Даньфу бежал к подножию гор Цишань, жители Бинь все как один последовали за ним и [основали там] поселение; [так] создалось Чжоу[ское царство]» [Сыма Цянь, 2010, с. 324].

Как вытекает из этого древнего текста, одно из главных государственных образований (Чжоу) древнейшего Китая было образовано в жестком противостоянии с северными кочевыми племенами (*жун* и *ди*).

Тюрколог С.Г. Кляшторный допускает, что «возможно, часть племен ди относились к кочевникам «скифского» круга, что археологически засвидетельствовано находками бронзовых изделий- великолепными памятниками, «скифского» искусства Ордоса и Внутренней Монголии» [Кляшторный, 2004, с. 55]. Другими словами племена ди, вполне возможно, относились к одному из восточноиранских сакских племен.

Опираясь на исследования известного американского ученого древнекитайской цивилизации Хэрли Крила, С.Г. Кляшторный допускает, что название *жуны*, подобие *киммерийцев* в Среднем Востоке, могло иметь значение «военной, вооруженной» группы. Он подчеркивает: «Владения Чжоу граничили с жунами и ди прежде всего в излучине Хуанхэ (Ордос) и примыкающих к излучине землях. Северо-западное направление уже в эпоху Инь считалось особенно опасным, недаром название «Страна (сторона) демонов» появилась в XIV- XIII вв. до н.э. Там, в горностепной стране, простиравшейся в неведомую и страшную даль, по представлениям жителей «великого города Шан» и земледельческой долины Желтой реки (р. Хуанхэ- М. А.), могли обитать только «варвары с сердцами шакалов и волков». Следовательно говорить, что собственное название жун «поначалу видимо имело значение «военный» и лишь потом стало использоваться применительно к народу. И действительно, варвары - жуны славились своим боевым духом и воинственностью. Вместе с тем, это название означает самые разные племена, некоторым из «которых была свойственно оседлая жизнь»» [Кляшторный, 2004, с. 57].

В рассматриваемой главе (гл. 110) исторического труда Сыма Цяня описывается примерно 800-летняя история сложных взаимоотношений между древнейшими китайскими государственными образованиями и северными кочевыми народами, которые не ограничивались только набегами кочевников и их отражением, а также ответными карательными походами. Они известны примерами широких возможностей: примерами привлечения варваров в междоусобные войны, совместных с ними походов против соседнего княжества, брачной дипломатии, приграничной торговли, налогообложения, заимствования традиций и обычаев друг друга, строительства новых пограничных

поселений, сооружения крупных защитных фортификационных сооружений и многое другое[Сыма Цянь, 2010, с. 324-326].

Наибольший интерес для близкого ознакомления о взаимоотношения государства Цинь и кочевыми племенами севера приводится в следующей части этого исторического сочинения: «В период правления циньского Чжао-вана (правил 306- 251 гг. до н.э. – М.А.) правитель ицзуйских жунов вступил в незаконную связь с Сюань-тайхоу (мать царя- М.А.) и имел от нее двух сыновей. [Затем] Сюань-тайхоу, прибегнув к хитрости, убила правителя ицзуйских жунов в Ганьцюане, а после этого, подняв войска, нанесла серьезный урон ицзуйцам. Тогда Цинь получил земли [областей] Лунси, Бэйди, Шанцзюнь, [где] стал сооружать Великую стену (не целую, а ее часть –М. А.) для отпора хусцам (обобщенное название северных варваров- М.А.). В это время чжаоский Улинван, в свою очередь, изменил [существовавшие в его княжестве] обычаи, вел хуские одежды, стал практиковать стрельбу из лука на лошади [на скаку]. На севере он разбил [племена] линьху и лоуфаней, построил длинную оборонительную стену, которая тянулась от Дай до [гор] Иньшань, доходя до Гаоцюе (Ордоса-М.А.), где была построена застава. Он учредил на своих землях области Юньчжун, Яньмэн и Дай» [Сыма Цянь, 2010, с. 326].

Этот отрывок сочинения свидетельствует о том, что в период доминирования самого западного государства Цинь из семи княжеств эпохи «Сражающихся царств» (463-222 гг. до н.э.) в мировоззрении древних китайцев произошли интересные трансформации. Время жесткого невосприятия и противостояния варварам из «Страны демонов» остались в прошлом, шло усиление связей по всем направлениям, так мать правителя могла позволить себе делить брачное ложе с вождем варварского племени, а правитель государства, не боясь гнева своих придворных мог

изменить традиционные обычаи и облачиться в одежду варваров, практиковать стрельбу из лука и т.д.

К времени «Сражающихся царств» и образования первой китайской империи – Цинь, согласно записям Сыма Цяня этнополитическая ситуация на севере Китая, в Великой степи, кардинально изменилась, так как вместо старых племен (жунов, ди и др.), появляются новые (сюнну и юэчжи). «В это время племена дунху усилились, а племена юэчжи достигли своего расцвета. У сюнну шаньюя (правителя- М.А.) звали Тоумань. Будучи не в силах одолеть Цинь, он перебрался на север» [Сыма Цянь, 2010, с. 327].

Как подчеркивает тюрколог С.Г. Кляшторный: «В IV в. до н.э. китайцы впервые называют гуннов (сюнну - М.А.) среди своих противников; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордо с царством Чжао. Война шла с переменным успехом, но в составе гуннских объединения оказались за это время те жунские племена, которые прежде были независимы. На западе соседями гуннов были юэчжи – восточноскифские (сакские и сарматские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах ущелья, Цаган - гол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель» [Кляшторный, 2004, с. 59-60].

По утверждению этого исследователя различные работы российских и монгольских археологов дополняют и конкретизируют сообщения письменных источников, на наш взгляд, включая и «Исторические записки» Сыма Цяня.

«Раскопками обнаружены, - пишет он,- два типа культур скифского круга (I тыс. до н.э.). Один тип представлен культурой плиточных могил и «оленными» камнями». Плиточные могилы сооружались из неглубоко погруженных в землях плоских каменных плит, образуя прямоугольный ящик. Погребаемых клали головой на восток, вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специальными предметами в захоронениях являются сосуды на трех полых ножках (триподы) и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часть- кости коня... С плиточными могилами сопряжен другой тип памятников, «оленные камни»- каменные стелы, на которые нанесены изображения стилизованных оленей с вытянутыми вперед длинными ветвистыми рогами и подогнутыми в летучем галопе ногами. Вместе с ними на камень нанесены изображения других предметов - боевых топоров, кинжалов, зеркал, круто изогнутых луков. Большая часть этих предметов, сделанных из бронзы, и роговые обкладки луков найдены в плиточных могилах, находки железных предметов там крайне редки» [Кляшторный, 2004, с. 60].

Далее автор проводит границу между этими разновидностями археологических комплексов: «Культура плиточных могил распространена огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурию, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь на западных склонах Хингайских гор. Там начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же, как раскопанные на Алтае знаменитой гробницы Пазырыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан» [Кляшторный, 2004, с. 60].

Согласно ему эти (две) разновидности археологических культур распространяются также и на расовые различия захоронений: «Антропологически погребенные различаются так же резко, как и тип захоронений. В плиточных могилах погребены

монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах- европеоиды. В III-II вв. до н.э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются иными по облику погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый» [Кляшторный, 2004, с. 60].

В итоге своего исследования этот специалист, накладывая эту археологическую карту на сведения письменных источников приходит к следующему логическому заключению, «что носители культуры плиточных могил были племена жунов и дунху, культура курганных захоронений Западномонгольской и Саяно- Алтайского регионов, датируемых V-III вв. до н.э. принадлежали сакским и сарматским племенам –юэжам и усунам» [Кляшторный, 2004, с. 60].

Здесь уместно добавить, что металлические шлемы, упомянутые в древних бронзовых сосудах (например, «Сюэ дин» и др.) и прочтенных В. М. Крюковым, которые были обнаружены в плиточных могилах (жунов и дунху) [Крюков, 1985, с. 10, Кляшторный, 2004,с. 60] могут косвенно и очень отдаленно указать, что юэджи, со времени своего появления, носящих имена как «люди, из страны нефрита», более тяготели к торговле этим благородным минералом с китайскими княжествами, в первую очередь, с Цинь. А появившиеся в поле зрения древнекитайских дворцовых хроник одновременно с юэджи, гунны наследовали военную доблесть жунов, против которых были построены колоссальные защитные фортификационные сооружения, которые в конечном итоге были объединены в Великую китайскую стену.

Утверждение древнекитайского историка о том, «что юэджи достигли расцвета», вероятнее всего, свидетельствует о том, что саки - кушаны (юэджи), проходя продолжительную эволюцию, к

началу противостояния с гуннами уже имели структуру архаической кочевой империи.

Согласно мнению Э.А. Грантовского: «данные об юэчжах, усунях и сэ (саках) свидетельствует о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юэчжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н.э., скорее всего VII-VI вв. до н.э.» [Грантовский, 1998, с. 80]. Изучение известным российским синологом М. Е. Кравцовой древнекитайского трактата «Жизнеописание Сына неба Му («Му тянь- цзы чжуань»), найденного в усыпальнице Хуай-вана (316-296 гг. до н.э.) свидетельствует о том, что древние китайцы к IV в. до н. э. уже знали о существовании страны Юйшан («Нефритовая гора»). В рассматриваемом трактате, записаном на бамбуковой дощечке, среди прочего было написано: «В четырехсот ли (пр. 200 км.- М.А.) к юго-западу находится гора Куньлун. Именно там – земля [нижняя] столица Предка. Бог Холма (Луу) управляет ею. У этого бога туловище тигра и девять хвостов, человеческое лицо и тигриные когти...Еще в трехстах пятьдесят ли к западу находится Нефритовая гора. Это место, где живет Бабка [Хозяйка] Запада (Сиванму). Бабка Запада похожа на человека, но с хвостом барса, клыками как у тигра, любит свистеть. Она управляет небесными эпидемиями и пятью наказаниями. Но самое главное, местом ее обитания, оказывается отнюдь не Куньлун, а Нефритовая гора - (Юйшан), отстоящая на значительном расстоянии от последнего» [Кравцова, 1992, с. 375].

По мнению ряда исследователей, китайские транскрипции *юйши*, *юйчжи*, *юечжи* адекватно передают одну и ту же исходную форму этнонима [Кляшторный, 2004, с. 60].

Выход на политическую авансцену на востоке Великой степи двух новых могущественных племенных объединений - *саков-кушан* (юэчжи) и *гуннов(сюнну)* произошло после смены европеоидных племен ди первыми, а монголоидных жунов вторыми.

Здесь можно только предположить, что часть бактрийцев и согдийцев, входящих в состав Ахеменидской державы (XII и XVI сатрапии) вынужденных переселиться на восток (в Таримский бассейн) из-за несогласия с религиозной реформой ахеменидского шахиншаха Ксеркса (в V в. до н.э.), несколько оживили социально-экономическую, а затем военно-политическую ситуацию в новом месте обитания. Создание оазисного земледелия со стороны согдийцев и бактрийцев, имевших огромный опыт сельскохозяйственных работ, с одной стороны, с другой стороны их商о-ремесленнические навыки и умения изготовления сельхозинвентаря должны были вдохнуть жизнь в Таримский бассейн. Коммерческие навыки бактрийцев, приобретенные при товарообмене по Лазуритовому пути и Пути в Индию, приграничная торговля согдийцев с различными кочевыми племенами понадобились в новом месте для усиления «Нефритового пути».

Ученые археологи, на основе результатов археологических полевых работ в древних слоях в Таримском бассейне, подтверждают восточную миграцию земледельцев из Вароруда. Такие виды сельскохозяйственного инвентаря как омач, лопата, кетмень и прочих явно подтверждают эти социальные процессы в древности. Как подчеркивает российский исследователь Е. В. Антонова: « Есть основания считать, что в Восточном Туркестане (Таримский бассейн - М. А.) в I тыс. до н. э. были распространены такие формы пахотных орудий, при обработке которыми почвы ее верхний слой заглублялся, а не вспахивался. Это орудие, известное

в Средней Азии как омач, впервые зафиксировано в Индии в первые века новой эры, но не исключено, что и там, и в районах своего распространения (Пакистан, Афганистан, Тибет, Восточный Туркестан) оно появилось еще раньше. Остатки омача IX- XI вв. найдены немецкой экспедицией при раскопках в Безеклике (Турфанская котловина). Омач применяли в новое время на Алтае (Иран, Афганистан, Синьцзян). Рабочая часть его представляет 1-образный башмак, на конце которого закрепляется металлический (главным образом, чугунный) наконечник. Башмак соединяется со стойкой, к которой крепится рукоятка. Рабочая часть соединяется с дышлом, на котором находилось ярмо. В ярмо впрягали, как правило, пару быков» [Антонова, 1995, с. 103-104].

Согласно этому исследователю: « Археологические свидетельства о других предметах немногочисленны, но все же имеются. Так в Ние найдена деревянная лопата подпрямоугольной формы с коротким черенком» [Антонова, 1995, с. 104].

Автор также сообщает об обнаружении «деревянных вил» и «деревянного молотка-колотушки», который «мог применяться для разбивания комьев земли после вспашки, как это было у памирцев», а также «кетмень, необходимый при рытье каналов, обработке земли, чрезвычайно удобный для работы в саду, огороде, в поле» [Антонова, 1995, с. 104].

Анализ собранного перечня сельскохозяйственного инвентаря, обнаруженных различными археологическими раскопками, приводит специалиста к следующему научному заключению: «Таким образом, известные в настоящее время материалы позволяют заключить, что на протяжении I тыс. н. э. в Восточном Туркестане существовало как развитое оседлое земледелие, так и кочевое скотоводческое хозяйство. Они имели древние местные традиции и обнаруживают прочные связи с

лежащими к западу районами (Согдиана, Бактрия и др.- М. А.). Китайские влияние, насколько можно судить, было слабым и связывалось, вероятно, с непосредственным присутствием переселенцев. Видимо, такое влияние несколько возросло лишь в Танское время. Письменные данные удостоверяют, что во взаимоотношениях Восточного Туркестана и Китая сельское хозяйство было скорее дающей, чем воспринимающей стороной» [Антонова, 1995, с. 105].

Одно из выдающихся достижений древнего оседлого населения Таримского бассейна, дошедшей до настоящего времени в колоссальных масштабах, является – прорытие подземных каналов- кяризов и, а самое главное, содержание их в прекрасном рабочем состоянии.

Как отмечает исследователь: «Середина I тыс. до н.э. ознаменовалось для земледельческих стран Средней Азии новым подъемом ирригационного хозяйства. Как выявили археологические исследования VI - IV вв. до н.э. стали временем усиленного строительства мощных магистральных каналов, подводивших воду к землям, лежавшим вне зоны естественных разливов рек. В сфере культивации оказались, наряду с используемыми, значительные новые территории. Так, зафиксированы каналы и поселения этого времени в Кобаданском оазисе и в долине Вахша. Вероятно, в ахеменидское время начали строить первые крупные системы кяризов (подземных оросительных каналов). Их сооружение в немалой степени связано с хозяйственной политикой ахеменидских царей, всячески поощрявших освоение целинных залежных земель; недаром Полибий, писавший о «парфянской пустыне» во II в. до н. э. и упомянувший существование там подземных каналов, отметил, что все они построены «при персах». Геродот повествует о громадном водохранилище, контролируемом персидской администрацией, построенном в долине реки Акес (Теджен или Мургаб), вода из которого сбрасывалась на поля лишь за дополнительную к

обычным податям оплату. Об обширной оросительной сети в долине Политимета (Зеравшана) пишет Страбон» [Кляшторный, 2004, с. 51].

Здесь необходимо отметить, что в своей восточной миграции (в Таримский бассейн и Хафтруд) согдийцы и бактрийцы, брали собой не только образцы традиционного сельхозинвентаря, но и существующие ирригационные технологии, включая технологии рытья кяризов (подземных оросительных каналов). Образцы этого уникального иранского ирригационного сооружения можно увидеть от юго-западных областей Ирана до северо-востока провинции Синьцзян Китая.

Данные археологические раскопки, указывающие на западное влияние, подкрепляются также предположением, что один из вариантов названия оазисной страны Хотан (на южном маршруте шелкового пути) был иранским. Как отметил российский специалист: «Наиболее многочисленной группой были иранцы, которые говорили на восточно-иранском языке, условно названным хотано-сакским. Когда они заняли в Хотане ведущее положение, установить пока не удалось» [Воробьева-Десятовская, 1992, с. 41].

Название страны, засвидетельствованное в хотано-сакских текстах на протяжении почти 700 лет (III- X вв.) претерпело некоторых фонетических изменений. В самых ранних текстах Хотан называется Hvatana... В литературном санскритном языке официальным названием Хотана было Gostana. «Следует также учитывать, что на древнеиранском (авестийском) языке «gava» - значило не только «место обитания»; но еще и относилось к определенной области (например, в Согде)» [Воробьева - Десятовская, 1992, с. 42]. Можно предположить, что здесь наблюдаются далекие отголоски участия согдийцев, совместно с сакскими и тохарскими племенами, постепенно переходящими на оседлый образ жизни, в первичном заселении этой древней области Таримского бассейна.

Одним из дискуссионных положений саков-кушан (юечжи) является их лингвистическая идентификация. Большая часть исследователей относят их, несомненно, к скифо-сакской языковой общности, а другие считают их носителями тохарского (индоевропейского) языка. Как подчеркивает С. Г. Кляшторный: «Столь крупный исследователь древности Внутренней Азии как Намио Эгами и Кадзуо Еноки, вслед за Г. Хэлоуном решительно связывают юэчжей со скифо - сакской этнокультурной общностью» [Кляшторный, 2004, с. 63].

Согласно этому исследователю: «Более определенное суждение о этнолингвистической принадлежности юэчжей, казалось бы, возможно, получить в результате анализа тех языковых материалов, которые представлены памятниками среднеазиатских потомков юэчжей, создателей Кушанской империи. Благодаря эпиграфическим и нумизматическим находкам выяснилось, что кроме греческого и санскрита в кушанской официальной языковой практике использовался иранский язык, несомненно связанный с территорией древней Бактрии и получивший название «бактрийского». Какой же язык принесли в Бактрию предки кушан, юечжи-тохары? По мнению В.А. Лившица, речь может идти только о «сакском диалекте кушан», прямо связанном с хотано-сакскими диалектами Восточного Туркестана. Сакский язык кушан, подобно языку парнов в Парфии, исчез в результате ассимиляции пришельцев местной иранской средой» [Кляшторный, 2004, с. 64].

Поэтому мы, солидаризуясь с мнением известного лингвиста-ираниста В.А. Лившица, будем именовать племена «юэчжи» в наших исследованиях иранским именем «саки-кушаны», которые относились к огромному скифо-сакскому миру. Они продвинулись к самой восточной окраине этого мира и попали

в поле зрения китайских дворцовых хроник под китайским названием, возможно, как «народ из Нефритовой горы (Юйшан)».

Сохранение языка в первичном ареале обитания (в Таримском бассейне) и его исчезновение в новом месте обитания (Бактрии) наводит нас к мысли, что «малые юэчжи», возможно, входящие в крупный юэчжийский союз племен, были, в основном, тохароязычными, и оставаясь в традиционном месте проживания, сохранили свой язык долгое время. А та малая часть тохарцев, увлекаемая великим исходом на Запад, ассимилировались в огромном сакском мире, только передав свое название новой стране (Бактрия - Тохаристан).

Появление саков-кушан (юэчжи) на территории Внутренней Монголии, близко к Ордосу (северный берег Хуанхэ) российский исследователь, опираясь на научные изыскания западного ученого Эммы Банкер, отмечает: «Только к юэчжи можно соотнести многочисленные находки в Внутренней Монголии блях с изображениями на них сценами борьбы мифических хищников, вполне пазырыцкого облика, хорошо датируемых IV в. до н.э. Юэчжи вели активную военную политику не только на западе от Алтая, о чем свидетельствуют некоторые «трофеи» пазырыцких вождей, но и на далеком Великой Степи. Здесь они встретились с очень несхожими по внешнему облику племенами» [Кляшторный, 2004, с. 66].

Другими словами, архаическая кочевая империя саков-кушан (юэчжи), по сути, была первой преградой на пути мощной экспансии гуннов на оседлые земли, выступая как естественный союзник оседлого Китая, переживающего стремительный процесс консолидации.

На начальном этапе данного противостояния воено - политическая инициатива была на стороне саков-кушан, так как они «смотрели с презрением в сторону сюнну (гуннов)» (Сыма Цянь), что свидетельствует среди прочего и о превосходстве в государственном управлении у первых. Как подчеркивает специалист: «Они первыми создали в центрально-азиатских степях архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель, располагавший войском до 100 тыс. всадников» [Кляшторный, 2004, с. 83].

Поиск *саков-кушан* (*юэчжи*) со стороны императорского двора Ханьской империи в конечном итоге привел к возникновению шелкового пути.

1.4. Шелк как самый востребованный товар древнего мира.

Еще одной серьезной предпосылкой формирования этой трансконтинентальной торговой дороги выступило наличие шелкоткачества в древнем Китае и его статус как монополиста в производстве шелка в древнем мире.

Следующие факторы выступили основными причинами стремительного формирования и расширения этой мировой торговой дороги, которая получила имя шелка:

Во-первых, шелк был единственным материалом, который превосходил все другие существующие материи того периода своей экологичностью, тем что оберегал тело человека от всех паразитов и насекомых в тогдашних условиях обитания;

Во-вторых, шелк был легким материалом, удобным для транспортировки по суше и на дальние расстояния;

В-третьих, шелк, благодаря двум вышеперечисленным свойствам, стал самым желанным товаром во всех уголках населенного мира, поэтому, сначала в китайском, позже во всех императорских дворах, стал главным дарственным товаром;

В-четвертых, ношение шелковых материалов по всему миру (включая, обширный кочевой мир) стал восприниматься как сопричастность к высокой культуре и явный признак цивилизованности.

К времени формирования мировой торговой дороги от Дальнего Востока к Средиземноморью шелк выступил именно тем универсальным товаром в населенном мире, от которого не отказывался никто, от правителя региональной державы до простого проводника торгового каравана в труднодоступном горном проходе. Шелк стремительно превратился в самую желанную вещь в каждом домохозяйстве во всем древнем мире.

По мнению российского специалиста Е. М. Любо-Лесниченко: «Любовь древних к шелку вызвана его исключительными природными и техническими особенностями. Нить, выделяемая шелковичным червем, достигает в длину 800-1000 м. Она треугольная в сечении и отражает свет, подобно призме, что дает шелковой ткани специфический отблеск. При этом шелковые нити обладают исключительной прочностью, превышающей прочность стали. Изучение древнекитайских шелковых тканей, обнаруженных как в собственно Китае, так и на различных участках Шелкового пути, показало что изготовлявшие их мастера опирались на колоссальную культурную традицию. Самый совершенный для своего времени ткацкий станок и

высокоразвитая техника производства, возникшая в глубокой древности, позволили создавать шедевры ткацкого искусства. Эти ткани, и сейчас поражающие наших современников, в античное время казались чудом» [Любо- Лесниченко, 1994, с. 5].

Как сообщает этот исследователь: «По данным большинства древних письменных источников, появление в Китае шелководства связывалось с именем главной жены легендарного императора Хуан-ди по имени Лэй-цзу из рода Силин, которая научила народ шелководству и земледелию. Она первая стала разводить шелковичных червей» [Любо- Лесниченко, 1994, с. 10].

«В древнем Китае, - пишет далее он,- наряду с легендой о Хуан-ди и Лэй-цзу существовала и другая, малоизвестная ныне, версия о возникновении шелководства, которая содержится в трактате «Гуань-цзы» (V-II вв. до н.э.). Она относит возникновение шелководства к эпохе Инь. «Гуань-цзы» гласит: «Правители иньцев для народного блага впервые ввели шелководство и вспашку земли, приручили крупный рогатый скот и лошадей» [Любо- Лесниченко, 1994, с. 12].

Таким образом, можно заключить, что шелк и шелководство было известно в Китае с древнейших времен и шло параллельно земледелию, уходя корнями в легендарное время, а также не уступало животноводству, как первому великому общественному разделению труда.

По сообщению специалиста: «Самые первые материалы по истории шелководства в Китае восходят к неолитическому периоду. В 1927 г. при раскопках в Сиинцуне (уезд Сясянь, пров. Шаньси) неолитической стоянки, датированной периодом Яншао (V-IV тыс. до н.э.), археолог Ли Цзи нашел частично сохранившийся шелковичный кокон. Эта находка вследствие недостаточно полного и точного отчета о раскопках вызвала оживленную полемику среди археологов и историков материальной культуры. Так, в 1968 г. японский специалист по истории и

технологии шелководства Нуномэ Дзюиро на основании дополнительных данных пришел к заключению, что найденный в Сиинцуне кокон является коконом дикого шелкопряда (*Rondotia meiciana*). У кокона была срезана верхушка и вытянута середина, вероятно, для употребления в пищу. Обнаруженные Ли Ци каменная пряслица и костяные иглы делают, по мнению Нуномэ, закономерным предположение, что в ту пору нити с коконов дикого шелкопряда использовались как материал для прядения» [Любо - Лесниченко, 1994, с. 13].

По мнению этого исследователя сведения о шелководстве в эпоху Инь, содержат надписи на гадательных костях. Они свидетельствуют о культе божества шелколичного червя- Цаньши и о жертвоприношениях ему. [Любо- Лесниченко, 1994, с. 13].

«О шелководстве в раннежозуэский период- пишет Любо - Лесниченко,- позволяют судить материалы раскопок в Жуцзяжуане (пров. Шэньси) богатых погребений Юй Бо и его жены, датированных временем правления Му- вана (947-927 гг. до н.э.). В этих погребениях было обнаружено большое количество отпечатков тканей, как на бронзовых изделиях, так и на глиняном дне могилы. В основном, сохранились отпечатки гладких тканей, выполненных, как правило, полотняным переплетением. В могиле Юй Бо, судя по отпечаткам тканей на глине, расположенных в четыре слоя, ткани первого и второго слоев были изготовлены в усложненной технике: нечетные нити основы работают в обычном полотняном переплетении, а четные проходят над тремя нитями утка, опускаясь под одну. В той же могиле на глине сохранились отпечатки вышивок, выполненных тамбурным швом. Эта техника была, по видимому, традиционной для китайских вышивок, так как основная часть известных нам вышивок эпохи Хань также выполнена тремя вариантами тамбурного шва. На сохранившихся отпечатках наблюдается следы красного, желтого, темно-

коричневого и бурого цветов. Ли Ечжень и другие авторы смогли восстановить ромбовидный орнамент ткани, близкий опубликованному В. Сильван. Эти данные свидетельствуют о том, что распространенные в Китае вплоть до эпохи Тан (VII-X вв.), два варианта камчатых тканей с полотняным и саржевым фонами восходят к глубокой древности» [Любо- Лесниченко, 1994, с. 17].

Большой интерес для нас вызывает следующее сообщение этого знатока шелка: «О шелководстве в раннечжоуском Китае можно узнать и из надписей на ритуальных бронзовых сосудах. В надписях встречаются сведения о том, как чжоуские правители преподносили в дар своим вассалам шелковые ткани и одежды» [Любо- Лесниченко, 1994, с. 22].

Необходимо подчеркнуть, что эта практика дарения шелковых тканей и одежды со стороны чжоуских ванов своим вассалам в последующем в Ханьское время во время правления императору У-ди была трансформирована на международный уровень - дарения своим новым западным соседям (мнимым вассалам).

Как пишет этот специалист: «В середине XIX в. появились первые сведения о находках шелковых тканей эпохи Хань (III в. до н.э. –III в. н.э.). К настоящему времени число этих находок значительно. Обнаруженные в различных пунктах Евразийского континента - от Кореи до Англии, шелковые ткани указывали нам, где проходили торговые пути, а также свидетельствовали о политических, экономических и прочих связях Ханьской империи с внешним миром» [Любо- Лесниченко, 1994, с. 35].

ГЛАВА II. ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ.

2.1. Возникновение и распространение Шелкового пути в имперском периоде (конец I века до н.э.- середина III века)

В настоящее время с высоты научных достижений XXI века можно смело отклонить мнение известного римского историка и географа Страбона (64/63 г. - 25 г. до н.э.), что мир в его эпоху был разделен между двумя державами - Римом и Парфией и академика Б. Гафурова, который к этим двум империям добавил еще две- Хань на Дальнем Востоке и Кушаншахов в Вароруде (Среднеазиатское междуречье), Бактрии и северо-западной Индии, к этим четырем империям можно смело добавить пятую - кочевую империю гуннов в сердце Центральной Азии [Страбон, 1994, с. 487, Б. Гафуров, 1972, с. 61].

Формирование шелкового пути во всемирно - историческом плане совпало с образованием этих обширных древних империй Евразии.

Эти два процесса шли параллельно и дополняли друг друга. С одной стороны формирующийся шелковый путь, пронизывая эти обширные государственные образования своими торговыми маршрутами как экономически выгодные коридоры, стимулировал интенсификацию двусторонних и многосторонних связей между ними. С другой стороны эти государственные образования постепенно основное свое внимание стали обращать на ареал прохождения маршрутов этой очень выгодной трансконтинентальной торговой дороги. Эти взаимодополняющие друг друга процессы привели к колонизации буферных территорий

между этими империями древности, способствовали конкурентной борьбе между ними за доминирование в больших отрезках торговых маршрутов, а также созданию благоприятных условий в обеспечении безопасности и комфортности участников караванной торговли внутри этих обширных государств и т.д.

Образование обширных государственных образований с относительно устойчивой внутренней политикой способствовали расширению торговых связей от берегов Желтого моря до берегов Средиземноморья. Роль приводного ремня древнего мира, состоящего, в основном, из пяти вышеуказанных империй играл шелковый путь, который постепенно все больше притягивал их потенциал и ресурсы в свою орбиту. Таким образом, в течение многих столетий ареал функционирования этой трансконтинентальной торговой дороги стал главным макрорегионом мира, где развернулись основные всемирно-исторические тенденции и процессы древности и средневековья. Именно буферные и приграничные территории между этими империями превратились в зону жесткого противостояния между ними. Ганьсуйский коридор и Таримский бассейн стали зоной соперничества между империей Хань и кочевой империей гуннов, позднее Кушаншахов, бассейн реки Амударья с Хорасаном стали ареной противоборства между Кушаншахами и Аршакидами (Парфией), а бассейн реки Евфрат с Сирией и Арменией местом жесткого противостояния между Аршакидами и Римом. Бассейн реки Сырдарья, особенно ее правый берег, превратился в место столкновения за контроль над торговыми городами между гуннами и другими кочевыми племенами (усунь (исседоны), кангдеж (кангюй), сарматы (янцай) и т.д.).

Как было подчеркнуто выше, с путешествием на запад дипломата Чжан Цяня в 138 г. до н.э. начинается непосредственная история шелкового пути.

Более подробно об этой поездке сообщается в отдельной главе «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня «Описание Дайюани». В ней сообщается: «Следы Дайюани (древней Ферганы - М. А.) [в истории] становятся заметны, начиная с Чжан Цяня. Чжан Цянь - уроженец Ханьчжуна. В период правления цзянь-юань (140-135) стал ланом (придворная должность Ханьской империи- М. А.). В то время Сын Неба расспрашивал сдавшихся в плен сюнну, и они сообщили, что когда сюнну разбили правителя юэчжи (саки-кушаны – М. А.), то из его черепа сделали чашу для питья. Юэчжи бежали, но навсегда возненавидели сюнну. [Однако] не имели [союзников], с которыми могли бы нанести по ним удар. Хань неизменно желал уничтожить ху (сюнну). Услышав такие речи [пленников, император] пожелал направить [к юэчжи] посольство. Путь проходил через [земли] сюнну, поэтому найти нужного посла было нелегко. Лан [Чжан] Цянь подходил, и его направили к юэчжи вместе с Таньи, [в прошлом] хуским рабом [по имени] Ганьфу» [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 199].

Как вытекает из этого отрывка дворцовой хроники, это первое посольство на Запад было добровольным делом, так как оно, должно быть, подвергнуться большим и непредсказуемым рискам и угрозам. Поэтому Чжан Цянь должен был быть не только тонким дипломатом, но и мужественным путешественником. Его верный спутник Ганьфу, который, по словам исследователя Л.А.Боровковой был юэчжийцем [Боровкова, 2001, с. 91-92], т.е. саком-кушаном, не только исполнял переводческие функции, но, как показали последующие события, несколько раз выручая миссию, оставался верным отцу основателю шелкового пути до конца этого трудного похода [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 200].

Как сообщает Сыма Цянь: «[Посольство] отправилось из [области] Лунси. Когда продвигались через [земли] сюнну, те захватили их и доставили к шаньюю (правителю гуннов- М. А.). Шаньюю задержал их и сказал: «Юэчжи расположены к северу от нас. Как может Хань отправлять посольство [к ним]? Если я захочу отправить посольство к юэ (страна, расположенная к югу от Хань - М. А.), разве Хань мне позволит!?»

[Шаньюю] продержал Цяня боле десяти лет, дал жену, от которой тот имел сына. Однако [Чжан] Цянь сумел сохранить ханьские верительные знаки. Живя среди сюнну все более свободно, Цянь с семьёй и челядью бежал к юэчжи. Несколько десятков дней они двигались на запад и достигли Дайюани» [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 199].

Здесь становится известным, что гунны узнали или догадались об истинной цели этого посольства (так как они были заклятыми врагами саков-кушан), состоящей из сотни человек с богатыми дарами, поэтому препятствовали его дальнейшему продвижению. Также правитель гуннов, не отправил его обратно, возможно, опасаясь, что Хань, узнав о неудаче данной миссии, могла снарядить новую, возможно, используя южные маршруты.

Среди исследователей выдвигалось несколько маршрутов бегства Чжан Цяня из кочевья гуннов в Фергану. Нам кажется, что примерно в 128 году до н.э. ставка правителя гуннов могла находиться к северо - востоку от Турфанского оазиса (на западе Монголии), так как в эти годы империя Хань проводила ответные глубокие рейды вглубь степи, поэтому в этих условиях ставка шаньюя не могла находиться в Ордосе, ближе к столице империи Хань. Оттуда бежав на запад, Чжан Цянь со своими спутниками,

вероятнее всего, могли двигаться по южному склону Тянь - Шаня, так как по северу горного хребта находились земли усунюв, попавших в зависимость от гуннов, победивших в упорной продолжительной борьбе с саками - кушанами (юэчжи) и распространивших свою власть на их землю, которая была упомянута в составе гуннской кочевой империи в известном письме шаньюя Маодуня к ханьскому императору. Они, двигаясь через многочисленные северные оазисные города Таримского бассейна, где в отличие от северного склона горы (обитали одни кочевники усуню и чужестранцы быстро попадались бы в глаза), много людей, двигаясь по торговым или иным делам, смешались между собой. Они, перейдя через Памиро - Алайские горы, достигли Ферганы.

Далее в «Исторических записках» приводится: «В Дайюани были наслышаны о богатствах Хань и стремились установить связи с ней, но не смогли. С радостью приняли [Чжан] Цянь и спросили: «Если захотим [установить отношения с Хань], то, как это сделать?» Цянь отвечал: «Я был направлен Хань к юэчжи, но в пути задержан сюнну. Теперь бежал. Пусть [ваш] государь даст мне сопровождающих. Если я смогу вернуться в Хань, то Хань направит [вашему] государю множество богатых даров». [Правитель] Дайюани согласился и отправил [Чжан] Цянь в путь с провожатыми по почтовым станциям. [Сначала] достигли [страны] Канцзуй (в «Шахнаме» Кангдеж – Ташкентско - Чимкентский оазис- М. А.).

Канцзуйцы (кангдежцы, туранцы- М. А.) сопровождали [их] к даюэчжи. Правитель даюэчжи был в свое время убит ху (гуннами – М. А.), его наследника возвели на престол. Покорили Дася (Бактрии- М.А.) и поселились там. Земли были плодородны, а разбойников мало. [Даюэчжи] стремились к спокойной жизни и, находясь в отдалении от Хань, не имели и мысли об отмщении ху. [Чжан] Цянь, следуя от юэчжи, прибыл в Дася. Добиться от юэчжи

чего-нибудь существенного он так и не смог» [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 199-200].

Из этого отрывка становится понятным различие между представителями двух народов (цивилизаций), если ферганцы были заинтересованы в установлении непосредственных торговых связей с Китаем, а первый представитель Китая размышлял о перспективах распространения концепции «дарения» за пределами своего государства (среди других оседлых народов запада). А из второй части сообщения становится ясным, что саки-кушаны (юэчжи) не намеревались возвращаться на свою Родину и, соответственно, принимать участия в совместной борьбе Ханьской империи с ее противниками.

Далее Сыма Цянь подробно сообщает о возвращении этого первого посланника Китая на Запад: «Прожил [в Дася] более года. Возвращался [в Хань] вдоль гор Наншань, поскольку хотел двигаться через [земли] цянов, но вновь был задержан сюнну. Через год шаньюй умер (126 г.). Цзогуливан (брат правителя- М. А.) напал на его наследника и сам занял престол. В стране началась смута. [Чжан] Чянь с хуской женой и Таньи Фу (тот Ганьфу- М. А.) бежали и вернулись в Хань. Ханьский [император] возвёл Цяня [в ранг] тайчжундафу (высокая должность в дворе- М.А.), а Таньи Фу сделали чиновником для особых поручений.

[Чжан] Цянь был физически сильным человеком; [своей] обходительностью внушал доверие людям. Иностранцы испытывали к нему расположение. Поскольку Таньи Фу был из хусцев, он отлично стрелял из лука. При необходимости мог добыть пропитание охотой на птиц и зверей. С Цянем отправились свыше ста человек, а через тринадцать лет вернулись только они двое» [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 200].

Ряд исследователей предполагают, что на обратном пути Чжан Цянь, имеющий горький опыт нахождения в десятилетнем плену у гуннов, выбрал южный маршрут, который проходил из Бактрии через Памир и через северные склоны горного хребта Куньлун и земли цянов (в восточных предгорьях Тибетского нагорья). В пользу выбора этого маршрута говорит и тот факт, что путешественник наряду с крупными странами Запада не только перечисляет малые оазисные княжества как Юйтянь (Хотан), Лоулань и другие, но и орографии региона южного Таримского бассейна. Хотя и этот маршрут не смог обезопасить его группу от очередного годовичного пленения, когда из-за начавшейся у гуннов смуты смогли бежать и благополучно вернуться домой. Как было подчеркнуто выше, из большого китайского посольского состава, состоящего из более ста человек, вернулись двое – посланник Чжан Цянь и его верный спутник- сак Ганьфу.

Несмотря на неудачи в достижении прямой цели дипломатической миссии Чжан Цяня на далекий Запад к сакам - кушанам, его отчет о путешествии, включая описание государств Запада, особенно оседлых стран, образ жизни населения их животного и растительного мира оказали неизгладимые впечатления в императорский двор.

Поэтому приводим подробное описание этих стран в «Исторических записках»: «[Чжан] Цянь побывал в Дайюани, в Даюэжи, в Дася и Канцзуе и [от местных жителей] узнал, что по соседству есть еще пять - шесть больших государств. В докладе Сыну Неба говорилось, что [страна] Дайюань расположена от сюнну на юго-западе, от Хань - прямо на запад, отстоит от Хань не менее чем на десять тысяч ли (кит. мера расстояния «ли» равно пр. 0,5 км., получается 5 000 км. - М.А.) Местные жители возделывают поля, разводят рис и пшеницу, изготавливают виноградное вино. [У них] много прекрасных коней, эти кони потеют кровью, происходят

от коня Небесного владыки (сказочный небесный конь – М.А.). Города защищены стенами и окружены предместьями. Им подвластны более семидесяти больших и малых городов, население превышает несколько сот тысяч человек. Их вооружение- луки и копья; стреляют на скаку.

На севере от них [расположен] Канцзуй, на западе - Даюэжжи, на юго-западе Дася, на северо-востоке – Усунь (Хафтруд- М. А.), на востоке Ганьми и Юйтянь (Хотан- М. А.). К западу от Юйтянь все реки текут на запад и впадают в Сихай (Аральское море- М. А.); к востоку [от Юйтянь] реки текут на восток и впадают в Яньцзэ (озеро Лобнор в Синьцзяне Китая - М. А.). Яньцзэ, скрывшись, уходит под землю. К югу от него располагаются истоки [Хуан]хэ. [Там] много самоцветов, [Хуан]хэ течет в Срединное государство (Китай - М. А.).

Города Лоулань (на юго-востоке Таримского бассейна- М.А.) и Гуши (в Турфанском оазисе - М. А.) обнесены стенами и имеют предместья. Обращены в Яньцзэ. Яньцзэ расположено от Чаньани (столица Ханьской империи – М. А.) на [расстоянии] примерно пять тысяч ли (пр. 2500 км. – М.А.) Правое крыло сюнну селится на восток от Яньцзэ и достигает Великой стены у [области] Лунси; на юге, граничат с цынами, они преграждают путь в Хань.

Усунь расположено примерно в двух тысячах ли на северо-востоке от Дайюани, [населяют его] кочевники. [Усуни] следуют за скотом, и обычаи их такие же, как у сюнну. Лучников у них несколько десятков тысяч, они отважны в сражении. В старину подчинялись сюнну, но когда усиливались, стали сами подчинять другие [племена] и не желали отправляться на поклон к [шаньюю].

Канцзюй расположен примерно в двух тысячах ли на северо-запад от Дайюани, [населяют его] кочевники, обычаи также же, как у юэчжи. Лучников у них восемьдесят-девять тысяч. Является соседом Дайюани. Это небольшое государство на юге граничит с юэчжи, на востоке - с сюнну.

Яньцай (сарматы - аорсы на берегу Каспийского моря- М. А.) расположен примерно в двух тысячах ли к северо-западу от Канцзюя, [населяют его] кочевники, обычаи такие же, как в Канцзюе. Лучников сто с лишним тысяч. Примыкает к огромному озеру с низкими берегами, вероятно, это и есть Бэйхай (Каспийское море – М. А.)» [Сыма Цянь, Т. 9, 2010, с. 200-201].

Императорский дом Хань, пришел в глубокое замешательство от сообщения своего первого посланника на Запад Чжан Цяня о наличии на далеком Западе крупных оседлых государств, так как укоренившееся космогоническое мировоззрение древних китайцев основывалось на концепции "центр Вселенной - Поднебесная, окруженная с четырех сторон кочевыми варварскими племенами". А теперь на далеком западе обнаружили наряду с кочевыми племенами также крупные оседлые страны, наподобие Поднебесной. Дальновидный император У-ди стал переоценивать традиционную геополитическую ситуацию с возникшими новыми реалиями. После первоначальной неудачной миссии "прорубить окно на Запад" на южном и южно-западном направлениях в Индию через Юннань и Бирму, императорский двор все свои помыслы, обратил на северо-западное направление - к маршруту Чжан Цяня к сакам- кушанам (через Ганьсуйский коридор и "Западный край" в Вароруд).

Ганьсуйский коридор, выполняющий роль соединения внутреннего Китая с "Западным краем" (Таримский бассейн), после откочевки основной массы саков-кушан (юэчжи), стал с Ордосом (кочевья гуннов) ареной первоначального противостояния между империей Хань и гуннами. Упорный противник гуннов император У-ди, по инициативе которого непреднамеренно возникла эта новая международная торговая дорога, придавал особое стратегическое значение обладанию этого важного коридора. За менее чем столетнюю историю интенсивного военно-политического и дипломатического противостояния империи Хань удалось не только вытеснить гуннов из сопредельных территорий (Ордос, Ганьсу и южная часть Таримского бассейна), две последние из которых превратились в начальный путь маршрута шелкового пути, но и сломать их этнополитическое единство.

Еще, не дождавшийся своего посланника, отправленного на Запад для поиска союзников, император У-ди начинал усердно действовать. Он в самом начале своего царствования хотел отойти от политики «мира и родства» (хэ цинь), заключенного в первых императорах династии Хань и придерживавшегося его предшественниками с незначительными отклонениями. Ко времени возвращения Чжан Цяна императорские войска уже имели существенные успехи. Гунны были оттеснены вглубь степи (Гоби) не только от Ордоса, традиционной территории гуннских кочевков, но и от огромной степной провинции Ганьсу (или Хэси).

«Исторические записки» (Ши цзи) Сыма Цяна подробно описывая бесконечные набеги и полоны гуннов в этих и близлежащих областях и ответные военные рейды китайских войск во время правления императора У-ди, одновременно сообщают интересную информацию - «Однако, будучи алчными, сюнну по – прежнему ценили торговлю на рынках при заставах, они любили китайские товары и изделия, а ханьская сторона тоже не прерывала

торговлю на пограничныхрынках, считая ее полезной» [Сыма Цянь, Т.8, 2010, с. 342].

Это ценное известие говорит о том, что бесконечные набеги кочевников и ответные военные рейды китайцев не привели к прекращению приграничной торговли. Бесперебойная торговля на заставах, в которой кровно были заинтересованы обе стороны, явно свидетельствует о том, что они нуждались в постоянном обмене товарами между собой. Если, со стороны гуннов наблюдается все возрастающая потребность в шелке и других товарах оседлого населения, то, китайцы в свою очередь, нуждаются в продукции животноводства (в первую очередь, в боевых конях). Самым важным товаром для китайцев, естественно, была лошадь, без которой бессмысленно было продолжение противостояния с самими «обладателями лошадей». Приграничная торговля «шелк в обмен на лошадей» или «лошадь в обмен на шелк» была самой востребованной между двумя противоборствующими державами и не прекращалась даже в годы больших войн.

Однако в противостоянии постепенно инициативу перехватил император У-ди, так как в первые годы правления Хань многие китайские военачальники и князья, недовольные их централизаторской политикой, переходили к гуннам, по происшествии более полусотен лет многие гуннские князья, недовольные политикой своих правителей и приобщенные к ханьским вещам, нравам и обычаям, стали переходить к ним.

Об одном из значительных таких переходов сообщает Сыма Цянь,- « Осенью того года (121 г. до н.э. - год попадания посланника Чжан Цяна в опалу – М.А.) шаньюй разгневался на Хуньсе - вана и Сичу - вана за то, что они, находясь на западных землях, в боях, с ханьцами потеряли убитыми и пленными несколько десятков тысяч человек. Он хотел призвать их к ответу и казнить. Хуньсе - ван и Сючу - ван испугались и задумали перейти на сторону Хань. [Узнав об этом, император] Хань приказал пяоци-

цзянцзюню (военный чин Ханьской армии- М.А.) отправиться встретить их. Хуньсе - ван убил Сючу - вана (возможно, он заколебался в последний момент - М.А.), присоединил к себе его воинов и подданных и сдался ханьцам. Всего [перешло на сторону Хань] более сорока тысяч человек, [которых Хуньсе - ван] выдал за сто тысяч. После того как ханьцы заполучили Хуньсе - вана, набеги хусцев (обобщенное название северных кочевников - М.А.) на Лунси, Бэйди и Хэси (приграничные северо - западные земли Китая- М. А.) значительно сократились, и в связи с этим из районов к востоку от застав был переселен бедный люд для заполнения отобранных у сюнну земель к югу от Хуанхэ и [области] новых циньских (китайских - М.А.) земель - Синьцинь (область Шофан - совр. Внутренняя Монголия Китая- М. А.)» [Сыма Цянь, Т.8, 2010, с. 345].

После 15 летней упорной войны (133-119 гг. до н.э.) между Хань и гуннами, начатой императором У-ди, гунны были вытеснены из Ордоса и Ганьсу, хотя и ханьцы понесли тяжелые потери. В результате ханьцы вышли непосредственно к "Западному краю".

Таким образом, к концу II века до н.э. империя Хань, захватив Ганьсуйский коридор, выходит непосредственно на Таримский бассейн, который стал связывать внутренний Китай с оседлыми государствами Запада. Начался новый этап его противостояния с кочевой империей гуннов.

Император, верно, оценил открывшуюся колоссальную перспективу: установить непосредственные тесные контакты с новооткрытыми оседлыми государствами Запада и в союзе с ними продолжить войну с могущественными кочевыми племенами.

Несмотря на неудачу первой поездки своего посланника Чжан Цяна, которому не удалось уговорить саков - кушан (юэчжей) вернуться в Ганьсу и вступить в союзе с Хань в войну против гуннов, император не прекращал усилия в поиске союзников на далеком западе. Как сообщает историк Сыма Цянь, несмотря на успехи, у ханьцев также были существенные потери: "После всего этого сюнну бежали (еще) дальше и к югу от пустынь (Гоби- М. А.) уже не было ставки их правителя. Ханьцы же, перейдя Хуанхэ от Шофана (город на правом берегу Хуанхэ - М. А.) и далее на запад до Линцзюя (на северо - западе провинции Ганьсу Китая - М. А.), повсюду стали сооружать оросительные каналы и разбивать поля [поселили на завоеванных землях] пятьдесят - шестьдесят тысяч чиновников и солдат, постепенно пядь за пядью, захватывали и осваивали земли, непосредственно соседствуя с сюнну на севере. Ранее, когда два ханьских военачальника во главе крупных сил окружили шаньюя, они убили и пленили восемьдесят- девяносто тысяч [сюнну], при этом ханьские потери солдатами и командирами тоже составили несколько десятков тысяч человек, кроме того, было потеряно более ста тысяч лошадей. Поэтому хотя сюнну и ослабели и отошли далеко, но и у ханьцев осталось мало лошадей, и они были не в состоянии идти дальше." [Сыма Цянь, Т.8, 2010, с. 346).

Поэтому ханьский император остро нуждался в союзниках и, особенно, в боевых конях и на этот раз свое внимание на Западе направил на государства Усунь в Хафтруде и мобилизовал Чжан Цяна (находящегося в опале из-за неудачи в одном из сражений с гуннами) на вторую поездку в "Западный край".

При этом Чжан Цянь информировал императора (Сына Неба) более подробно об этой страны: "когда я находился у сюнну (в плену у гуннов - М. А.), то слышал, что усуньского правителя называют Гуньмо. Отец Гуньмо [имел] небольшое владение на западной границе сюнну. Сюнну напали и убили его, и Гуньмо младенцем был брошен в поле. Ворон склёвывал с него мошкарку, волчица вскармливала его своим молоком. Шаньюй, изумившись, счел его существом сверхъестественным и, подобрав, вырастил. Когда [Гуньмо] возмужал, [шаньюй] доверил ему командование войсками, и он неоднократно имел заслуги. Шаньюй вернул ему народ его отца и назначил командующим западного крыла. Гуньмо, собирающий и опекавший свой народ, захватил мелкие владения по соседству; стрелков из лука имел несколько десятков тысяч, обучал их наступательному бою. Когда шаньюй умер, Гуньмо вместе со своим народом переселился, стал самостоятельным и не соглашался являться на съезды сюнну. Сюнну отправили отборное войско напасть на него, но не одолели, сочли его существом сверхъестественным и удалились. Если бы и удалось их подчинить, это не считалось большой заслугой. Нынешний шаньюй был потеснен ханьцами, но ещё до этого земли Хуньсе обезлюдели. Варвары падки на ханьские ценные вещи. Ныне можно воспользоваться этим и, щедро одарив усуней, склонить их к перемещению на восток, чтобы поселиться на бывших землях Хуньсе и завязать с Хань братские отношения. В этой ситуации они должны согласиться. Если согласятся, это лишит сюнну правой руки. Как только соединимся с усунями, то можно будет привлечь на свою сторону и находящихся на западе от них подданных Дася (Бактрия - М.А.) и сделать их внешними подданными" [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 204].

Император поддержал мнение своего посланника и "назначил Цяна чжун-лян-цином (отв. должность в ведомстве дворцовой охраны- М. А.), подчинив ему триста человек с лошадьми, по две головы на каждого, быков и баранов десять с лишним тысяч. Предоставил им огромное количество денег и *шелковых тканей* (подчеркнуто М.А.). Придал ему множество помощников с верительными знаками, которых по пути можно было направлять посланниками в соседние государства" [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 205).

С этим большим посольством Чжан Цяна в 119 г. до н.э. на запад открывается новый этап не только в древнекитайской дипломатии, но и в мировой дипломатии, так как вскоре «шелковая дипломатия» (или «дипломатия шелкового пути») стала ускоренными темпами распространяться между культурными макрорегионами древнего мира.

Данное большое посольство имело глобальные последствия для последующей мировой истории:

- Во-первых, оно вывело Дальний Восток из географической изолированности, соединив в одно целое все очаги цивилизации древнего мира;
- В-вторых, дало миру шелк, самый востребованный (дарственный) товар для людей;
- В-третьих, инициировало регулярную трансконтинентальную торговлю между всеми очагами цивилизации древнего мира;

- В-четвертых, постепенно превратило ареал функционирования шелкового пути в ареал взаимообмена идеями, инновациями, новыми технологиями и т.д.
- В-пятых, превратило «шелковую» дипломатию в мировую практику.

Отличительной чертой практической стороны второй поездки Чжан Цяна от первой состояло в том, что усуни не призывались к незамедлительному открытию "второго фронта" против гуннов, переселению в провинцию Ганьсу, обезлюдившую после ухода основной части саков- кушан (юечжи). Переселившись в Ганьсу, усуни должны были перекрыть "западное крыло маршрута гуннских набегов и вторжений", поэтому Чжан Цянь подчеркивал важность "лишать сюнну правой руки". Другими словами усуни в качестве союзников-федератов ханьцев должны были обеспечить безопасность важного транспортно- торгового коридора, включая караванное движение в нем.

Правитель усуней также (как и правитель саков - юечжи) отверг предложения ханьцев о переселении на Восток, однако не оказал противодействия отправке отсюда ханьских посланников в Даюань (или Давань- Фергану), Канцзюй (Кангдеж - среднее течение Сырдарьи - М. А.), Даюечжи (кушанам), Дася (Бактрию), Аньси (Парфию), Шаньду (Индию), Юйтянь (Хотан), Юйми (?). По мнению исследователя Боровковой, данное большое посольство Чжан Цяна в Усунь состоялось в промежутке с 119-115 годы до н. э. [Боровкова, 2001, с.121-123].

Таким образом, начальной эрой установления дипломатических отношений империи Хань с другими империями древности и рядом второстепенных удельных княжеств можно считать последнюю четверть второго века до н. э.

В последующем в провинции Ганьсу Китая в 115 г. до н. э. был создан округ Цзюцюань. Создание этой укрепленной линии специалист Л. А. Боровкова связывает с началом дипломатических сношений Хань с западными странами: «Посольство прибыло в Усунь ближе к концу 117 г. до н.э. Получив отказ куньмо (правитель усуней- М.А.) от предложений У-ди, Чжан Цянь, видимо, в самом конце этого года разослал своих помощников послами в Дася и другие царства, а сам тем же путем к концу 115 г. до н.э., т.е. примерно через четыре года, вернулся в Хань. Спустя год с лишним, т. е. на рубеже 114-113 гг. до н. э. он умер. А еще более чем через год, значит, примерно, в начале 112 г., вернулись отправленные им из Усунь послы в Дася и другие неназванные царства «с их людьми». Скорее всего, именно, после их прибытия, доказавшего реальность установления связей с этими царствами, Хань и начала строить укрепленную линию от Линцзюй на запад до Цзюцюаня с намерением защитить дорогу послов от нападений суннов с севера» [Боровкова, 2001, с. 123]. В 111 годах до н.э. были созданы еще две округа – округа Чжаньи и Дуньхуан. В последующие годы именно город Дуньхуан с заставой Юймыньгуань стал твердым форпостом Китая в воротах Западного края.

Автор «Исторических записок» подробно сообщает об обстоятельствах приема и отправки ответных посольств западных государств. Один из самых грандиозных приемов ханьским послам оказала Парфия - «К прибытию ханьского посла в Аньси (Парфия - М.А.) правитель Аньси распорядился, чтобы на восточной границе его встречали двадцать тысяч всадников. От восточной границы до столицы правителя несколько тысяч ли. По дороге они миновали

несколько десятков городов. Подвластное ему население очень многочисленно. Когда ханьский посол выехал в обратный путь, [правитель Аньси] направил с ним своего посла убедиться в величии Хань. [Посол] поднес [ханьскому императору] яйца «большой птицы» (страуса - М. А.) и искусных фокусников из [страны] Лисюань (Месопотамия ?)» [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 209].

Данное посольство также способствовало к установлению дружественных отношений с государством Усунь, который путем брачной дипломатии (хэ цинь) стал входить в орбиту ханьской внешней политики и старался сохранить положительного нейтралитета по отношению к ним. По сообщению Сыма Цяня: «Усуни пригнали тысячу коней в качестве сговорных даров за ханьскую принцессу. Ханьский [двор] отправил девушку императорского рода, княжну из Цзянду, в качестве жены [правителю] Усунь. Усуньский правитель Гуньмо сделал её младшей женой. Сюнну также отправили девушку в жены Гуньмо. Гуньмо сделал её старшей женой. Гуньмо сказал «Я уже стар», после чего приказал внуку Цэньцюю взять в жены [ханьскую] принцессу. У усуней коней много; так, у состоятельных людей их насчитывалось по четыре-пять тысяч голов» [Сыма Цянь, Т. 9, 2010, с. 209].

Как вытекает из данного важного текста, государство Усунь, расположенное непосредственно на западе от державы гуннов, во внешнеполитической ориентации предпочтения отдает своему грозному соседу, чем империи Хань, находящейся в отдаленности от нее. Это выражается в том, что «девушка из племени сюнну», стала «старшей женой» правителя. Также этот отрывок, начинается с сообщения о количестве коней, пригнанных в обмен за ханьскую принцессу и завершающийся сведениями о количестве коней состоятельных людей Усунь невольно передает атмосферу в ханьском дворе, чрезмерно нуждающегося в боевых конях.

В конечном итоге большое посольство Чжан Цяня имело несомненный успех, так как наряду с крупными государствами запада как Парфия и Усунь, еще десятки небольших государств отправили ответное посольство империи Хань. «[Представители] лежащих на запад от [Дай]юани малых стран, Хуаньцзянь, и Дайи, и лежащих на восток от [Дай]юани стран Гуши, Ганьми и Сусе, следуя за ханьскими послами, являлись на аудиенции к Сыну Неба (императору Хань - М. А.). Сын Неба был очень доволен» [Сыма Цянь, , Т. 9, 2010, с. 209].

С этого времени начался интенсивный дипломатический и торговый обмен между ними, а также жесткая борьба за доминирование и контроль на торговых маршрутах ускоренными темпами формирующегося трансконтинентального торгового пути.

Несмотря на то обстоятельство, что на начальном этапе жесткого противостояния между Хань и державой гуннов, выигрышное положение было у кочевников, что вытекает из письма шаньюя (правителя) Маодуна ханскому императору: "Сейчас, поскольку из-за ошибок мелких чиновников наш договор нарушен, я наказал правого сяньвана (полководца правого крыла-М. А.), отправив его на запад для борьбы с юэцжи. Благодаря милостям Неба и тому, что командиры и солдаты были на высоте, а лошади в силе, [мы] смогли уничтожить юэцжи, которые были перебиты или сдались. Были усмирены также племена лоуфань, усунь, хуцзе и двадцать шесть соседних с ними владений, и все они подчинились сюнну. Так все народы, натягивающие лукисо стрелами, оказались объединенными в одну семью. [Поскольку] северные области уже усмирены, [я] хотел бы прекратить военные действия, дать отдых воинам, откормить лошадей, отринуть прошлое, и возобновить наш прежний договор о мире..." [Сыма Цянь, Т.8, 2010, с.333].

Несомненно, что гуннский правитель явно преувеличивал свое могущество, так как известно, что кушаны - юэцжи были разгромлены при его приемнике Лаошан-шаньюе (165 год до н.э.), из черепа правителя которых он сделал клятвенную чашу для питья вина, отсюда вытекает, что гунны установили свою гегемонию в Таримском бассейне и Хафтруде (Семиречья).

Необходимо подчеркнуть, что в данном письме и, вообще в дипломатической переписке между ханьским императором и правителем гуннов идет четкое разделение населения двух государств, когда все кочевники называются "народы, натягивающие луки со стрелами", а населения Поднебесный "люди, носящие пояса и шапки" [Сыма Цянь, Т. 9, 2010, с.,333, 338,]. Это означает не только различие в хозяйственном укладе двух соседних государств, но и развитые государственные устои у ханьцев, которые уже давно практиковали ношения различных поясов и головных уборов государственными служащими, а кочевники от простого воина до правителя олицетворяют как "*люди, умеющие натягивать лук*".

В Западном крае ханьцы и гунны столкнулись не только с «людьми, натягивающих луки», но и как первые, оседлыми народами оазисов Таримского бассейна, Вароруда и Хафтруда.

По мнению Крюкова: «Сюнну, находившиеся на стадии формирования классового общества и государства, испытывали потребность в тех материальных благах, производить которые не умели. В этом отношении население Западного края оказались примерно в том же положении, что и жители приграничных округов империи Хань, постоянно подвергавшиеся в III –II вв. до н.э. набегам кочевников. В наибольшей степени это касалось государств, расположенных в Притяньшанье, откуда сюнну время от времени вторгались в бассейн Тарима. Правитель сюнну вел особую должность «управляющего рабами»; в обязанности этого

чиновника входил контроль над населением Западного края и сбор налогов. Его резиденция находилась в районе Яньци, Вэйсюя или Вэйли, откуда он «взимал подати со всех владений, получая от них богатства и средства к существованию» [Крюков, 1988, с. 251].

Некоторые из этих небольших государств - оазисов (ок. 36 небольших государств Таримского бассейна), находящихся под протекторатом сюнну стали чинит препятствие беспрепятственному продвижению ханьских посланников. Как сообщают «Исторические записки»: «Иноземным странам ханьские послы надоели. И местное население говорило о них неуважительно. Рассчитывая, что ханьские войска далеко и не смогут прийти, там начали запрещать снабжение посольств съестными припасами, чтобы этим навредить ханьцам. Ханьские послы терпели нужду, копили гнев, доходило и до взаимных стычек. В таких малых государствах, как Лоулань и Гуши, перекрывали дороги и захватывали ханьских послов, особенно пострадал Ван Хуй (опытный посол Хань - М.А.). Банды сюнну нередко из засад нападали на тех, кого посылали в западные государства. Послы наперебой сообщали о стихийных бедствиях в иноземных странах, о том, что во всех них есть обнесенные стенами города, но войска слабы и их легко разбить.» [Сыма Цянь, , Т. 9, 2010, с. 208].

Несомненно, дальневидный император не смог смириться с таким положением дел, так как сношения с новыми крупными государствами Запада было не только делом престижа, но и возможностью установления союзнических отношений в упорной борьбе с кочевниками Великой степи. В 108 г. до н.э. Хань начала военную кампанию непосредственно в Западном крае, когда одна из армий напала на Гуши, взяв штурмом его столицу, а вторая вторглась в Лоулань, захватив его правителя. Эта военная кампания имела также воздействие на жителей Усуни и Ферганы [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 208].

Вскоре из-за лошадей разгорелась большая война между империей Хань и Ферганой. Постоянная война с «летучими отрядами» гуннов требовала наличие огромного количества боевых коней для империи, так как самое грозное оружие китайцев арбалеты - «самострелы» были очень востребованы для осаждения крепостей и в «правильном» бою, когда две армии сходятся лицом к лицу. Гунны были более известны своим «неправильным ведением» боя, когда они нападали в своих боевых конях внезапно и, принося большой урон противнику, быстро отступали, а когда получали отпор, могли быстро отступить, бросаясь врассыпную, и наступающая пехота не могла догнать их.

В итоге империя должна была постоянно думать, как пополнять свою кавалерию необходимым количеством боевых лошадей, между тем многочисленные посольства информировали императорский двор о наличии большого количества боевых коней не только в Усунь, но и в других западных странах.

Сообщение из «Исторических записок»: «Посланников Хань было уже много, и некоторые из них увлекали Сына Неба такими речами: «В [Дай]юани имеются превосходные кони, [они] находятся в городе Эрши (Коканд ?), их скрывают и не соглашаются отдать послам из Хань». Сыну Неба нравились [дай]юанские скакуны, он выслушивал это с интересом и отправил силача Чэ Лина и других с большим количеством золота и [фигуркой] золотого коня, чтобы получить от дайюаньского правителя превосходных эршиских лошадей. В Дайюани было обилие ханьских вещей. Совещаясь [с правителем], советники сказали: «Хань от нас далеко, и в окрестностях Яньшуй (Яньцзе) [их] подстерегает немало бед. Если пойдут на север, то столкнутся с хусцами (гуннами - М. А.); если двинутся южным путем - с нехваткой воды и травы. К тому же там очень мало селений, и продовольствия сильно не хватает. В ханьских посольствах бывает по несколько сот человек. [В пути они] постоянно испытывают голод, и умерших – больше половины. Разве они могут направить большое войско? [Они] ничего не смогут поделать с нами. Да и эршиские кони – [истинная] драгоценность [Дай]юани». В итоге [правитель Дайани] отказался передать [коней] ханьскому послу. Ханьский посол вышел из себя, наговорил грубостей и, разбив золотого коня, удалился» [Сыма Цянь, Т. 9, 2010, с. 210 -211].

В последующем, по сообщению данного источника, в 104 г. до н.э. состоялся поход ханьских войск в Фергану, закончившийся неудачно, так как изнуренная армия потерпела поражение от ферганских войск в городе Юйчен (Узгенд ?) и отступила назад (в Дуньхуан). Однако император был непоколебим в получении «небесных коней» и приказывает закрыть заставу Юймэнь и «Кто посмеет пройти заставу, казнить на месте!». По всей империи организуется новый рекрут в армию, так как «вся Поднебесная была задействована», включая осужденных за преступления «молодых негодяев». В итоге из Дуньхуана выходит 60 тысячная

новая армия под руководством Эрши - полководца, которому удалось заключить мир, согласно которому китайцы получили табун коней, необходимый для продолжения войны с гуннами [Сыма Цянь, Т. 9, 2010, с. 212 -213].

Поход в Фергану имел, несомненно, также дипломатический успех, так как происходила переориентация большинства оазисных государств Таримского бассейна от гуннов к Хань. Ряд государств региона отправили вместе с ханьской армией своих послов и членов семей в качестве заложников, что означало принятия вассалитета по отношению к нему. Однако борьба за доминирование в Западном крае между Хань и гуннами продолжалась. Вскоре империя Хань внедрила в регионе такие механизмы колонизации, которые надолго закрепили их власть. К второй половине I века до н.э., когда Хань нанесла ряд чувствительных ударов гуннам, их власть пошла в убыль. По мнению российского исследователя Крюкова: «Должность «управляющего рабами» была упразднена. В 59 г. до н.э. ханьский полководец Чжан Цзи был назначен на только что учрежденный пост генерал - протектора Западного края (Сиуй духу), просуществовавший до 23 г. н.э.» [Крюков, 1988, с. 252].

Вскоре произошло событие в Хафтруде тесно связанное внедрением этой должности (сиуй духу) в Западном крае, которое можно условно назвать первая «Таласская битва», где впервые столкнулись, военные контингенты, как минимум, трех империй, включая далекий Рима. Дело в том, что странное на взгляд китайцев военное «построение в виде рыбьей чешуи» в «Ханьшу» (истории династии Хань) вызвало большую дискуссию среди синологов всего мира. В 36 г. до н.э. помощник наместника западных пограничных районов Чэнь Тан уговорил своего начальника (сиуй духу) совершить глубокий рейд в Хафтруд (правый, северный склон Тянь-Шанья) в новую укрепленную ставку правителя (шаньюя) гуннов Шиши (или Чзиши ?) в Таласе. До этого события шаньюй вероломно убил посла Хань и бежал с его печатью на запад во владения Согда (или Кангюя).

Здесь китайцы обнаружили новый укрепленный лагерь «огражденный, двумя деревянными частоколами» и «более сотни пехотинцев, выстроенных в линию «в виде рыбьей чешуи», которых ряд исследователей (Дебс Г. Г., Гумилев Л. Н. и др.) характеризуют как римский легион.

Согласно Дебс – ««построение в виде рыбьей чешуи» представляет собою маневр, отнюдь не легко выполнимый. Эти солдаты должны были сгруппироваться вместе и накрыться своими щитами. Этот маневр, требующий одновременности действия со стороны всей группы, особенно если он выполнялся перед самым нападением, требовал высокой дисциплинированности, которая возможна только в профессиональной армии. Единственными профессиональными, организованными в регулярные части солдатами того времени, о которых имеются данные, были греки и римляне, -кочующие и варварские племена бросались в бой беспорядочными толпами» [Дебс, 1946, с. 46].

Общеизвестно, что щиты македонян, которые также использовались в военных контингентах местных Греко-бактрийских царств, разгромленных со стороны саков-кушан, не годился для данного маневра, так как они были маленькими и тем более круглыми.

Однако, откуда здесь в глубине Великой степи римский легион? Из множества кочевых племен только дахи использовали броню - позднее знаменитые катафрактары парфян, которые и разгромили ранее римские легионы Красса на далеком западе (при Каррах в 54 г. до н.э). Согласно Малькольм Колледжу: «для Рима это действительно было трагедией. Из армии численностью более сорока тысяч в Сирию удалось бежать только десяти тысячам. Еще десять тысяч были пленены парфянами. Остальные погибли. Военные штандарты Рима - орлы оказались в руках парфян. Пленных отвели в Мерв, в противоположную часть Парфянского царства, и разместили там» [Малькольм Колледж, 2004, с.37].

Вполне возможно, что здесь в Мерве, эти римские военнопленные (с полной своей военной экипировкой) носили военную службу в приграничных районах (граничившей на севере с Кангдеж, на востоке с Кушаншахами) против вторжения кочевых племен, так как здесь проходил один из главных маршрутов шелкового пути, на охрану которого Парфия обращала особое внимание. «Нам неизвестно,- пишет Дебс,- сколько из этих 10 тысяч человек достигли этого места. Расстояние от Карр до Антиохии в Маргиане составляет около 1500 миль, и вряд ли при этом переходе с пленными хорошо обращались. В римских и греческих сообщениях об их судьбе больше нет никаких указаний. По предположению Горация, эти римляне женились на женщинах из варварских племен и служили в парфянском войске» [Дебс, 1946, с. 47].

Возможно также, по происшествии 18 лет наемной военной службы, часть относительно молодых римских легионеров, маргинализуясь, могли наняться за хорошее вознаграждение к новым хозяевам. Это мнение косвенно подтверждается сообщением Л. Н. Гумилева о том, что накануне правитель гуннов разгромил торговый город и получил большую добычу.

Как сообщает древнеримский историк Плутарх, после 18 лет поражения римлян в Карах, преемник Цезаря Марк Антоний во время своего похода на Кавказ и Иран, совпадающий с анализируемым нами западным рейдом ханьцев (36 г. до н. э.), совершенствовал тактику римлян. По некоторым данным проводником у Антония служил воин, выживший из армии Красса и впоследствии служивший у парфян. Марк Антоний, по совету армянского царя Артавазда, избегал равнину и двигался через холмистые земли, где ударная сила парфянской тяжелой конницы не могла развернуться в полную мощь. А вовремя постоянных нападений парфянских всадников, вооруженных луками, его армия совершенствовала тактику «черепаха» (“testudo”) - когда первый ряд воинов опускался на колени, поставив щиты на землю, для того чтобы защитить ноги воинов, находящихся сзади; следующий ряд держал щиты на уровне головы, а остальные воины держали их над головами, образуя таким образом «черепаху» или «черепичной крыши» [Плутарх, 1994, 45].

Таким образом, воины Антония, в отличие от воинов Красса, смыкавших щиты только спереди, а их головы не были защищены от стрел, попадающих сверху, остались невредимыми. Несмотря на совершенствования военной тактики, и этот поход римлян на Восток, в общем, оказался неудачным.

Как пишет Малькольм Колледж - «Антоний шел по холмистой местности в сторону Армении (из Атропатены- совр. Иранский Азербайджан- М. А.). Его отряды постоянно терпели налеты парфян и страдали от голода и жажды. Буханка хлеба стоила не меньше серебряной монеты, голодавшие солдаты были вынуждены пить грязную воду и на ходу жевать выкопанные среди камней коренья. В результате такого питания многие умирали. Какой-то дружелюбно настроенный парфянин предупредил Антония, что, если его отряды уйдут из холмов, их постигнет судьба Красса. Отступление шло медленно, со все большими потерями солдат и боевого духа. Наконец они вышли к реке, находившейся недалеко от границы Армении. Здесь парфяне прекратили свои атаки, сняли с луков тетивы и ускакали, превознося мужество и выносливость римлян. Спустя еще шесть дней (и почти через месяц после отхода от Фрааспы) римляне оказались в Армении. Антоний обследовал свое войско: сражения и болезни унесли тридцать пять тысяч человек. Хотя ни одно сражение не закончилось поражением, треть его армии погибла, и по числу убитых потери Антония были больше, чем у Красса» [Колледж, ?, с. 39]. А часть из пленных римских легионеров (ок. полтора сотни) из Мерва, возможно, как наемники (?), попали в гуннскую армию в Таласе (правый берег Сырдарьи).

«Шелковая дорога, - пишет Г. Дебс- от китайских пограничных западных территорий вела через столицу Шиши к Антиохию в Маргиане (Мерв), и вести о возвышении Шиши и наборе им войск могли совершенно естественно дойти до этих римских изгнанников» [Дебс, 1946, с.48].

Они помогли правителя шаньюя построить укрепленный лагерь согласно римскому фортификационному образцу (деревянный частокол со рвом). А при непосредственном штурме ханьцев, они, обученные горьким опытом при Каррах и сделавшие правильный вывод, заблаговременно использовали тактику

«черепеха» (как их однополчане из войска Антония в Армении). Данная боевая тактика («черепеха»), в глазах китайцев показалась как «рыбья чешуя», так как четырехугольные щиты римлян, сверху были полуцилиндрической формой, когда первый ряд стоит на земле, второй поднят на уровне головы, а третий и остальные ряды над головой, создавали, безошибочно, тот образ, которую описали китайские дворцовые хроники.

Таким образом, в степной долине столкнулись представители армий трех империй, точнее двух- Хань и кочевой империи гуннов, которые мобилизовали и представителей Римской империи. Волей судьбы военные контингенты трех мировых империй сошлись в одном месте, а четвертая (Парфия) в это время была занята оттеснением римлян (во главе с Антонием) на другом берегу Каспия, пятая (Кушаншахи), оттесняя греков и македонян на юг, прорывалась в Индию. Все эти ведущие империи мира имели прекрасную армию, которая имела как сильную, так и слабую сторону.

Римские легионы были самыми лучшими воинами в близком рукопашном бою, штурме городов и других укрепленных сооружений, однако уступали кавалерии противника (парфян, алан, гуннов и т.д.) в дальнем бою, которая, скакав по периметру римского карре, находили бреши в их построении и осыпали их стрелами в продолжительное время (походы Красса и Антония).

Гунны, как и парфяне и саки - кушани, были конными лучниками. Хотя они относились к «народу, натягивающие луки», у них, в свою очередь, имелись свои тактические особенности. Племена дахов, создавших Аршакидскую державу, имели наряду с легкой конницей и тяжелую, в которой как воин, так и боевой кон, облачались в железные доспехи.

Данная тяжелая конница, вооруженная длинными пиками, закрепляемыми на шею боевого коня для усиления силы удара, в самом начале сражении расстраивала боевые ряды противника и удалялась. Вступавшая за ней в бой легкая кавалерия, скакав по периметру вражеской армии, осыпала градами стрел или увлекая части вражеской армии за собой, быстро окружала и уничтожала ее и вновь возвращалась в основное поле сражения.

А гунны не имели тяжелую кавалерию и их беспорядочный бой с частыми стычками (как «пчелиный рой») с катафрактариями, быстро устававшие под тяжестью железа или сваленны на землю арканами гуннов, могли стать малоэффективными. Сражения легкой конницы кочевников, в основном, зависели от общего количества конников противостоящих сторон, таланта полководцев и многих других факторов. Ханьцы, как известно из «Исторических записей», до похода в Фергану (до 104 г. до н.э.) имели тугие арбалеты-самострелы, так как послы, побывавшие там сообщили императору: «если ханьское воинство численностью до трех тысяч человек обстреляют его из тугих арбалетов, то это кончится поражением и захватом [Дай]юани» [Сыма Цянь, Т. 9, 2010, с. 211]. Это оружие ханьцев малоэффективное для сражений в широком поле с маневрирующими «летучими отрядами» кочевников, превращалось в грозное оружие в близком бою или в штурме городов.

Согласно Дебсу,- «Некоторые древние китайские самострелы были настолько тугие, что для того чтобы их натянуть, сильный мужчина должен был лечь на спину, опереться ногами в лук и натягивать тетиву руками, используя таким образом мускулы ног, спины, рук. Для управления этими самострелами китайцы изобрели исключительно удобный спусковой механизм. Эти самострелы представляли собой точное оружие и били на более дальнее расстояние, чем различные метательные снаряды всех

других войск. Они, несомненно, могли пробивать любые щиты и доспехи. При нападении в город Шиши китайцы, естественно, начали свое нападение градом копий из самострелов, а сами удерживались на расстоянии, куда не достигали стрелы гуннов. И таким образом китайцы ранили в нос, даже самого Шиши, когда он стрелял в нападающих с городской башни» [Дебс, 1946, с. 48].

В конечном итоге в Таласской битве гунны и римляне потерпели поражение. Дворец правителя был сожжен, его голова отрублена и верительные грамоты китайского посла были возвращены назад. Римские легионеры, впервые побежденные парфянской стрелой, вторично уступали, наряду с другими, перед китайским самострелом, согласно «Ханьшу» (?) с «общим числом 145 врагов», были поделены (как рабы), между пятнадцатью правительствами государств - союзников Хань в Западном крае. К сожалению, мы не располагаем сведениями о дальнейшей судьбе римлян, однако возможно, что их потомки, вовлеченные в Великое переселение народов, через несколько веков, вернулись в Северную Италию.

Однако тот факт, что шелковый путь уже на начальном своем этапе создал благоприятные условия, когда представители самых отдаленных друг от друга народов (от Средиземноморья до Желтого моря) могли соприкоснуться между собой в его узловых центрах и непосредственно знакомиться с достижениями друг друга, включая фортификацию и военное дело.

Вторым средством колонизации стали тины, о которых сообщается в «Исторических записках»: «Также Хань отправило свыше десяти посольств в иноземные страны, расположенные к западу от [Дай]юани, чтобы собирать диковинные вещи и довести до сведения [их правителей], что могущественная [Хань] разгромила [Дай]юань. Управление [областью] Цзюцюань перевели в Дуньхуан. На западе до Яньшуй (река Тарим) повсюду появились тины. В Луньтоу поселили несколько сот солдат-землепашцев, поэтому туда были назначены уполномоченные для охраны полей и заготовки зерна, чтобы снабжать отправляемые в иноземные страны [посольства]» [Сыма Цянь, , Т.9, 2010, с. 216].

Об успешной реализации данной политики колонизации Хань сообщает современный исследователь: «к I в. до н.э. ханьским правительством был уже накоплен значительный опыт по созданию такого рода поселений в округах Увэй, Цзюцюань, Чжаньги, Дуньхуан. План широкого внедрения военных поселенцев на земли Западного края был разработан сановником Сан Хуньяном, придворным императора У-ди. В 89 г. до н.э. Сан Хуньян подал доклад, в котором отмечал наличие в районе Луньтая (близ Цюйли, на «северном пути») пригодных для орошения земель и предлагал учредить там китайские колонии. Император отверг эту идею, а заодно признал ошибочной всю предшествующую политику Хань, направленную за захват новых территорий на северо-западе... После смерти У-ди Сан Хуньян удалось склонить нового императора, Чжао-ди (86-74 гг. до н.э.), к принятию решения об организации военных поселений в Западном крае, хотя и в более скромных масштабах, чем это предполагалось ранее» [Крюков, 1988, с. 254].

Однако в течение всего имперского периода функционирования шелкового пути борьба шла с переменным успехом: во время ханьско - дайюанской войны (104-101 гг. до н.э.), китайцы, совершив глубокий западный рейд, дошли до ее столицы город Эрши (совр. Коканд), результатом которого стала дипломатическая переориентация некоторых княжеств от гунн к Хань; узурпация власти в империи Хань Ван Маном (9- 22 годы н. э.) привело, наоборот, к падению позиций Китая в "Западном крае"; военно-дипломатическая деятельность Бан Чао в "Западном крае" (72-102 гг.), восстановивший китайское доминирование и вовлекший Кушаншахов в внутренние дела данного края и т.д. [Сыма Цянь, Таскин, Кляшторный, Боровкова и др.].

Ослабление политического господства гуннов в Центральной Азии ханьцы достигли не только благодаря своей армии, которой регулярно остро не хватало боевых коней, а в основном, за счет "шелковой" дипломатии, включая в нее и брачной дипломатии (хэ цинь). Китайская принцесса, выданная за правителя гуннов (усунь и других кочевников-варваров) со своей свитой со временем воспитала одного из наследников престола в китайских культурных традициях и ценностях, тем самым внеся раскол в единство правящего дома кочевых государственных образований. А китайские дипломаты, одаривая влиятельных членов правящего класса кочевых империй шелком, снижали их антикитайские настроения и стремления. Слабость государственных устоев и отсутствие достаточной практики и традиции управления государством вынуждали различные новообразованные кочевые государственные образования принять развитые китайские традиции и методы государственного управления и т.д.

Одновременно с формированием шелкового пути началась, с одной стороны (с востока) административная колонизация Ганьсуйского коридора и Таримского бассейна ханьцами и, с другой стороны (с запада) началась торгово-коммерческая колонизация региона со стороны согдийцев, проникнувших сюда задолго до начала этой международной торговой дороги. Данное взаимопроникновение и взаимодействие ханьцев и согдийцев по восточному маршруту шелкового пути (Ганьсу и Таримский бассейн), как свидетельствует достижения множества наук (археология, нумизматика, лингвистика, религиоведения, ирригация, политической истории и др.), в основном, носили мирный и взаимодополняющий характер.

Данную версию поддерживает исследователь Пигулевская Н.В, согласно которой, «Первоначально согды продавали лишь плоды своего сельского хозяйства, отчасти, своих ремесел. Начав с посреднической торговли шелком, они сами переходят затем к изготовлению и выделке тканей из него, заимствуя их украшение, расцветку, рисунки из обихода своих потребителей, стремясь дать то, что могло найти сбыт. В этом отношении исключительно красноречивы и показательны археологические данные на всем протяжении шелковой дороги от Китайской стены до берегов Нила» [Пигулевская, 1947, с. 206].

Позднее с формированием и расширением шелкового пути согдийцы были активно включены в эту международную торговлю. «Значительная роль в торговле на Шелковом пути принадлежали согдийцам, - пишет известный исследователь Любо- Лесниченко, - их проникновение в Восточный Туркестан и Западный Китай относится к IV- III вв. до н.э. Значительные согдийские колонии и поселения зафиксированы на главных центрах караванной торговли Средней Азии, Восточного Туркестана и Северного Китая с первых веков н.э. Письменные сведения о согдийском общине на узловом

пункте Шелкового пути - в Дуньхуане восходит к IV веку. По данным согдийских «старых писем», она насчитывала не менее 1 тыс. человек. Значительные согдийские колонии находились также в таких торговых центрах Западного Китая, как Лянчжоу, и Сучжоу» [Лубо-Лесниченко, 1985, с. 96]. Вполне возможно, что среди «купцов Западных земель, возводивших храм и совершивших жертвоприношения по усопшему императору Хань Гуаньзу в 58 году» были и согдийские купцы.

Необходимо подчеркнуть, что постепенное и деятельное вовлечение согдийцев в орбиту шелкового пути было обусловлено самым характером внешней политики Ханьской империи, которая стала использовать самый востребованный товар древности – шелк, не как монопольный товар во внешней торговле, а как дарственный товар, предназначенный для установления иерархического статуса дипломатии, во главе которой стояла персона императора Хань. Для этой цели империя Хань не жалела огромного количества шелка и других драгоценных товаров (золото, серебро и т.д.). Вспомним, первое китайское посольство в Усунь, когда усуньский правитель (гуньмо) хотел сидя встретить данное посольство, то Чжан «Цянь [почувствовал себя] оскорбленным, однако, зная алчность варваров, сказал: «Сын Неба прислал подарки; если правитель не поклонится, то пусть их вернет». Гуньмо встал и поклонился в благодарность за подарки. Остальное было как раньше» [Сыма Цянь, Т.9, 2010, с. 205]. Поэтому из-за многих объективных причин, когда многие мелкие княжества не могли снарядить свое собственное посольство (из - за дальности расстояния в Китай, незнания дипломатического церемониала Ханьцев или из-за нежелания их выполнять и т.д.) они стали использовать услуги согдийских купцов, которые охотно и за определенное вознаграждение выполняли дипломатическую миссию. Из-за отсутствия реальной конкуренции со стороны

китайцев они стали монополистами почти по всей восточной части этой трансконтинентальной торговой дороги.

Тем временем в 90-91 годы гуннам было нанесено тяжелое поражение, что «испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней. Земля к северу от пустыни обезлюдела» (Таскин, вып. 2 с. 98).

После этого разгрома гунны перестали играть роль упорного противника ханьцев за доминирования в Таримском бассейне. Хотя они совершали набеги в последующие годы (120-150 гг.) на Таримский бассейн, которые были во многом, с большими потерями, впоследствии основное внимание они направили на запад.

Как пишет крупный российский исследователь С. Г. Кляшторный: «Началось постепенное овладение гуннами землями в степях между Тарбагатаем и Прикаспием. Единственное государственное образование, созданное тогда гуннами к северу от оз. Балхаш, получило в китайских источниках название Юэбань» (Кляшторный, 2004, с. 77). Именно с восточных берегов устья реки Волги позднее, во второй половине IV века гунны вторглись на западный берег этой великой реки и, двигаясь вперед и вовлекая остальных кочевников, дошли до северной Италии.

Отличительной чертой этой борьбы за доминирования было то, что если китайцы проводили политику умиротворения кочевников, когда временами они большими частями откалывались с прокитайским предводителем от основного ядра и превращались в союзников-федератов, то Великая степь, где обитало множество кочевых племен, регулярно и методично выдвигала новые и новые племена на противостояние с оседлыми государствами,

расположенными в непосредственном соседстве с ними (гунны, сяньби, тоба, тюрки и многие др.).

В данное время наблюдается активность купцов из Западных земель в столице империи (Поздняя) Хань в городе Лоянь, которые с новыми товарами привезли сюда, также новые идеи, идеологии и религии. Согласно Любо - Лесниченко, - «проникновение буддизма в Северный Китай явилось результатом торговых контактов по Шелковому пути. На связь буддийской пропаганды с торговой деятельностью указывает тот факт, что буддийская религия в Китае начала распространяться в среде знати, покупавшей предметы роскоши из Западных земель и попадавшей под влияние иноземной культуры. Первые буддийские общины появились в Лояне, где находилась главная колония иноземных купцов. Непосредственную роль западного купечества в распространении буддизма в Китае подтверждает биография парфянского торговца Ань Сюаня, прибывшего в 181 г. с торговой миссией в Лоян и ставшего членом буддийской общины, основанной парфянским проповедником Ань Шигао. Сыном согдийского купца был и буддийский проповедник III в. Кан Сэнхуэй» [Любо-Лесниченко, 1985, с. 97].

Здесь уместно подчеркнуть, что как свидетельствует этот отрывок известного специалиста по изучению шелкового пути, уже ко II веку, т.е. к начальному периоду функционирования этой мировой торговой пути, согдийцы основательно освоились в столицах империи Хань, став известными уже с китайскими фамилиями Ань (выходец из Парфии, позднее из Бухары), Кан (выходец из Самарканда) и многие другие, которые удерживали доминирующее положение в качестве купцов-дипломатов более тысячелетия. В пользу этой мысли говорит сообщение другого российского специалиста, описывающее торговые дела и дипломатические связи в Китае времен «Пяти династий и десяти

царств» (907- 960 гг.): «Среди согдийцев на первом месте по численности стоят выходцы из Бухары, носившие фамилию Ань; дальше идут представители Чача (или Шаш - совр. Ташкент –М.А.) (фамилия Ши) и только один посол был из Маймурга (фамилия Ми)» [Малявкин,1983, с. 247].

Ослабление Китая в "Западном крае" создало благоприятное условие для проникновении оседлых соседей- Кушаншахов в Таримский бассейн, так как в середине II века резко ухудшается внутривосточная ситуация в Китае и он оказывается не в состоянии контролировать все процессы в новых землях.

Кушаншахи до этого времени, завоевав Бактрию, расширив свое владение на север (Соغد и Кангдеж) и, в основном, на юго-восток (северо-западная Индия с Кашмиром) обратили свое внимание к своей "исторической родине" (Таримский бассейн) перешли Памирское нагорье. По мнению С. Г. Кляшторного, "еще до царствования Канишки кушаны предприняли попытку расширения своих владений на восток - в конце I в. н. э. они соперничали с империей Хань в Восточном Туркестане. Между 80 – ми гг. I в. и до 130-х г. н.э. кушаны контролировали часть территории Таримского бассейна и Кашгар, но постепенно утратили там свои позиции" (Кляшторный, 2004, с. 80).

Основное соперничество за контроль над торговыми маршрутами Кушаншахи вели в Вароруде с мощной державой Аршакидов (Парфия), которая со временем перевела столицу из Нисы (близ совр. Ашхабада) в Гекатомпиль (позже в Ктесифон), но ревностно относилась к военно-политическим процессам, происходящих в их исконных землях.

К моменту вторжения саков - кушан (юечжи) в Вароруд (вт. пол.второго века до н. э.) и подчинения себе большей ее части на

западе от них находились коренные земли правителей племени дахов (или парнов), откуда вышли шахи Аршакидов. Эти племена, принимая оседлый образ жизни, за сто лет независимого развития (пр. 238 г. до н.э. их отложения от Селевкидов) стремительно превратились из небольшой бывшей селевкидской сатрапии в могущественную державу, носящую имя своего основателя - держава Аршакидов (или Великая Парфия), простиравшей от отрогов Гиндукуша до берегов Евфрата. Два аршакидские шаха Митридат I (171-138 гг. до н.э.) его сын и преемник Фраат II (138-128 гг. до н.э.) беспощадно разрушив ожесточенное сопротивление своих бывших сюзеренов, методично расширяли территории нового государства. Первый разгромил селевкидское войско, взял в плен и поселил в Гиркании (область в южном берегу Каспия) Деметрия II Никатора, а второй нанес поражение в 129 году до н. э. Антиоху VII. Однако Аршакидской экспансии на Запад (в Иран и Месопотамию) не помешала слабость поздних селевкидов, форсирование Амударьи и приближение к коренным землям Аршакидов дотоле неизвестных кочевых племен (саков-юечжи), пришедших из глубин Центральной Азии (с границ внутреннего Китая) и разгромивших греко-бактрийские государства.

В упорной борьбе с новым грозным противником нашли свою смерть два аршакидские шаха – Фраат II и его преемник Артабан II (128-ок.123 г. до н.э.). Дальнейшему продвижению к границам Парфии кушан удалось остановить одному из известных аршакидских шахов Митридату II (ок. 123 г. до н.э.- ок. 88 г. до н.э.). Хотя античные авторы не оставили никаких сведений о ходе переговоров между аршакидами и кушанами и об их результатах, но последующие военно-политические события косвенно подтверждают достижение взаимоприемлемого компромисса между ними. Так как кушаншахи обратили свой взор на юг (к ослабевшим греко-бактрийским и греко-индийским царствам), а аршакиды всё своё внимание направили на запад (особенно на Закавказье). О последующих событиях продвижения кушан

сообщает Хоуханьшу: "По происшествии ста с небольшим лет гуйшуанский (кушанский) ябгу (правитель - М.А.) Киоцзиоко (Кудзула Кадфиз) покорил прочих четырех ябгу и объявил себя государем. Его царство называлось гуйшуанским (кушанским). Он воевал с Аньси (Парфия), покорил Гаофу (Кабул), затем победил и присоединил к своему царству Пуду (Арахозия) и Гибин (Кашмир). Киоцзюкю умер в возрасте более 80 лет" [Бичурин И, II, с.227-228, Кляшторный, 2004, с.79]. Из данного текста вытекает, что саки - кушаны, некогда контролировавшие "Нефритовый путь" и проигравшие борьбу за древний "Лазуритовый путь" парфянам уходили на юг, чтобы взять под свой контроль древний торговый путь «От Бактри в Индию», о существовании которого сообщал китайский дипломат Чжан Цянь по завершении своей первой поездки.

О превращении в обширную державу государства Кушаншахов отмечали не только древнекитайские дворцовые хроники, но и античные (греческие и римские) авторы. Согласно Ставискому, - «Среди многочисленных государств, существовавших в древности на территории Средней Азии, Кушанскому царству как по могуществу, так и по его историко-культурному значению принадлежит одно из наиболее почетных мест. В глазах современников это государство являлось из тех «мировых империй», которые в первые века н. э. поделили между собой почти все передовые страны той эпохи. Китайский автор первой половины III в. н.э. описывая политическую ситуацию, делит весь мир на три части, подвластные трем императорам: римскому, кушанскому и китайскому. Дион Кассий сообщает, что когда в 99 г. н.э. кушанские послы в Рим, оны были приняты с большим почетом и в качестве знатных гостей участвовали в триумфе императора Траяна, праздновавшего победу над даками. Высокая оценка современниками роли Кушанского государства отнюдь не была простым преувеличением: обширная

среднеазиатско-индийская держава кушан действительно стояла в одном ряду с Римом, ханьским Китаем и Парфией и занимала важное место в политической, экономической и культурной жизни древнего мира» [Ставиский, 1961, с. 108].

Однако политическая история и международные связи данной империи исследованы недостаточно полно, так как страна находилась в относительной удаленности от античных авторов и древнекитайских хроникеров, местная письменность не оставила достаточных источников. А нумизматика и хронология Кушаншахов, как основные источники об истории данной династии, во многом, не прояснили ситуацию, а наоборот, своей дискуссионностью, еще более усилили разночтения об основных этапах ее становления, расцвета и упадка. Согласно Р. Гиршману: «Эта хронологическая проблема (т. н. «эра кушан»- М. А.) стала доминирующей в громадном большинстве работ, посвященных кушанам. Как будто бы два или три десятилетия, которые отделяют три даты, предложенные для эры Канишки (115-128-144), могут в действительности играть исключительную роль в изучении блестящей культуры кушан, сгоревшей, как феникс, после трехсот лет своего существования!» [Гиршман, 1972, с. 139].

Общеизвестно, о покровительстве буддизму (особенно, махаяна) со стороны кушаншахов, через территории которых эта религия проникла в последующем через Вароруд и Таримский бассейн на Дальний Восток. Поэтому этот южный маршрут шелкового пути (формировавшейся параллельно с продвижением на юг кушан) с учетом его перспективы условно можно назвать "путь буддийских паломников".

«Так же как Голландия в XVII в. и Англия в XVIII в. Кушанская империя с середины I в.н.э. -, пишет Р Гиршман, является необходимым звеном торговой цепи, соединявшей Дальний Восток с Западом и занимавшейся почти исключительно

транзитом индийских и китайских товаров, импортируя (иногда только для высшего класса своего населения) предметы роскоши из восточных владений Римской империи, как это показали находки в Беграме. Эта деятельность посредника составляла главный источник богатства кушан. Рим платил золотом, которым победы наполняли его казну. Но чтобы торговать, нужно обеспечить свободу дорог и морей. Эта проблема должна была стать одной из главных забот кушанской дипломатии. Что же касается купцов, то независимо от войны и мира, разбойников или пиратов, караваны и торговые корабли должны были двигаться, не останавливая международный обмен. Потери были большие, но прибыль их покрывала» [Гиршман, 1972, с. 144].

Если южная граница Кушаншахов достаточно хорошо известна благодаря буддийским письменным источникам, то северная граница государства остается вполне дискуссионной. «Если исходить из монетных находок,- пишет Ставиский Б.Я.,- то северную границу кушанских владения при Кадфизе I (один из первых Кушаншахов- М. А.) следовало бы, таким образом, проводить по Амударье, или, что вполне вероятно, хотя пока и не доказано по Гиссарскому хребту, естественному рубежу Бактрии на севере. Как бы то ни было, включать в состав государства Куджула Кадфиза Согд, как это делается в нашей литературе, или Хорезм, как предлагает Р. Гиршман, нет никаких оснований. Исходя из монетных данных, можно также заключить, что подчинение Согда, Хорезма и вероятно, Чача было осуществлено кушанами не на начальном этапе создания ими своей державы, когда их основное внимание было сосредоточено, как это видно из китайских источников, на завоеваний в Бактрии и Индии, а в годы расцвета, в конце царствования Кадфиза II или в годы правления Канишки. В отличии от чекана Кудзуллы Кадфиза находки монет Кадфиза II зарегистрированы не только в Афганистане и Индии, но и на территории современных советских республик Средней Азии.

Основные находки этих монет в Средней Азии приходится на Северную, правобережную Бактрию» [Ставиский, 1961, с.112].

Аршакидский шахиншах Митридат II, успешно решив "восточные дела", все свое внимание направил на Запад и в 92 г. до н.э., отправив посольство к римскому диктатору Сулле (находящемуся в восточных провинциях империи), открыл новую страницу во внешней политике Парфии. С этим посольством началась трехсотлетняя эра политического дуализма и торгового партнерства между ними, когда война и мирное сосуществование чередовались между собой. Если учесть, что за двадцать лет до этого он сам торжественно принимал посольство от империи Хань (пр. 112 г. до н.э.), то можно считать рубеж II-I в. до н.э. началом установления межгосударственных отношений между всеми основными очагами древних цивилизаций.

В Малой Азии, Месопотамии и сопредельных землях Рим и Парфия, фактически выступили преемниками некогда обширной Селевкидской державы. Римляне, нанеся чувствительное поражение селевкидскому царю Антиоху III, недавнему союзнику своего "заклятого врага" Ганнибала, при Магнесии в 190 г. до н.э. начали захват западных земель этой державы. А аршакидский шах Митридат II, до появления кушан на востоке своего государства, нанеся поражения селевкидскому царю Деметрию II Никатору в 142 г. до н.э. захватил одну из богатейших его областей Вавилон. Однако гражданские войны в самом Риме и восточная угроза Парфии на время остановили их экспансию и движению навстречу друг другу. Этим временным затруднением двух империй воспользовались цари Понта и Армении, которые не только расширили свои владения, но установили свой контроль над формирующимся торговым (шелковым) путем на Китай и др. страны Востока. Если северное и северо-восточное побережье Черного моря (Боспорское царство, и города-полисы) выступили

мощной поддержкой понтийского царя Митридата VI (120-63 гг. до н.э.), армянский царь Тигран II (95- 55 гг. до н.э.) расширив свои земли, пошел еще дальше. Заложение в 77 г. до н.э. города Тигранокерта этим царем и переселение туда сотни тысяч ремесленников и, особенно, торговцев свидетельствует о ранней реакции дальновидного правителя на изменения конъюнктуры международной торговли, так как этот новый город был ближе к торговым путям по Евфрату и по Армянскому нагорью, чем старая северная столица Арташат. Поэтому можно считать, город Тигранокерт был не только последним эллинистическим городом, но и первым городом шелкового пути, построенным в ее западной части.

Аршакиды, успешно выполняя роль достойного соперника Рима в его проникновении на Восток, в отличии от своего преемника - Сасанидов, не перекрыли торговых путей Востока, идущих на Запад (в большем счету, в Рим).

«Письменные источники сообщают, что уже в II в. до н.э. китайский шелк получил распространение в Парфии и в первой половине I в. до н.э. из него изготавливались боевые знамена. В I в. до н.э. шелк проникает в Александрию - главный торговый город Восточного Средиземноморья, где для царицы Клеопатры шили из шелка роскошные одеяния. В Рим шелк завозится во второй половине I в. до н.э., в правление императора Августа (один из первых императоров Рима - М.А.)" упоминания о шелке (serica) встречаются в стихах Вергилия, Проперция, Горация и Овидия» [Лубо-Лесниченко,1994,с.247].

Вполне возможно, что часть из "огромного количества шелковых тканей", бывшего в распоряжении большого ханьского посольства на Запад во главе с Чжан Цяном (117 г. до н.э.), вывозимого из Усунь в Аньси (Парфия) с посольством была в

последующем включена в дары посольства Аршакидов в западные страны, включая Рим.

По мнению исследователя Малькольма А.Р. Колледжа: «Когда рассматривается общая картина торговых перевозок между Средиземноморьем, Дальним и Ближним Востоком после падения империи Селевкидов, парфяне выступают главным образом как посредники, а не как производители. В ранний период парфяне, несомненно, торговали с селевкидскими купцами. Коммерческие контакты с Китаем были прочно налажены еще до конца II в. до н.э. Чжан Цянь и другие сообщали о готовности парфян вести торговлю. Их повозки, караваны и корабли появлялись в соседних землях, они отправляли диковинные подарки - страусинные яйца и фокусников, чтобы возбудить китайского императора. Шелковый путь между Китаем и Средиземноморьем начал действовать. Дружественные посольства и подарки продолжают упоминаться в китайских источниках I и II вв. н.э. Китайцам были известны парфянские монеты: еще до 150 г. н.э. надпись с парфянской монеты были скопирована в качестве украшения китайской бронзы» [Малькольм Колледж, 2004. с. 72-73].

Восточный поход Гнея Помпея во время третьей войны Рима с Митридатом Понтийским (74-64 гг. до н.э.) укрепил дипломатические отношения этой западной державы с Парфией. Сама необходимость войны с двумя мощными государствами Ближнего Востока - Митридатом VI, царем Понта и Тиграном II, царем Армении, которые совместно господствовали во всех странах Малой Азии, Армении, Сирии до Евфрата, когда первый угрожал Римским, а второй новым областям Парфии, заставил Помпея выступить в дипломатические переговоры с аршакидским шахом Фраатом III. Согласно договору между шахом Фраатом III и римским полководцем Помпеем, Парфяне получили права вторгаться в пределы Армении. Аршакидский шах Фраат впервые

предложил границу по Евфрату, которому в последующем много раз возвращались. Разрыв союза армянского и понтийского царей был результатом умелой политики Помпея, заключивший союз с Парфией. Однако его попытка пройти после захвата Армении (нарушая договор с Парфией) из долины Фазис к Каспийскому морю и овладеть древним торговым путем окончилась неудачей [История Древнего Рима, 1971, с. 221-222].

Также возможно, что Красс, самый богатый человек Рима и наместник Сирии, попав в "шелковую лихорадку", хотел не только повторить восточные походы Александра Македонского, но и продвинуться ближе к восточным рынкам, начавшим торговать шелком. Он, за собственный счет, оснастил римских легионеров, возглавил их поход на Восток.

Заслоном Риму в этом походе стала знаменитая тяжелая конница Аршакидов с боевыми знаменами, изготовленными из китайского шелка и переливающиеся разными цветами. В итоге римское войско потерпело сокрушительное поражение в 52 году до н.э. при Каррах (совр. Харран-Турция). Как было рассмотрено выше, часть пленных римлян, отосланных в Мерв, оттуда, возможно, в качестве наемников приняли участие в войне гуннов с китайцами.

«Если римские матроны, - пишет Р. Гиршман,- над прозрачными одеждами которых издевались сатирики, требовали китайского шелка, то политика императоров по отношению к Парфии оставалась той же, какой она была при Крассе; эту вековую вражду унаследовали Сасаниды» [Гиршман, 1972, с. 145].

Вскоре две империи - Рим и Парфия вновь встали лицом друг другу. После первичной "пробы сил" друг друга, когда после сражения при Каррах парфяне вторглись и захватили Сирию (52-50

гг. до н.э.), продвинулись вплоть до города Иерусалим (40 г. до н.э.), сменилось последующими успехами римлян, которые оттеснили их на Восток, включая неудавшийся поход Марка Антония, было установлено затишье. поводом для которого был блестящий дипломатический шаг аршакидского шахиншаха Фраата IV (38- 3 гг. до н.э.), который вернул 20 г. до н.э. Риму его пленных и штандартов их легионов (Красса и Антония), чем произвел колоссальное впечатление на империю. Поэтому более 100 лет они относительно мирно торговали между собой.

«В 38 г.н.э. император Калигула принимал консулов, сидя в помосте, украшенном шелковыми занавесами. В результате восточной экспансии первой династии Флавиев значительно возрос приток шелка в Римскую империю, и во время праздничной процессии в 71 г. по случаю победы в Иудее дефилирующие легионы были в одеждах из шелка» [Лубо-Лесниченко,1994, с.247]. Из этого сообщения вытекает, что за полтора столетия функционирования шелкового пути, шелк стал не только излюбленной материей римских матрон, т.е. высокой моды того времени, а также проникся в имперскую администрацию и ее армию, став неотъемлемой частью ее формы.

Таким образом, внешняя политика первого императора Рима Октавиана Августа (30 г. до.н.э.- 14 г. н.э.), которого в 29 г. до.н.э. сенат провозгласил императором, была умеренной и он отказался от войны на Востоке. Он установил мирные отношения с аршакидским шахом Фраатом IV, вернувшем римских пленных и боевые знамена с орлами. Шах отправил также своих сыновей в Рим, чтобы соперничающие дворцовые группировки не использовали их в борьбе за власт. Нахождение этих заложников в Риме использовали чуть ли не фактором капитуляции Парфии.

А во времена правления Клавдия (41-54 гг. н.э.) кроме Мавритании и Британии были завоеваны и включены в состав

империи Фракия, Ольвия, Херсонес и Боспорское царство, находящееся в бассейне Черного моря, где шелковый путь переходил от сухопутного к морскому маршруту на своем северо-западном отрезке.

«В эпоху Римской империи,- пишет исследователь,- производство китайских рук – шелк стал известен в Средиземноморье. Эта была дорогая ткань, которая «ценилась на вес золота». Из шелка шили праздничные одежды, его надевали во дворцах, богатых виллах, как роскошь приносили в дар богам, покрывали им алтари, ткали культовые одеяния, о нем мечтали для подвенечной одежды невесты и с жадностью уносили в качестве добычи варвары» [Пигулевская, 1947, с.184-185].

А борьба за доминирования в Армении, превращающаяся в традицию, привела к возобновлению борьбы с Парфией в начале правления императора Нерона (54-68 гг. н.э.). Вялотекущий характер этого противостояния стал одним из многочисленных причин приведших, наряду с внутренними проблемами, к заговору против не популярного императора. С аршакидами был заключен договор, устраивающий обе стороны: римляне признали аршакидского принца Тиридата царем Армении, который, однако, должен был получить корону из рук императора Нерона. Император данную церемонию превратил в пышное торжество, чтобы поднять свой пошатнувшийся авторитет. С этим царем началась аршакидская эпоха, которая оставила в истории этой страны свой отпечаток.

Присоединение Коммагены (область в Малой Азии) при императоре Веспасиане (69-79 гг.) привело к обострению отношений с Аршакидами, но императору удалось сохранить мир с ними. А дальнейшее продвижение римлян на восток к побережью Каспийского моря был приостановлено Аршакидами, которые

отбросили их назад к областям Малой Азии и они были вынуждены перейти к обороне этих областей.

Это время, когда самая известная империя древности – Рим, начала конкурентную борьбу по всему востоку за контроль над торговыми маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути, происходили не только упорные сражения, но и многочисленные попытки открытия Серики (древнеримское название Китая) со стороны средиземноморских купцов.

На сегодняшний день имеется, как минимум, два известных античных источника о торговых путях, связывающих Средиземноморья с древним Китаем и Индией. Первое сочинение египетского купца вт. половины I в. н.э., известное среди исследователей как сочинение Псевдоарриана «Плавание вокруг Эритрейского моря», а второе «Географическое руководство» Птолемея, написанное в середине II в. н.э.

Тщательное изучение сочинение Псевдоарриана «Плавание вокруг Эритрейского моря» свидетельствует о том, насколько было развито морское плавание в первом веке нашей эры, когда египетские и иные купцы, выходящие на дальнейшее плавание в Красном море, доходили до Индокитая (точнее, к низовьям р. Ганг).

Сочинение начинается с описания портов древнего Египта на Красном море: «Из известных стоянок на Красном (Эритрейском) море и лежащих около него рынков первым является египетский порт - Миосгормос (совр. Коссер ?- М. А.). После него на пути плывущих дальше на расстоянии 1800 стадий (стадий соответствует пр. 0,2 км.- М. А.) направо находится Береника (в наст. время в развалинах- М. А.). Гавани обоих мест лежат на внешней стороне (юго-восточного) Египта по Эритрейскому морю» [Псевдоарриан, 1940, с. 264].

Большой интерес вызывает описание довольно оживленного порта Адулис (в Эфиопии), являющегося отправной точкой сбыта слоновой кости, торговля которой была налажена еще во времена египетских фараонов, а в анализируемое время распространенное по всему древнему миру: «На самом материке у Орейны, на расстоянии 20 стадий от моря, лежит Адулис, довольно обширное местечко, от которого в трех днях пути вглубь материка находится город Колоэ (в Аксуме- М.А.), главнейший пункт торговли слоновой костью. От этого города до столицы так наз. авксумитов лежит дальнейший путь в пять дней. Сюда через так наз. Киенион свозится вся слоновая кость с той стороны Нила, и отсюда уже идет в Адулис. Вся масса убиваемых слонов и носорогов водится в расположенных внутри материка местах, и разве только изредка они показываются на морском побережье в окрестностях Адулиса» [Псевдоарриан, 1940, с. 265].

Огромный ассортимент товаров, привозимых в царство Зоскалеса (совр. Сомали) из всего мира также говорит о наличии оживленной торговли в восточной Африке: «В эти места привозят грубые неваляные гиматии (верхняя одежда) для варваров, выделяемые в Египте, арсиноитские столы (накидки-безрукавки), поддельные окрашенные аболлы (мантилии), подрубленное с двух сторон полотно, много видов подделок из прозрачного стекла (стеклянные бусы - М.А.) и другие мурриновые сосуды, изготавливаемые в Диосполисе (прежние Фивы- М. А.), латунь, который пользуется для украшения и - в виде брусков - вместо монеты, полосы бледножелтой меди, которая идет для литья или режется на ручные и ножные браслеты для некоторых женщин, железо, которое используют на копья против слонов и других диких животных, а также и против врагов. Кроме того сюда привозят топоры, секиры, ножи, большие круглые медные чаши, немного (римских) динариев для живущих тут иностранцев, немного лаодикейского (сирийский город- М.А.) и италийского

вина, немного оливкового масла. А для царя привозят серебряные и золотые сосуды, сделанные в местном стиле, и из верхних одежд аболлы и простые «кавнаки» (персидские шубы), тоже не очень дорогие. Равным образом, из внутренних мест Ариаки (из передней Индии) привозятся индийское железо и сталь и индийская хлопчатобумажная ткань, именно более широкая, называемая молохина, и сагмагена, пояса, (персидские) шубы, немного молохиновых синдонов (белая материя для платьев - М.А.) (муслин) и окрашенная лаком материя. Из этих мест вывозятся слоновая кость, черепаха и кость носорогов» [Псевдоарриан, 1940, с. 266].

Согласно этому сочинению южнее современного Сомали находилась страна Азания, где находился последний торговый пункт, торгующий слоновой костью и черепахой, а самое интересное «в окрестностях жили разбойники огромного роста», что может косвенно указать на достаточно оживленную торговлю в этом краю земли [Там же, с. 269].

Описание южного морского (еще неисследованного) направления говорит о том, что уже в первом веке н. э. моряки сделали предположение о соединении Индийского океана с Атлантическим: «Это, можно сказать, последние торговые места Азании направо (к югу) от Береники по этому берегу; далее за этими местами простирающийся Океан не исследован; он погибает на запад и, простираясь вдоль отдаленных частей Эфиопии, Ливии (?) и Африки по направлению к югу, соединяется с Гесперийским (Атлантическим) морем» [Там же, с. 269].

В описании товаров, доставляемых в порт в устьях реки Инд уже упоминается среди множества товаров шелк как «серские ткани»: «Суда пристают и останавливаются у Барбарикона, но все товары перевозятся по реке в столицу к царю. В этот торговый

пункт привозят в достаточном количестве простую одежду, немного поддельной ткани с пестрой расцветкой, хризолиты, кораллы, стиракс, ладан и стеклянные сосуды, серебряные и золотые вещи и немного вина. Обменным товаром служат кост (ароматный корень- М.А.), бделла, ликион, нардовое масло, каллеанийский (драгоценный) камень, сапфир и серские (другое чтение: сирийские) шкуры, хлопчатая бумага, серские ткани (шелковые ткани - М.А.) и индиго» [Там же, с. 275].

Далее в данном сочинении идет интересное и важное описание морского маршрута (перипла) вдоль всего Индостанского полуострова с запада на восток (хотя сам автор не был в этих местах и, согласно исследованиям, описал их со слов других), с охватом острова Шри-Ланки и до устья реки Ганг (откуда был проложен сухопутный маршрут через Бирму в Южный Китай), поэтому приведем их полностью: «У следующей области там, где морской путь поворачивает на восток, в море, прямо на запад простирается остров, называющийся Палайсимунду (Цейлон-М.А.), у самих же местных жителей он называется Тапробана. Чтобы приплыть к его северной стороне, нужен дневной переезд, а его южная часть уходит все дальше на запад и почти достигает лежащей против него Азании. Здесь имеется: морской шелк (?), прозрачные камни, синдоны и черепаха.

В этих же местах, простираясь далеко вдоль по материку, лежит земля Мансолия (Масалия) (совр. Мадрас – М. А.); в ней производится в большом количестве синдоны (белая материя-М.А.).

Если от этого места плыть на восток через находящийся здесь залив, то за ним следует область Досарена (совр. Орисса –М. А.), которая доставляет так наз. досаренскую слоновую кость; за ней, там, где морской путь поворачивает на север, находится много

варварских племен: в их числе-киррады, племя диких людей с приплюснутыми носами, и еще племя баргисов и племя гиппросопов («с лошадиным лицом»), или макропросопов (длиннолицые), о которых говорят, что они людоеды.

Если отсюда плыть на восток, имея Океан справа, а остальные части (материка) на левой стороне, и идти открытым морем, то попадешь к реке Гангу и лежащий около него, самой крайней на востоке, земле к реке Хресе («Золотая»). Это и есть река, называемая Гангом, самая большая из рек Индии, имеющая такие же разливы и спадения воды, как и Нил. На ней лежит одноименный с рекой торговый порт Ганг, через который вывозится малабатр, гангетийский нард, морской шелк и великолепнейшие так наз. гангетийские синдоны. Говорят, что в этих местах есть золотые россыпи и монета из золота, так наз. кальтис. Вблизи самой реки есть остров в Океане, крайняя часть населенной людьми земли к востоку, подходящая к тому месту, где восходит солнце; эта так наз. Хресе («Золотая»); здесь из всех мест по Эритрейскому морю самая лучшая черепаха.

За этой страной, уже совсем на севере, где крайнее море соприкасается с неким местом страны серов, у них внутри страны находится очень большой город, называемый Тины (возможно от «люди Цинь», аналог «люди Хань»- М. А.). Из него через Бактрию доставляются сухим путем в Баригазы (порт недалеко от р. Инд-М.А.), а также через Ганг в Ламирику – серская шерсть, пряжа и хлопок. Проникнуть в эту область (в Тины) нелегко: из нее изредка приходят отдельные (купцы). Это место лежит под самой «Малой Медведицей», и говорят, что оно граничит с самыми отдаленными (восточными) частями Понта (Эвксинского) (Черного моря-М.А.) и Каспийского моря, рядом с которым лежит Меотийское озеро (Азовское море- М.А.), которое вместе с Каспийским морем впадает в Океан» [Там же, с. 280-281].

Следующее сочинение: «Путь от сирийского Гиераполя в г. Серу (столицу Серики)», освоенный группой македонских купцов из купеческого дома Мая Тициана, записанный географом Маринусом Тирским и позднее почерпнутый известным римским географом Птолемеем (Клавдием) примерно в конце II в. н.э., также дошел до нас. Общеизвестно, что со времен восточного похода А. Македонского в античной среде появились различные и более подробные сведения об отдаленных народах и странах - Согдианы и Бактрии, но данное «Географическое руководство» Птолемея охватывает весь сухопутный (центральный и южный) маршрут шелкового пути.

Однако описание средней участки (территория современного Таджикистана) данного пути остается дискуссионным, привлекая внимание ученых к этой проблематике более ста лет. «Птолемей вслед за Марином делит весь путь на две части: от переправы через Евфрат у Гиераполя до Каменной Башны (совр. Ташкуртан, Китай - М.А.), и от Каменной Башны до Серы. И Птолемей и Марин используют данные о расстояниях на этом пути для определения длины ойкумены по Родосской параллели. По Марину, расстояние от переправы через Евфрат до Каменной Башны составляет 876 схенов (схен равен пр. 6 км.- М. А.) или 26 280 стадиев (стадий равен пр. 0,2 км.- М. А.), а расстояние от Каменной Башны до Серы, которое можно преодолеть за семь месяцев, равной 36 200 стадиям (пр. 7 200 км.- М. А.) » [Пьянков, 1988, с.212-213]. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко «описанный Птолемеем путь делился на три больших отрезка: от переправы через Евфрат до Бактры (Балх); затем до Каменной башни; далее до Серы (Чанъань)» [Лубо-Лесниченко, 1985, с.90]. Далее Птолемей подробно описывает дорогу от Гиерополя до Бактры: «Действительно, можно допустить, что дорога от переправы через Евфрат у Гиераполя через Месопотамию к Тигру и оттуда через [область] гарамеев Ассирии и Мидии в Экбатаны, к Каспийским

воротам и через Парфию и Гекатомпил примерно совпадает с Родосской параллелью; ведь ее и согласно ему [Марину] следует проводить через названные области. Путь же в город Гиркания от Гекатомпила должен отклониться на север, поскольку город Гиркания лежит где-то между параллелями Смирны и Геллеспонта, так как параллель Смирны проходит под самой Гирканской областью, параллель же Геллеспонта – через южные части Гирканского моря, которые находятся немного севернее одноименного города. И опять, дорога отсюда в Маргианскую Антиохию через Арию сначала отклоняется к югу, поскольку Ария лежит на одной параллели с Каспийскими воротами, затем к северу, поскольку Антиохия расположена около параллели Геллеспонта. От нее дорога на Бактры тянется к востоку...» [цит. по Пьянков, 1988, с.212-213].

Именно маршрут этого участка торговой дороги от Бактры до Каменной Башни со стоянкой торговцев, описан Птолемеем: «Из Бактры [дорога] поворачивает на север до подъема в горную страну комедов. Пересекши эти горы, [дорога] поворачивает на юг до ущелья, выходящего в долину. Северная часть и Западная оконечность этой горной страны находятся [согласно Маринусу] на параллели Византия, тогда как южная и восточная – на параллели Геллеспонта. Следует еще сказать, что эта дорога делает к востоку такой же точно поворот, какой она делает к югу. Вероятно также, что эта дорога длиной в 50 схойнов, ведущая от этого места до Каменной башни, делает поворот к северу; ибо [по Маринусу] если идти по ущелью, то достигнешь Каменной башни, где начинаются горы, соединяющиеся на востоке с Имавом» [цит. по Лубо-Лесниченко, 1985, с.90], продолжается дискутироваться среди исследователей.

Этот исследователь описывает всю историю данной научной дискуссии: «Неопределенность координат и расстояний, приведенных у Птолемея, затрудняет определение

местонахождения Каменной башни и Герметиона (стоянка или постоянный двор торговцев – М. А.) близ нее, основных перевалочных пунктов для западных купцов, шедших с караванами в Серу. Говоря о Герметине, Птолемей уточняет, что тот находится в Скифии, вне Имава, рядом со страной Каса. Специальная литература характеризует три основных бытовавших варианта шелкового пути: северный, средний (Каратегинский) и южный. На начальном этапе изучения проблемы (в первой половине XIX в.) Каменную башню помещали в ташкенте или Оше. Странники первой точки зрения (Ж. Аже, М. Рено, В. Сен-Мартен и др.) опирались на этимологию слово Ташкент («Каменная крепость»), а также на данные в книге Бируни «Индия». Э. Уилфорд, К. Риттер, А. Гумбольдт и К. Лассен отождествляли Каменную башню со священной горой Тахти- Сулейман в окрестностях Оша. Согласно этой теории, дорога, описанная Птолемеем, вела из Бактры в Самарканд и через Ташкент (или Ош) в Кашгар.

Когда к 1860 –м годам эта точка зрения была отвергнута, на смену ей пришли теории о южном и среднем вариантах. Странники первого (Х. Юль в поздних работах, Х. Роулинсон, Ж. Пакье, В. Томашек, Й. Маркварт и А. Стейн в первых работах) помещали Каменную башню у Ташкурмана; у них птолемеев путь шел через Вахан и Ташкурман к Яркенду. В 1870 –е годы К. Рихтгофен развил точку зрения, высказанную Х. Юлем в ранних работах: указанный путь из Балха вел на север, через Аму-дарью близ Термеза, по долине Сурхан-Дарьи, вдоль Вахша через Каратегин и Алайскую долину в Кашгар. Каратегинский вариант был поддержан исследованиями Н. Северцова, М. Гренара и поздними работами А. Стейна. После новых и детальных изысканий А. Херрманна эта точка зрения стала господствующей. Поддержкой каратегинскому варианту послужили сведения Ибн-Руств в «Книге драгоценных ожерелий» (нач. X в.), где он упоминает область Кумед в верховьях Вахша, которую

отождествляли с «горной страной комедов» Птолемея» [Лубо-Лесниченко, 1985, с.91]

В пользу этого (каратегинского) маршрута высказался также известный российский специалист по античным источникам И.В. Пьянков, который пишет: «Ущелье комедов, по которому в северо-восточном направлении идет дорога до Каменной башни длиной в 50 схинов, протянулось между 130° (39°) (41°- по Марину) и 135° (43°). Это ущелье и дорога отождествлялись с различными современными топонимами в зависимости от него, как накладывалось изображение рассматриваемого участка пути Птолемеевой карту на современную карту. Наиболее убедительным, на наш взгляд, является отождествление ущелья комедов с Каратегином» [Пьянков, 1988, с.218].

Однако последняя точка в этой научной дискуссии еще не поставлена, так как японский исследователь К. Сиратори отверг каратегинский вариант и вернулся южному. «Важным аргументом явилось выяснение местонахождения Комеда, через который шла дорога к Каменной башне и области Каса с Герметионом. Сиратори доказал, что на Памире существовали две области с названием Комед: одна находилась в районе дарваза, вторая- в Ваханской долине; название дарвазского Комеда появилось лишь в VII в., слово Комед в Ваханской долине восходит к первым векам н.э., когда составлялось «Географическое руководство». Далее. На основании «Описаний Западных земель» Сюаньцзяна (VII в.) утверждалось, что Каса находилась в районе Кашгара. Сравнительное изучение исторических текстов и ранних буддийских сутр позволило Сиратори показать, что название Каса у Кашгара появилось только в VI веке. Данные же, содержащиеся в сочинениях Сунь Яна (IV в.) Дао Аня (IV в.) и других буддийских паломников, подтверждают, что с начала II в.н.э. и до первой половины V в. район Ташкуртан носил название Каса по имени правившей там династии, следовательно, там же находились Герметион и Каменная башня» [Лубо-Лесниченко, 1985, с.92].

Этот исследователь более тяготеет к южному (ваханскому) маршруту: «Объективными свидетельствами в пользу южного варианта служат археологические находки последнего времени. Раскопки в Нии (юго-восток Таримского бассейна- М. А.) от I-II вв. н.э. подтверждают роль Хотана как основного перевалочного пункта из Восточного Туркестана в Бактрию и Индию. Существенное место среди находок занимают предметы торговли: вывозившиеся на запад шелковые ткани и привозившиеся оттуда шерстяные ковры и гобелены, узорные и набивные хлопчатобумажные ткани, стеклянные изделия. Тексты на алфавите «кхарошти» гласят, что торговля шелком играла значительную роль в экономике оазиса, упоминают о провозе туда шелка купцами из Китая и о том, что шелк широко употреблялся местным населением» [Лубо-Лесниченко, 1985, с.92].

Российский (советский) исследователь Зелинский А.Н. в своей статье «Древние пути Памира» не только не присоединился к одному из этих двух дискутируемых гипотез о путях прохождения древнего торгового пути по Памиру (ваханский или каратегинский варианты), но развивая дискуссию, предложил свою (шугнанскую) версию. Автор, анализируя слабые и сильные стороны обеих версий, переходит к рассмотрению третьей версии: «Остановимся на том из них, который мог проходить непосредственно через Центральный Памир, связывая Ташкуртан с Балхом самым прямым маршрутом. Первым исследователем Памира, указавшим на существование такого пути, был французский исследователь Пакье, отождествивший этот маршрут с путем Птолемея. Эту же мысль, хотя и недостаточно четко, высказал еще Риттер, отмечавший, что кратчайший путь между Бадахшаном и Яркендом идет не обходом по северному верховью Аму-Дарьи-р. Болор (Памир) через Вахан, а прямо, через самые путынные горы в Бадахшан. Впоследствии эта мысль никем из исследователей Памира не была развита, и только современный писатель, путешественник и исследователь

Припамирья А.В. Станишевский писал о существовании древнего торгового маршрута через Памир по линии Мургаб-Аличур- Гунтоз. Шива (за левой (афганской) стороне от Пянджа недалеко от Хорога- М.А.). Вообще ландшафт Восточного Памира с его системой плоскогорий, лежащих на огромной абсолютной высоте (до 4 тыс. м над уровнем моря), и сравнительно невысоких хребтов, с его широкими и пологими речными долинами, связанными между собой удобными перевалами, не может представлять препятствие не только для вьючного, но даже и автомобильного движения. Что касается вьючного движения, то Восточный Памир имеет свои неоспоримые преимущества, связанные с обилием великолепных горных пастбищ» [Зелинский, 1964, с.109].

Здесь необходимо подчеркнуть о важности наличия достаточного запаса корма для вьючных животных в середине торгового пути (от Сиана до Дамаска), расположенного в Памирском нагорье, когда относительно уставшим животным необходимо усиленное питание для восстановления сил для прохождения одного из самых тяжелых участков дороги. О важности наличия пастбищ с сочными травами подчеркнул известный средневековый путешественник Марко Поло, посетивший эти места примерно тысячи двести лет после Маринуса Тирского, который писал: «Лучшие в свете пастбища тут и худая скотина расжиреет здесь в 10 дней. Диких зверей тут много множество. Много тут больших диких баранов (баранов Марко Поло-М.А.)» [Марко Поло, гл. L, 1997, с. 8]. Если сочные трава способствовали восстановлению сил вьючных животных торговых караванов, то обилия дичи могли восполнить продуктовые запасы самих участников караванов.

Далее российский исследователь подробно описывает шугнанский маршрут: «Через долину Сарыкола Ташкурган связан с верховьями р. Аксу множеством удобных перевалов (один из них перевал Кульма- М.А.) В свою очередь широкая долина этой реки через впадину Мургаба и соседние долины связана с долиной Аличур. Надо полагать, что район Кызылрабата в верховьях Аксу с давних пор служил пунктом, где сходились и расходились пути из Вахана, Сарыкола и Восточного Памира. Путь из долины Аличура шел мимо оз. Яшилькуль к верховьям Гунта, т. е. к Шугнану. На этом отрезке он видимому, не совпадал с современным автомобильным путем из Хорога в Мургаб через перевал Кой-Тезек, который делает большой крюк по притоку Гунта- р. Тогусбулак. Древний маршрут из долины Аличура в долину Гунта был, очевидно, значительно короче современного и, хотя представлял большие трудности, был вполне проходим для выючного движения. Это обстоятельство заметил еще Стейн, отмечавший, что в зимние месяцы используется Яшилькульская дорога, которая частично идет по льду озера.

Говоря о пути по Гунту, следует подчеркнуть, что за оз. Яшилькуль ландшафт Памира резко меняется. Восточно-Памирские плоскогорья кончаются и начинается Западный Памир с его системой глубоко врезанных ущелий и узких долин, где бурные горные реки- Бартанг, Гунт и Шахдара –несут свои воды на запад к Пянджу. Здесь выбор путей крайне ограничен. Бартанг совершенно непроходим для выючного движения, Шахдара проходима ограниченное время года, и только долина Гунта представляет оптимальные условия для такого сообщения. Дорога вниз по Гунту от селения Ванкала и до впадения в Пяндж у Хорога совпадает автомобильным трактом. Она, несомненно, была пригодна в старину для выючного движения, иначе там не было бы многочисленных развалин древних укреплений. Стейн отмечал, что по дороге вдоль Гунта часто следовали путешественники и войска.

Но он недостаточно подчеркнул стратегическое значение шугнанского маршрута, так как на карте древних путей Памира предложенный им маршрут вдоль Гунта упирался в Пяндж за Хорогом и затем поворачивал на юг верх по Пянджу к Ишкашиму, соединяясь там с дорогой по Вахану. В такой интерпретации Шугнанский путь имел только ограниченное вторичное значение. Однако древний маршрут вниз по Гунту не оканчивался Пянджем, а пересекал его в районе Хорога и через столицу Афганского Шугнана, Калаи-бар-Пяндж (замок над Пянджем.- А.З.), по р. Вачерв, через оз. Шива, окруженное великолепными горными пастбищами, шел к Файзабаду и далее к Балху» [Зелинский, 1964, с.109-110].

А маршрут Мая Тициана с запада на восток после Ташкуртана проходит по южному маршруту шелкового пути (по склонам Куньлунского хребта) далее по Ганьсуйскому коридару во внутренний Китай. Однако, как подчеркивает И.В. Пьянков «не вполне ясно даже, где находился конечный пункт пути, Сера-столица: в Ланчжоу, крупном торговом центре в верховьях Хуанхэ, или в столицах империи Хань-Сиане или Лояне» [Пьянков, 1988, с.222].

Таким образом, можно предположить, что уже в самом начале своего функционирования шелковый путь обратил к себе внимания купцов всего древнего мира, расположенных как в близком расстоянии от Китая, так и более отдаленные как Македония, Египет и т.д. Ярким свидетельством этой мысли выступают две выше рассмотренные сочинения античности.

Тем временем, новый виток жесткого противостояния Рима с Аршакидами, на этот раз за контроль шелкового пути, получил при императоре Траяне (96- 117 гг.). Он, завоевав Дакию (бассейн нижнего Дуная), усилив римскую власть в Боспорском царстве (на северном участке шелкового пути), обезопасил Египет и Сирию с

юго-запада (на южной морской части шелкового пути). Усилив тыли он стал тщательно готовиться к нанесению удара по центральному маршруту шелкового пути, проходящий вдоль столицы Парфии- Ктесифона в Армению и Сирию.

Только к 113 году он завершил подготовительные мероприятия по вторжению на Парфию, контролировавший центральный маршрут поступления ценнейшего и остро востребованного для знати материала - шелка, поступающего из Ханьского Китая. За два года императору удается, отеснив парфян, к 115 году создать новые провинции- Армения и Месопотамия. а 116 г. провинции. Ассирия, когда римские легионы входят в город Ктесифон и другого крупнейшего города страны- Селевкию на Тигре. В конце военной кампании армия Траяна выходит к Персидскому заливу, в портах которого начинают строить корабли для установления прямых торговых сообщений в Кушаншахами по доставке шелка и других товаров. Тогда Римская империя достигла своего наибольшего территориального расширения, однако их политика вмешательство во внутренние дела самоуправляющихся городов и царств, имевших автономию при Аршакидов и прямой грабеж населения этих стран и областей стала причиной мощных восстаний с их стороны. Восстание в Северной Месопотамии охватило Иудею, северный Египет, Кирениаку, остров Кипр и других областей, когда восставшие против римской провинциальной администрации разгромили их гарнизоны и овладевали городами. Острая необходимость подавления очагов восстания привела к значительному выделению войск с восточной армии Траяна, что в свою очередь, повлияла на ее боеспособность в борьбе с новыми парфянскими армиями. Только смерть императора в Киликии, направляющего в Рим за набор новой армии (117 г.), отодвинул римлян на запад.

Новый император Адриан (117-138 гг.) при продолжении волнений в разных концах империи предпочел установления мира все еще грозным противником, согласно которого граница между ними проходила по реке Евфрат и римляне возвратили знатных парфян из плена (включая членов шахской семьи). Император предостерегает их от вторжении в Армению. Именно с правлением этого императора Рим постепенно переходит с наступательной политики на стратегию обороны по всему периметру огромной империи, символом которого является Адрианов вал в Британии.

Традиционный спор между двумя империями древности за Армению, включая контроль за торговый путь через него, возобновился после смерти императора Антонина Пия (138-161 гг.). Аршакидский шах Вологез III, узнав о смерти императора и наследовании им двух императоров (принцепсов) вторгается в Армению, так как предполагает, что между ними начнется междоусобная война. Римский наместник Каппадокии (область в Малой Азии) выступает против них, чтобы вытеснить их. Однако в 162 г. при городе Элегии на верхнем Евфрате попадает в окружение и погибает вместе со своей армией. Аршакиды, переходя Евфрат, вторгаются в Сирию. Чтобы оттеснить парфян обратно за левый берег Евфрата римляне концентрируют на восток своей империи многочисленные легионы их всех своих областей.

Вторжение римских легионов императора Септимия Севера (193-211 гг.) в Парфию произошло после завершения гражданской войны и сосредоточение крупной армии на востоке империи (198 г.), которое сломив упорное сопротивление аршакидских войск овладели и разграбили Селевкия, столицу государства и другие города. По заключению мира, спорная территория с городами Нисибис, Амида, Дурос-Европос, где концентрировалась приграничная торговля шелком, перешли к Риму.

Его противостояние с Парфией продолжил его сын и преемник император Каракалла (211-217 гг.), в 216 году предложил аршакидскому шаху мир и дружбу, но вероломно напал на них и перебил многих парфянской знати. Вторгавший в Ассирию, император разгромил город Арбелы, включая гробницы аршакидских шахов, погребенных в нем. Затем отступил в Сирию для подготовки нового похода в Парфию, во время которого был убит заговорщиками из своего окружения.

Во время правления императора Александра Севера (222-235 гг.) на восточной границе империи произошли серьезные изменения, так как Ардашир Папакан из династии Сасанидов, шах страны Персии, нанеся сокрушительное поражение аршакидскому шахиншаху, на месте Парфии создал мощное государство- державу Сасанидов. Завершив объединения всего Ирана и близлежащих земель, шахиншах нового государства отправил посольство в Рим с требованием возвращения всех земель, некогда входивших в состав Ахеменидской империи. Другими словами, новое иранское государство выступило с претензией во все восточно-средиземноморские провинции Рима, что предопределило новый виток соперничества между ними.

В самой западной империи древности также наступают политический кризис, так как начинается эпоха "солдатских" императоров, когда римские легионы, разбросанные по всей империи выдвигали своих полководцев в императора. Один из этих императоров Валериан (253-260 гг.) во время похода на Восток против нового более мощного соседа Сасанидов, был окружен со своей армией и пленен шахиншахом Ирана Шапуром II.

В это время готские племена, двигавшие с бассейна Балтики к северным берегам Черного моря, создав свое обширное государство, открывают новую страницу - период Великого переселению народов.

2.2. Состояние Шелкового пути в период Великого переселения народов (сер. III в.- сер. VII в.)

Главной особенностью данного этапа в истории шелкового пути было то, что этот путь во всей своей протяженности с северной стороны получал чувствительные удары и натиск от различных европейских и азиатских кочевых племен. Под ударами этих кочевых племен ушли в небытие мощные империи древности Рим и Кушаншахи, преемниками которых на политико-исторической арене выступили Византия и Сасанидский Иран. Эти империи не только были заняты отпором глубоким рейдам и набегам кочевых племен с северной стороны от маршрутов шелкового пути, но на южной стороне этого пути они продолжали конкурентную борьбу между собой за контроль над его маршрутами и приобщением к культуре прорвавшихся кочевников. Северный Китай также страдал под чужеземным правлением кочевых племен Великой степи, одновременно оказывая культурное воздействие на них.

Во второй половине III века в условиях политического кризиса в Римской империи, смены династии в Иране и переориентации новой иранской династии от завоеванной ими Аршакидов к Кушаншхам и политической раздробленности древнего Китая активизировались германские и готские племена. Они, "выходя из Скандзы", продвинулись с бассейна Балтийского моря на юг к северным берегам Черного моря, выступающие как северо-западной конечностью сухопутного шелкового пути.

Большинство историков считают Маркоманских войн (166-180 гг.) началом долгой эпохи Великого переселения народов. В этой войне германские племена маркоманов и квадов в союзе с иранскими племенами аланов, проживавших вдоль границ Римской империи, вторгаются через приграничные земли империи и ведут упорные войны с его легионами.

Это масштабное передвижение европейских и азиатских племен в Великой степи, от восточных монгольских степей до венгерской пушты, спровоцировав эффект «снежного кома», поэтапно «выбрасывало» различные племена или групп племен в «лоно» империй, аккуратно расположенных на южной стороне от основных маршрутов шелкового пути. Некоторые из них (империй) были в состоянии «переваривать» новых племен и этносов, а другие, включая более мощных, надломились и погибали под напором этих «бросков». Хотя в Маркоманских войнах победило римское оружие, то это вторжение маркоманов и их союзников через римский «лимес» был прелюдией этого колоссального передвижения племен и народов античности. Доселе неизвестные античным историкам племена готов и гуннов, в основном, выступили не только катализатором кардинального изменения этнического ландшафта Западной (Римской) империи, но и его погибели. Другими словами, шелковый путь не только перетерпел изменения маршрутов своего движения с Востока на Запад и обратно под натиском волн Великого переселения народов, но и потерял западный (морской) отрезок своего маршрута, когда Константинополь выступил заменой Рима в его западной конечности.

На наш взгляд, с выходом готов к Боспорскому царству, расположенного в самой северо-западной сухопутной оконечности шелкового пути, пожалуй, начинается новый период в истории этой международной торговой дороги.

Теперь рассмотрим движения готских и гуннских продвижений к и вдоль Великого шелкового пути.

Как пишет античный автор Иордан,- «Это самое море (Балтийское море- М. А.) с арктической, т.е. северной, стороны имеет обширный остров по названию Скандза (Скандинавский

полуостров- М.А.). С него-то и надлежит нам, с божьей помощью, повести нашу речь, потому что, то племя, о происхождении которого ты с нетерпением хочешь узнать, пришло на европейскую землю, вырвавшись подобно пчелиному рою» [Иордан, 2001, с. 62.].

Образ «пчелиного роя», описанный этим античным историком о готских вторжениях использовал и другой античный автор Иероним о вторжениях гуннов- «от крайних мезотийских (азовских – М.А.) рубежах... вырвались рои (examina) гуннов, которые летя здесь и там на быстрых конях, наполнили все места убийством и ужасом» [цит. по Иордан, 2001, с. 80], красочно описывает как эти вторжения доселе неизвестных народов запечатлелись в умах античных авторов.

Выдвижение готских племен с севера на юг, ближе к ареалу функционирования шелкового пути, произвел "эффект снежного кома", что привело Великую степь в большое движение, от давления которого не мог удержать римский "лимес", все еще справляющий отражением натиска варваров.

Сами готы, разгромив некоторые города Босфорского царства и установив над ним свой протекторат, стали использовать суда его портовых городов в своих многочисленных набегах в различные территории Римской империи.

Создав свое кочевое государство (250-251 гг.) с центром в Херсонесе Таврическом (Крым- М. А.), они начали набеги на балканские провинции Римской империи. Тогдашний император Деций (249-251 гг.) в упорной борьбе против готов и их союзников, действовавший в Мезии и Фракии погиб вместе со своим сыном. А готы продолжали свои набеги в придунайские провинции империи. Создание Готской державы, охватывающее пространство от Балтийского до Черного морей, привело в движению германских,

славянских и сармато-аланских племен. Франки и алеманы, как и другие германские племена, попавших между Римской империей и Готской державой, переходя Рейн, вторглись в Галлию, доходя до Испании. Североафриканские провинции также оказались объектом набегов различных местных кочевых племен.

В тяжелое время империи, когда Рим оборонялся от вторжений различных кочевых племен, с востока в Месопотамию вторгся могущественный сасанидский шах Шапур II, который громя местные римские легионы, овладел многими городами восточных провинций империи. Шапуру II удалось близ г. Эдессы (столицы царства Осроены) окружить и разгромить римскую армию и взять в плен самого императора Валериана (260 г.). Данное обстоятельство (пленение самого императора), углубило политический кризис в империи, так как власть его сына Галлиена признавалась только в Италии, куда вторглись алеманы, а в других провинциях амбициозные военачальники провозгласили себя императорами.

Свидетельством того, что Римская империя как политическое целое в данное время не существовало, выступает кратковременное возвышение царя Пальмиры Одената. Пальмира, античный торговый город на севере Сирии и римская колония, разбогатившаяся благодаря стратегическому местонахождению вдоль шелкового пути была кровно заинтересована в сохранении мира и стабильности торговых путей в Сирии и поэтому выступила против армии Сасанидского шаха и разбила ее. Она на время установила свой контроль над всеми восточными провинциями Римской империи.

Этот город-государство еще известен тем, что там уже в II веке был разработан таможенный тариф, сохраненный по сей день. По мнению известного византиста: «Древнейшим памятником торговых сношений с Востоком может быть назван Пальмирский таможенный тариф от 137 г. христианской эры. Этот акт издан сенатом города Пальмира в предупреждение споров, возникавших

между купцами и таможенным ведомством по вопросу о пошлине с товаров, облагаемых иногда не по закону, а по старому обычаю. Тариф изложен на двух языках, греческом и арамейском. В настоящее время он перевезен в Россию и находится в Эрмитаже. Пальмира находилась на главной дороге из Византии в Персию, именно в Дамаск. Здесь верблюжьи караваны разгружались, и с товаров, ввозимых в империю, взималась пошлина. Между статьями ввоза упоминается шелковый ткани, окрашенные в пурпуровую краску, рабы, благовонные масла в сосудах и в мехах, вино, хлеб и т.д. » [Успенский, 1999, с.339]. Этот перечень товаров дополняется сообщением другого (западного) исследователя: «Длинная надпись, известная как Пальмирский тариф и датированная 137 г. н. э., содержит перечисление городских налогов на ввозимые товары. Главной единицей измерения является поклажа верблюда. Груз одной повозки считается равным грузу, перевозимому четырьмя верблюдами, а поклажа осла составляет половину верблюжьей. Рабы, сухофрукты, пурпур, благовония (тщательно различаемые), оливковое масло, жир, животные и шкуры, соль, пищевые продукты, сосновые шишки и бронзовые статуи фигурируют в качестве объектов торговли » [Малькольм Колледж, 2004, с. 78.].

Другими словами, история Пальмиры интересна с точки зрения изучения истории шелкового пути. Это некогда буферное небольшое царство (между Римом и Парфией), а позднее торговая колония Римской империи, усилившееся благодаря своему удачному транзитному местонахождению и особенно, продажей шелка, могло не только разработать таможенные правила внешней торговли, но и самостоятельно отразить вторжение крупной державы. Активную социальную роли местных купцов отмечает исследователь: «Подробности работы купцов-караванщиков иллюстрирует надписи из Пальмиры. Типичным примером может служить одна, помещенная под почетным скульптурным

изображением. Она звучит так “Эта статуя Таймарсу, сына Тайма, начальника каравана. Ее поставили караванщики, которые шли с ним из Харакса (портовый город в Персидском заливе- М. А.), потому что он дал им долг 300 золотых динариев в старом весе... в месяц нисан, 504 года” (апрель 193 г.н. э.). Таймарсу, как и многие другие, способствовал развитию торговли, давая деньги взаймы и обеспечивая охрану караванов и купцов, даже лично возглавляя караваны. Чиновник из Дура (г. Дура-Европос на Евфрате –М. А.), занимавший должность арабарха, должен был также отвечать за наведение порядка в пустыне и защиту торговцев» [Малькольм Колледж, 2004, с. 77-78.].

Этот торговый город-государство позднее, безмерно разбогатев, решил бросить вызов самой метрополии. Это произошло уже во время правления супруги Одената царицы Зенобия, значительно расширившая пределы своего государства и даже мечтавшая подчинить себе сам Рим. При ней Пальмира достигла апогея своего благосостояния, которое, однако, продолжалось лишь короткое время. Император Аврелиан взялся сломать непокорность гордой царицы, и в 273 г. принудил Пальмиру сдаться. Город подвергся опустошению, а его владения стали провинцией Римской империи.

А тем временем, готы, возмутители спокойствия, построив внушительный морской флот, состоящий из "более 2000 больших гребных судов", стали грабить береговые населенные пункты Черного моря. Они, прорвавшись через проливы, выходили на бассейн Эгейского моря, доходили до острова Кипр. Тем самым они серьезно расстроили как сухопутную, так и морскую международную торговлю в бассейнах Черного и Эгейского морей, что послужило, в конечном счете, к смене власти в Риме.

«Дав свою волю буйству, -пишет античный автор, -Респа, Ведук и Тарвар, предводители готов, взяли корабли и, переправившись через пролив Геллеспонтский, перешли Азию, в той провинции они разграбили много городов» [Иордан, 2001, с.82]. По сообщению другого автора (Зосима) грабительские рейды готов захватили также и западные провинции, в греческие города Коринф, Спарта, Аргос и даже Афины [цит. по Иордан, 2001, с. 258].

Несмотря на успешную войну с варварами императоров Клавдия II (268-270 гг.) получившего титул "Готский" и его преемника Аврелиана (270-275 гг.), получившего почетное прозвище "Устроитель мира", когда первый разгромил готов близ города Наисса (Ниша), а второй отбросил алеманов за Альпийских гор, империя, в конечном счете, не устояла перед бесконечными вторжениями кочевых племен и надломилась [История Древнего Рима, 1971, с. ?].

Бесконечная борьба с варварами, а также мятежными провинциями, заставила одного из известнейших императоров поздней Римской империи Диоклетиана (284-304 гг.), выбравшего своей резиденцией малоазийского города Никомедии (ближе к беспокойному Дунаю), назначить своего соправителя (Максимиана) на Западе, выбравшего в качестве своей резиденции город Медиолан (совр. Милан) [История Древнего Рима, 1971, с. ?]. Это обстоятельство стало впоследствии началом процесса к фактическому разделению империи на две части.

Императору Диоклетиану пришлось не только умирять варваров, но и упорядочить торговли шелком с Ираном. Как сообщает Н.Е. Пигулевская– «на посреднической торговле шелком персы получали большие доходы. Для империи получение этого товара из их рук приводило к экономической зависимости. К

необходимости подчиняться назначаемым на него ценам. А Иран пользовался этой возможностью, повышал цены на шелк-сырец, который подвергался обработке в византийских мастерских, тем самым вынуждая повышать цену и на изделия. Византия, со своей стороны, стремилась установить определенные цены и взимать соответственные города, в которых и находились таможи. В договоре, заключенном между императором Диоклетианом и шахиншахом Нарсесом в 297 г., местом торгового обмена назначалась Нисибия, «город, лежащий на Тигре». По сообщению Петра Патрикия, именно этот пункт вызвал более всего возражений со стороны шаха, и только настойчивость посла Сикория заставила его согласиться и на это. Его возражения можно отнести за счет нежелательного стеснения персидской торговли. В последней большая доля приходилась на шелк» [Пигулевская, 1947, с.187].

Дороговизна шелка во времена правления этого императора подчеркивает российский исследователь: «Самая богатая страна по особенно дорогим товарам была, вместе с тем, и самая отдаленная. От Китая, с отдаленных времен знаменитого по секрету производства шелка, до Средиземного моря торговые караваны употребляли до 8 месяцев в пути. Это так поднимало цену восточного товара в Европе, что он становился доступным лишь владетельным лицам и из частных только большим богачам. Во время Диоклетиана за 1 фунт (400 гр.- М. А.) неокрашенного шелка платилось 10 000 динариев, или около 3 тыс. рублей (по курсу рубля 1927 г. –М. А.)» [Успенский, 1999, с. 339]. В это время фунт шелка *blattaserica* стоил 150 000 динариев, когда фунт золота стоил 50 000 динариев, другими словами в рассматриваемое время шелк стоил три раза дороже золота [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 161].

Преемник Диоклетиана по проведению реформ в империи император Константин (306-337 гг.), выбрал себе в качестве резиденции европейский берег Босфора, находящийся недалеко от

его малоазийской резиденции –древнегреческий (мегарский) город Византий. Он стоял на стратегическом пересечении сухопутных и морских торговых путей, а также располагался хорошо защищенном от вторжений полуострове. Он перенес туда центр империи и дал ему новое название- "Новый Рим"- Константинополь и в 330 г. состоялось здесь освящение и провозглашение его новой столицей.

Перед своей смертью он принял христианство и разделил свою империю между тремя сыновьями и двумя племенниками. В итоге междоусобных войн империя фактически разделилась на две части.

Тем не менее, как пишет исследователь,- «с IV в. империя уже непосредственно граничила с Ираном, как в Междуречье, так и на Кавказе. Несомненно, что интересы экономического характера– торговля с Дальним Востоком- были в центре несколько фантастических замыслов последнего язычника на византийском престоле- Юлиана. Неудачный поход 363 г., закончившийся смертью Юлиана, был задуман наподобие экспедиции великого Александра» [Пигулевская, 1947, с.185].

Реальное распадение империи на две части произошло по завещанию императора Феодосия (379-395 гг.), когда старшему сыну (Аркадию) отошла богатая восточная часть, а младшему (Гонорий) разоренная варварами западная часть империи.

Незадолго до окончательного распада Римской империи на северо-восточной ее части появились гунны, которые более двести лет после ухода от северных границ на Запад (между Аралом и Алтаем) выпавшие с поле зрения китайских историографов и не обнаруженные античными авторами, вновь вышли на мировой арене.

«Идентификация "азиатских" и "европейских" гуннов,- пишет специалист Кляшторный,- зачастую вызывала сомнения, так как нет прямых указаний на их миграцию к западу от среднеазиатских степей. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя по косвенным указаниям можно предположить, что их основную массу составляли и там и тут прототюркские племена. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, а в Средней Азии и на западе- ираноязычных племен и даже славян» [Кляшторный, 2004, с. 74.]

Как было подчеркнуто выше (в предыдущей главе- 3.1.), гунны активно участвовали в формировании шелкового пути, который, по сути, и возник впоследствии антигуннской политики Ханьской империи. Данный фактор не означает, что они были ярыми противниками этой сверхприбыльной международной торговли, а, наоборот, активно вовлеклись в данный процесс. «С юга,- пишет исследователь Лубо-Лесниченко, - из Ханьской империи, в гуннскую ставку шло громадное количество разнообразных шелковых тканей, вышивок и шелковой ваты, а также лаковые, бронзовые, ювелирные изделия» [Любо-Лесниченко, 1994, с. 231].

Однако гунны, как было рассмотрено в предыдущей главе, проиграли борьбу за доминирование в начальном (восточном) маршруте шелкового пути (Ганьсу и бассейн Тарима) и под натиском китайских армий были вытеснены "на север пустыни" (Гоби) в Джунгарию. С нового места под натиском бывших своих вассалов- племена сяньби в конце первого века они откочевали в Хафтруд (Семиречье) и далее на запад (до Волги).

Вполне возможно, что гунны, откочевавшиеся далеко на север от первичного ареала функционирования шелкового пути (Хафтруд, бассейн реки Сырдарья), потеряли навыки и традиции государственного управления и международных сношений (влияние Китая). Поэтому память о европейских гуннах сохранена

в многочисленных античных греческих и римских авторов экспрессивными (негативными) свидетельствами. Один из ярких их представителей Аммиан Марцеллин характеризовал гуннов "которые превосходят всякую меру дикости", а также «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочует они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина; он зачат в одном месте, рожден вдали отсюда, вырос еще дальше» [Аммиан Марцеллин, 2000, с. 539]. Отчасти с античным автором соглашается и современный исследователь, который пишет: - «Но несомненно, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного развития, которые были характерны для их предков в Центральной Азии. Собственные производственные силы европейских гуннов были ничтожны. Нападения на оседлые народы, захват продуктов их труда, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для них основным источником добывания жизненных благ, а гуннское общество стало полностью паразитическим» [Кляшторный, 2004, с. 75].

Приписывая им демоническое происхождение античный историк пишет- «Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде, они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом облике живут они звериной дикости» [Иордан, 2001, с. 85].

Возможно, вследствие очередного природного катаклизма (засухи, эпизоотии или джута), они во второй половине IV века появляются в правом (европейском берегу Волги и обрушиваются

на аланов. Разгром алан дает эффект очередного «снежного кома» и Великое переселение народов, начавшийся из Маркоманской войны и усиленной готскими вторжениями переходит в свою (третью) кульминационную фазу. Данное сложившееся обстоятельство красноречиво описывает античный римский автор- «Когда геты (готы- М.А.) увидели этот воинствующий род- преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага. Германарих, король готов, хотя как мы сообщали выше, и был победителем многих племен, придумался, однако с приходом гуннов» [Иордан, 2001, с.86]. Сармато- аланские и готские племена, с боями отступая на запад, переходят границу Римской империи. Об ожесточенных боях между гуннскими и другими европейскими племенами рассказывает источник- «Смерть его (короля- М.А.) дала гуннам, возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами (остготы- М.А.). Везеготы (вестготы- М.А.), т.е. другие их сотоварищи, обитавшие на западной области, напуганные страхом своих родичей, колебались, на что им решится, в отношении племени гуннов; они долго размышляли и наконец, по общему согласию направили послов в Романию к императору Валенту, брату императора Валентину старшего с тем, чтобы подчиниться его законам и жить под его владычеством, если он передаст им для поселения область Фракии и Мезии. Кроме того, чтобы больше было им веры, они обещают стать христианами, если только будут им даны наставники, учащие на их языке» [Иордан, 2001, с.86].

А гунны, разоряя Боспорское царство, находящееся под готским контролем, не останавливаются на западном оконечности шелкового пути, чтобы возобновить борьбу за маршрутами шелкового пути (как прежде в его восточной оконечности), а последуют за своими новыми противниками. В конечном итоге,

преследуя противников, они также выступают в пределы Римской империи.

В это время обширная Римская империя под натиском варварских племен неуклонно шла к распаду, особенно ее западная половина, завещанная императором Феодосием (395 г.), своему младшему сыну - Гонорию, которую заполнили варварские племена. Восточная половина - новая Византийская империя включала Балканский полуостров, острова восточного Средиземноморья, Малая Азия, Египет, Палестина, Сирия, часть Месопотамии и Армении и южные берега Черного моря, города в Крыму, где проживало более 30 млн. пестрое население [История Востока, Т II.,1995, с.15.].

К переносу политического центра Римской империи далеко на Восток, на границу между Азией и Европой, среди других факторов, играл, пожалуй, еще тот фактор, что здесь происходил концентрация всех маршрутов (как сухопутных, так и морских) Великого шелкового пути. Византия находилась в центре мировой морской торговли, твердо установив свой контроль как на северный маршрут (бассейн Черного моря), так и на южный и юго-западный маршрут (бассейн Средиземноморья), доходя по Эретрийскому морю (северо-западная часть Индийского океана) до Индии и Шри-Ланки (Тапробана). Византийские купцы, традиционно предпочитающие морской коммерции, доходили до всех портов древнего мира, где заканчивались сухопутные караванные дороги торговцев.

Морская торговля на западе Средиземноморья была под угрозой из-за действия вандальских пиратов, прорезавших среди прочего морских перевозок хлебных продуктов в Рим, еще более усугубляя общественно-политический и экономический кризис центра империи. Поэтому Западная Римская империя (Гесперия)

постепенно теряла свои позиции во всемирно-историческом развитии мира, а Византия, наоборот, усиливала свои позиции. «Наконец, - пишет современный исследователь, - сокращается торгового обмена усиливало разобщение между различными районами Средиземноморья, особенно между восточными и западными частями, углубляло бытовые и культурные различия. Поэтому объявление о формальном разделении единой Римской империи на две прошло незаметно, не встретив каких-либо возражений представителей администрации, воинов и населения. Более того, сразу же после разделения правители обоих новых держав, управляющие ими от имени несовершеннолетних императоров, стали враждовать друг с другом, что не могло не сказаться для них самих губительным образом» [История Древнего Рима, 1971, с.445].

Раскол империи на две части, естественно, привело к территориальным претензиям друг против друга между ними. Спор за провинцию Иллирик (побережье Адриатического моря) привел и к активизации союзников-федератов империи, бывших варварских племен, которых в качестве орудия хотели использовать преемники некогда единой империи. Аларих, вождь одного из готских племен, расположенных в данной провинции, не дождавшийся обещанных бывшим императором (Феодосием) выплат за военные услуги, совершил глубокий рейд в Балканский полуостров. Проходя по дороге через Македонии и Фессалии "огнем и мечом" (практически уничтожив местное население- бывших завоевателей Востока), они прорвались в Южную Грецию. Гибкие афиняне откупились от захватчиков путем больших выкупов, а Коринф, Аргос и Спарта были захвачены и их населения были превращены в рабство[История Древнего Рима, 1971, с. 446].

Однако, против взбунтовавших союзников выступили не императоры Византии, куда эти разграбленные провинции входили административно, а армия западной империи во главе с опытными царедворцем и полководцем Стилихоном. Этому полководцу удалось в 396 г. отгеснить готов назад. Император Византии не только не содействовал своему западному союзнику, а наоборот, выступил в стороне взбунтовавшего вождя федератов (союзников империи из варварских народов). Он потребовал удаления западной армии. Византийский император Аркадий заключил мир с Аларихом и признал его правителем и главой вооруженных сил всех иллирийских провинций. Главной целью в данной затее была, консолидировав всех своих недовольных союзников, направить их против Западной империи, чтобы "критическая масса" была удалена от политического центра Византии. Как ожидалось, перегруппировав все свои силы, включив туда и силы союзников, Аларих выступил против Рима. В 402 г. он через область Аквилеи (северо-восточная область Италии) вторгся в страну и, грабя североитальянские города, дошел до Милана. Римскому полководцу Стилихону, превратившегося в его упорного противника, удалось путем отзыва римских легионов их отдаленных провинций (Британии, Галлии, Испании и т.д.) и опорой в союзническую аланскую конницу, вновь вытеснить готов назад (из Италии) [История Древнего Рима, 1971, с. 446].

Символический факт, как и прежние времена, полководцу Стилихону организовали триумф, когда в Риме устраивались различные гладиаторские и цирковые игры. На этот раз во время гладиаторских игр один христианских монахов выбегает в арену и хочет разминать борющихся на смерть гладиаторов. Несомненно и трагично, монах становится жертвой разъяренных зрителей и император своим эдиктом (указом) запрещает кровавые зрелище в амфитеатрах. Таким образом, христианство с трудом через жертвы, продолжает прорывать свой путь в просторах империи. А через два

года, в 405 году, множества готские и германские племена под напором воинствующих гуннских племен повсеместно переходят пограничные укрепления и углубляются внутрь империи [История Древнего Рима, 1971, с. 446-447].

Поредевшие ряды многочисленных римских легионов из-за войн в самой Италии не могут остановить колоссальное передвижение племен и народов. В самую отдаленную от центра провинцию- Британию вторгаются с моря германские племена англов и саксов. Германские племена бургундов закрепляются в юге-востоке Галлии, а франки в северной и центральной части этой страны. Другие германские племена вандалов и свевов, пройдя еще дальше, укрепляются в Испании. Здесь в центральной Испании закрепляются североиранские племена аланов. Один из германских предводителей (конунг) Радагайс возглавляет военный поход в саму Италию, которого удерживают населения Флоренции, вышедшие на оборону своего города, а позже разгромят подоспевшие римские легионы.

Однако после смерти упорного противника готов Стилихона в 408 году Аларих в второй раз вторгается в Италию. Император, бросив "вечный город" в произвол судьбы, укрывается в болотистом месте- городе Равенне (а не в резиденции- Милане), и Аларих подходит в Рим. Аларих, как и другие первые вожди племен-федератов, испытывающий трепет к центру некогда могущественной империи, не входит в город, а получает огромной контрибуции, включая "4 тысячи шелковых туник (верхняя одежда римлян- М.А.)" [цит. по Лубо-Лесниченко, 1995, с. 98]. Однако, из-за затягивания переговоров с советниками императора, переборов свой трепет и страх перед "вечным городом" летом 410 года он отдает город на разграбления своим воинам. После смерти Алариха его преемник приближается с императорским домом и возвращает империи отпавшей провинции Галлии. За награду он в 418 году

получает разрешения от императора селиться в Южной Галлии со своим племенем. Таким образом, одна из готских племен (вестготы), вышедших из Скандинавии в сторону Черного моря, в итоге создает свое королевство на юге Галлии со столицей в Тулузе.

В это время, наоборот, наблюдается расширение торговых связей Византии с его восточным соседом- Ираном, так как согласно сообщению исследователя Пигулевской Н. Я.- «к 408-409 гг. относится закон Гонория и Феодосия, устанавливающей три пункта таможенного досмотра. Прежде всего, это Нисибия. Уже упомянутая в договоре 297 г., затем Калинник (Ракка), на левом берегу Евфрата и Артакса- Арташат- на берегу Аракса, в среднем его течении. Торговля помимо этих пунктов запрещалась» [Пигулевская, 1947, с.187].

А одна из германских племен вандалы в 429 году, перейдя Средиземноморья, в сторону Северной Африки, создают свое государство с центром в Карфагене, некогда мощной торговой империи, бросивший вызов Риму. Некогда знаменитый город- государство становится центром государства вандалов, которые начинают пиратствовать в западной части этого моря.

Таким образом, за короткое время (полвека) после разделения империи под властью Западной империи останется лишь Апеннинский полуостров.

Однако тяжелые испытания Рима не закончились, так как кульминация основного этапа Великого переселения народов, приближалась к стенам Рима. После волны нашествий на территорию Западной Римской империи германо-готских племен, которые стали создавать свое государство в лоно империи началась (третья) волна вторжения непосредственно гуннских племен.

Новый предводитель гуннов Атиллы, консолидировав всех гуннских племен и в союзе с многими кочевыми племенами, начал упорную войну за Галлию. В 451 году произошло решающее сражение в Каталаунских полях между объединенной армией Атиллы, куда кроме гуннов входили также германо-готские племена остготовов, гепидов, сармато-аланские и славянские племена и с другой стороны вестготы с римскими легионами. Эта кровопролитная битва не выявила явных победителей. Король вестготовов пал в бою, а его преемник спешил в свою столицу, чтобы закрепить за собой верховную власть между многими претендентами.

А Атиллы на время отступив, через некоторое время совершил военный поход в Италию. Но он, прозванный как "бич Божий", не стал грабить "вечный город", а получив большую контрибуцию, вернулся в свои кочевья в Паннонию (совр. север Хорватии), где вскоре умер. В переговорах с Атиллой участвовал и папа Лев I, которому был присужден успех переговоров, что стало толчком общенародного признания и повсеместного распространения христианства как в самой Италии, так и новообразованных государствах Западной Европы [История Древнего Рима, 1971, с. 448].

Однако германские военачальники после ухода упорного противника не стали прекращать междоусобицы в центре Рима, а еще больше усилили ее. Германские племена вандалов, укрепившиеся в северной Африке и в Сицилии, в 455 году вторглись и овладели Римом. Они превзошли десятидневный грабеж вестготовов Алариха (410 г.), так как что не могли уносить, то стали сжигать или разбивать. Они увели в рабство сотни тысяч жителей Рима, в том числе императрицу Евдокию. Другими словами вандализм исходил не из орд "бича Божего", а из среди

варварской германской племени. А последующие междоусобицы, когда один из военачальников- Орест (один из приближенных Аттилы) утвердил в троне Рима своего сына в 475 году в качестве императора, получивший а народе имя Ромул Августул ("Августишка"), его низложил другой германский военачальник- Одоакр в следующем году (476 г.), тем самым они уничтожили эту некогда славную империю. Одоакр отправил диадему и другие знаки отличия императорского сана в Константинополь [История Древнего Рима, 1971, с. 445].

Все без исключения новые государства различных племен, вторгавшиеся в пределы Римской империи, признавали главенствующую роль византийской империи. Согласно мнению исследователя,- «возникшее в V – VI вв.на развалинах Западной Римской империи варварские королевства оказались с самого начала вовлечены в сложную и разветвленную систему международных контактов. Среди множества направлений внешних сношений каждого из этих королевства было одно привилегированное – сношения с Византией. Связь с императором в Константинополе была для местного правителя не только проблемой внешней политики, проблемой выживания в борьбе с соседями или осуществления территориальной экспансии. В еще большей мере это было проблемой престижа нового государства, определения им своего места в иерархии европейских народов. Соизмеряя себя с могущественной Византией, законной наследницей древнего Рима, король франков, вестготов или лангобардов оценивали свой собственный политический статус и удельный вес в международных делах» [Ронин,1986, с.85].

Анализ дипломатической переписки наиболее могущественного из этих западноевропейских государств – Франкское государство Меровингов с Византией свидетельствует о наличии между ними «внутрисемейных» отношений, когда за византийскими императорами сохраняется почетный титул “отец”, и как сообщает специалист, – «нет сомнений, что Меровинги даже в периоды своего наивысшего могущества неизменно смотрели на императоров в Константинополе “снизу вверх” и как показывает, дипломатическая переписка второй половины VI в. всецело и всерьез принимали их тон снисходительного покровительства, “отеческой” заботы, отвечая на него тоном “сыновнего” подобострастия (сравните письма Теодоберта (король Меровингов – М. А.) Юстиниану (император Византии- М.А.) или Хильдеберта II Маврикию). Во многих письмах VI в. византийский император прямо назван “отцом”, который “проявляет заботу” и предлагает варварским королям сообщать ему обо всех их успехах и “нуждах”... Отсюда – исследование франкских монархов VI в. традиционной римской – византийской концепции “дружбы” (*amicitia*) как отношений гегемонии и клиентелы»[Ронин,1986, с.86].

С этого времени Западная Европа исключается надолго из истории шелкового пути и она посредством североитальянских морских республик (Венеция, Генуя и др.) поддерживают регулярные связи с основным ареалом функционирования шелкового пути. Данное положение косвенно подтверждается тем историческим фактом, что в ответ многочисленным попыткам Византии по созданию антииранской (антисасанидской) коалиции с привлечением различных военно-политических сил (буферные закавказские государства, тюркские каганы, арабы и т.д.), Сасаниды ни разу не обратились к западноевропейским странам по созданию антивизантийской коалиции, вероятнее всего, считав, что в этой краю земли нет достойных союзников.

А в Византии, в отличия от Гесперии (средневековое название западной империи), где частые междоусобицы полностью расстроили товарно –денежных отношений и возобладала натуральное хозяйство, благодаря активной международной торговли, наблюдается расцвет городов империи. Здесь, в отличие от Западной империи, германо-готские, сармато-аланские, славянские и гуннские вторжения сменили лишь этнический ландшафт провинций империи, не поколебав политико-административное управление империей. Поэтому она основное свое внимание обратила на укрепления имперской администрации и на Сасанидский Иран, который наращивал свои силы в основных маршрутах торговли шелком и другими товарами, востребованными мировым рынком.

Византийский двор среди многих средств и путей удержания варварской окраины в покорности, использовал также наряду с демонстрацией недоступности столицы-Константинополя, также своего великолепия, где шелковым тканям, окрашенным пурпурной краской отводилась важное место. Поэтому двор каждым годом требовал все больше и больше шелка, как в виде ткани, так и сырца. «Настойчивость, с которой Византия стремилась приобретать шелк,- пишет современный автор,- изыскивая пути к его получению на море и на суше, была бы непонятна, если бы согласное свидетельство письменных и археологических источников не указывало на широкий расцвет ткацких мастерских, работавших по изготовлению шелковых тканей. Если охотно приобретались готовые шелковый ткани и одежды, *vestissericavelsubserica*, то еще больше требовалось шелка-сырца, *metaxa*, обработка, окраска и украшение которого производились в соответствии со вкусом и требованиями византийского потребителя» [Пигулевская, 1947, с. 189-190].

Первый византийский император Аркадий (395-420 ?) не только умело перенаправлял различные кочевые племена на Запад (в Рим), но и стремился поддерживать стабильные мирные отношения со своим грозным восточным соседом- Сасанидами. По сообщению античного историка Прокопия Кесарийского, император Аркадий сделал Сасанидского шаха опекуном своего сына,- «Составив завещание, он объявил своим преемником сына, опекуном же ему назначил персидского царя Исдигерда (шах Йаздигурд – М. А.), заклиная его в том же завещании употребить все свое могущество и прозорливость на сохранении трона за Феодесием. Устраивая государственные дела, Аркадий скончался. Когда цар персов Исдигерд увидел доставленный ему документ, он, и ранее известный своим великодушием, проявил добродетель, достаточную большого удивления и вечной памяти. Он не стал пренебрегать поручением Аркадия, все время хранил с римлянами нерушимый мир и сохранил Феодосию державу. В самом деле, он тотчас же отправил послание к римскому сенату, в котором не отказывался быть опекуном василевса (императора- М.А.) Феодосия и угрожал войной всякому, кто попытается устроить против него заговор» [Прокопий Кесарийский, 1993, с. 9].

Так как Закавказье заняло важное место, как во внешней политике Византии, так и Ирана, то они объединили усилия для отражения набегов гуннских и других племен через узких Каспийских ворот (Дербентского прохода) и труднопроходимых Аланских ворот (Дарьяльского прохода, от иранского «Дари алан»- «Ворота алан»).

Согласно Иерусалимской А.А.,- «начиная с IV-V вв., северный степной путь был мало доступен на западном его участке из-за бурных событий в Причерноморье- бесконечной череды перемещений целых этнических массивов («эпоха переселения народов»). По-видимому, вследствие этого основная нагрузка

начинает падать на кавказские трассы Шелкового пути. Они, вероятно, использовались в какой-то мере и в ранний период (об этом говорят, например, средиземноморские стеклянные сосуды, найденные на Северном Кавказе- среди них прекрасная чаша из кургана близ г. Моздок, с узором из золотого листка, вмонтированного между двойными стенками). С VI же века северо-кавказский рукав Шелкового пути становится регулярно функционирующей торговой магистралью» [Иерусалимская, 1992, с.5].

Однако за обладания торговых маршрутов в Армении, Лазике и Южной Аравии (берега Эретрийского моря) византийцы и иранцы вели бесконечные войны.

Согласно мнению исследователя, «к концу V в. и до начала VII в.н.э. на Ближнем и Среднем Востоке торговля шелком приобретает особенно большое значение. Она становится одним из руководящих мотивов во внешней политике Византии. В доставке и продаже шелка оказались заинтересованными не только главная соперница Византии- Персия, но и Эфиопия, арабские княжества всей Передней Азии, согды и тюркский каганат. И в этом случае Константинополь наследовал связи, традиции и задачи Рима, который настойчиво стремился освободить и захватить ближайшие торговые пути. Одна из другой уступили его натиску Петра, центр Набатейского государства (106 г.н.э.), Осроена с большим торговым городом Эдессой (216 г.), и, наконец, была покорена розово-мраморная красавица Пальмира со всей своей обширной областью (270 г.)» [Пигулевская, 1947, с.185].

Один из амбициозных византийских императоров Юстиниан (527-565) заключив «вечный мир» с Ираном, согласно которому Лазика, Армения, Аравия и Крым остались в сфере империи, обратил свое внимание на Запад. Он хотел восстановить былое единство Римской империи, естественно, под контролем Константинополя. За более 20-летней крупномасштабной войны ему удалось завоевать государство вандалов со столицей в Карфагене (534 г.), среди прочего положив конец пиратству вандалов в бассейне Средиземноморья, королевство Остготов в Италии (555 г.), а также восточные земли Испании (554 г.). Однако попытки утверждения единой налоговой системы империи (другими словами реставрация прежней системы) встретила яростное сопротивление варваризованной Западной Европы, где уже господствовало не римское право, а племенное и родовое право. Поэтому к концу столетия (VI в.) империя лишилась почти все земли на Западе.

Император Юстиниан известен не только своими упорными войнами для «собираения земель бывшей единой империи», но и своими стремлениями по стабилизации торговых путей по которому ввозился в империю шелк, а также по внедрению шелкоткачества.

Согласно источнику,- «когда в 562 г. был вновь заключен мирный договор между обоими державами сроком на 50 лет, то ряд пунктов этого договора устанавливал таможенные правила, нарушение которых строго каралось. Византийские и персидские купцы получали право провоза товаров через границу в тех пунктах, где находились таможи (п. 3), а именно через Нисибию и Дару (п. 5), где проходил обычный торговый путь, по которому и следовало водить караваны. Всякий обход таможен, проезд с товарами, будь то византийские или персидские, без разрешения правительства подлежал наказанию. Это запрещение простиралось и на арабов и на «торговцев других варварских народов обоих

держав», то есть на находившихся под протекторатом, подчиненных Византии и Ирану «варваров», купцы которых вели торговлю. Очевидно, арабы и другие варвары не раз пытались провозить товары по обходным путям» [Пигулевская, 1947, с.186].

Самое интересное, что данный договор также предусматривал правила возмещения убытков во время торговли, «Убытки и потери, о которых идет речь, причинены, «не по праву войны или военной силой, а некоей хитростью и покражей». Они нанесены, следовательно, в торговых делах, которые велись обманом и хитростью. Дело о нанесении убытка одному лицу решалось в присутствии официальных лиц обоих государств, в пограничных пунктах. Потери, нанесенные целому городу, обсуждались судьями, которых государства посылали на границу. Неудовлетворительное решение кассировали, оно подлежало рассмотрению «стратига Востока»,- наконец, обиженная сторона имела право делать представление царю обидевшей их стороны. Не получив удовлетворения, обиженные могли считать мир нарушенным, *casusbelli* был налицо» [Пигулевская, 1947, с.188].

Специфика заключения данного договора показывает, что огромные масштабы переселения народов, регулярно вторгающиеся на пределы различных империй и оседлых государств, никак не повлиял отрицательно на достигнутый (высокий) уровень дипломатического протокола того времени. «Он был заключен»,- пишет далее исследователь,- сроком на 50 лет, причем было оговорено, что «по древнему обычаю» год должен содержать 365 дней. После ратификации договора цари обоих государств обменивались грамотами договора. Грамоты были написаны еще в две книги, причем тщательно выверяли точность перевода и по форме и по смыслу. Подлинные грамоты были свернуты, и к ним были приложены печати на воске. Текст договора был составлен на двух языках- по-гречески и по- персидски – при участии

двенадцать переводчиков, шести персов и шести ромеев. Экземпляр договора на персидском языке был отдан византийскому послу Петру, а на греческом языке был выдан Петром персидскому послу. Персидский посол, кроме того, взял экземпляр на персидском языке, не скрепленный печатями, византийский посол взял греческий экземпляр без печатей» [Пигулевская, 1947, с.189].

Время правления Юстиниана стала расцветом ранней Византии, охватывая среди прочих, не только успешные дальние военные походы и пышный церемониал дипломатических приемов, но и международной торговли. Согласно Успенскому Ф.И., - «Время Юстиниана составляет высший период процветания византийской торговли. Ввиду важности прямых сношений со странами, где было шелковое производство. Юстиниан оказывал всяческое внимание торговым людям и поощрял новые в этом смысле предприятия. Пока Византия не имела еще соперников в торговле с отдаленным Востоком, откуда шли драгоценные товары в Европу, она прилагала большие старание, чтобы извлечь все выгоды из этого исключительного положения» [Успенский, 1999, с.339].

Концентрация в своих руках редких товаров и изделий, где шелк занимал особое место, и использование их как политическое орудие с окружающим миром занимал одно из центральных мест во внешних сношениях Византийской империи. «При Юстиниане и при его преемнике Юстине II.- пишет Успенский Ф.И.,- империя поддерживала сношения с турецким ханством (Тюркским каганатом- М. А.), образовавшимся между Китаем и Персией, между прочим, с целью освободиться от тяжелого торгового посредничества Персии. Редкие китайские и индийские произведения и дорогие шелковые изделия рассматривались как орудие политического влияния и как средство импонировать на варварских вождей и европейских князей, приходивших в

Константинополь. Подарки шелковыми изделиями, тканями, драгоценными камнями и благовониями были исключительной привилегией византийского двора и весьма высоко ценились теми счастливыми, кому они были предлагаемы» [Успенский, 1999, с.340]. Другими словами, китайская практика шелковой (дарственной) дипломатии стала укореняться и в византийском дворе.

Однако продолжительные и упорные войны Юстиниана с Сасанидским Ираном, где контроль за маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути занимал одно из ключевых мест, не мог не привести к постоянным повышениям цена за шелк и шелковые изделия со стороны его противника- Ирана. Поэтому император был крайне заинтересован, как и многочисленные небольшие государства Таримского бассейна, страдающие из-за междоусобицы в внутреннем Китае, осложняющий вывоз шелка-товара, во внедрении шелководства у себя. Византийский автор Прокопий Кесарийский в своем осчинении «Война с готами» подробно рассказывает историю внедрения и распространения шелководства на землях империи: «Около этого времени (550-552 гг.- М.А.) пришли из Индии какие-то монахи. Узнав, что император Юстиниан очень озабочен тем, чтобы римлянам не приходилось покупать шелка при посредничестве персов, они, явившись к императору, обещали ему, что так устроить дело с шелком, что никогда уже не нужно будет римлянам делать этих покупок ни у персов, своих врагов, ни у какого –либо другого народа; они говорили, что провели много времени в стране, которая называется Сериндой, находящейся севернее многих племен индийцев; там они точно изучили, как возможно производить шелк в земле римлян. Когда император все дальше расспрашивал их, допытываясь, правилен ли их рассказ, монахи стали рассказывать, что творцами шелка-сырца являются червяки, что природа является их учительницей, заставляющей их непрерывно работать. Доставить

червяков оттуда живыми невозможно, но их зародыши (яички)- вполне возможно и легко. Зародышами этих червей являются яички, которые каждый червяк кладет бесчисленное множество. Эти-то яички много времени спустя, после того как они положены, люди, закопав их в навозе и здесь достаточной степени долго их согревая, делают живыми. Когда они это рассказали, император обещав одарить их великими благами, убедил их подтвердить свой рассказ делом. Тогда они вновь отправились в Серинду и принесли в Византию яички шелковичного червя и сделали так, как рассказано, т.е. чтобы обратить яички в червей, они выкармливали их листьями тутового дерева; этим они достигли того, что в дальнейшем в земле римлян стал добываться шелк-сырец» [Прокопий Кесарийский, 1996, с. 70-71].

Внедрение и расширение шелководства в свою очередь стимулировали цехов по производству шелковых материй, в которых были заняты большое количество людей. Это было сверхприбыльным занятием, поэтому им также занялись императорский двор. «Дорогие шелковые ткани, будучи казенной монополией, составляли исключительно выгодную статью внешней торговли, доставлявшую империи громадные денежные средства. Византия снабжала этим товаром дворы европейских государств и богатых купцов торговых городов Европы» [Успенский, 1999, с.339-340].

Анализируемая Серинда, в нашем случае, Таримский бассейн в середине VI в. смогла несколько ранее таким же экзотическим путем (в волосах невесты) вывезти яйца шелкопряда из Китая и широко распространила шелкопрядство и шелкоткачество среди его многочисленных оазисах.

Так как оба маршруты шелкового пути: сухопутный путь от Китая, через Таримский бассейн, Вароруд, Иран и Сирия, а морской путь от Индии через Эфиопии Красного моря заканчивались в Сирии, Палестине или Египте, поэтому здесь были учреждены множество императорских мастерских (гинекеи). Там производились шелковые изделия. «Еще в кодексе Феодосия - пишет Пигулевская, - фигурирует *metaxa, vestissericavelsubserica, nemasericum*. *Metaxa* представляет собою шелк- сырец. *Nemasericum*- это крученая нить (*filirteSeide*). Сучили нити по преимуществу в Бейруте, Тире, Сидоне, где, благодаря положению приморской Сирии, широко развилось это ремесло. *Vestisserica*, т.е. шелковая одежда, ценилась особенно дорого. *Subserica* представляла собою особую ткань, основой которой была шелковая нить, а заткана она была золотой нитью.- это и было неким видом парчи. Производству шелковых тканей способствовал и тот факт, что именно Сирия была главным местом получения пурпуровой краски» [Пигулевская, 1947, с.191].

Византийский историк Прокопий Кесарийский в другом своем сочинении «Гайная история» особенно подробно описывает кризис в производстве и торговле шелком, начавшийся во время правления данного императора: «По исконному обычаю шелковые одежды готовились на фабриках (мастерских –М.А.) в Бейруте и Тире, финикийских городах. В этих же местах жили как торговцы шелковыми изделиями, так и художники и ремесленники, и отсюда шелковые одежды имели распространение по всему миру. В царствование же Юстиниана занимающиеся этой статьей промышленности в Византии и в других городах повысили цену на свое производство, ссылаясь на то, что в то время и в Персии возросла цена на шелк, и что в Ромэйской империи увеличены таможенные пошлины. Царь же, будучи недоволен, издал закон, которым установил, чтобы за фунт шелка не платилось больше 8 золотых номисм (денежная единица Византии- М. А.), присоединив

угрозу наказывать преступивших этот закон лишением имущества. Это поставило торговых людей в крайнее смущение и недоразумение. Ибо не могли они, уплатив за товар дорогую сумму, продавать его по пониженной цене, поэтому должны были отказаться от продолжения торговых сделок, предпочтя тайную распродажу оставшихся у них товаров по преимуществу в среде знакомых. Царица, получив сведение о ходивших об этом тайных слуха, не проверив основательность их, наложила запрещение на эти товары и оштрафовала торговцев на кентинарий золота (большая сумма, равна 7200 византийским номисмам- М.А.)... Торговые люди, прежде занимавшиеся этой статьей производства в столице и в других городах, испытали, как и следовало ожидать, бедствия этой системы на море и на суше. Городской дим (городская община- М.А.) Бейрута и Тире неожиданно дошел до нищенского состояния, мелкие торговцы и ремесленники принуждены были бороться с голодом, многие же бегством спасались в персидские области» [Прокопий Кесарийский, 1998, с. 327].

Тем временем, четвертая (славянская) волна переселения народов привела к тому, что провинции на южном берегу среднего и нижнего течения Дуная до острова Пелопоннес, которые обезлюдели со времен германо-готских вторжений, заняли различные славянские племена.

А пятая (аварская) волна, как и гуннская волна, начавшая из глубин азиатских простор, привела в различным военно-политическим и этническим противоборствиям с участием Византии на северном берегу Черного моря и Восточной Европы. Она была инициирована аваро (жужанско)- тюркским противостоянием, когда первые потерпев жестокое поражение в битве (551 г.) вблизи Алтая от усиливших бывших вассалов, повторили гуннский маршрут ускоренными темпами и, вовлекая по

пути следования все позднегуннских племен Поволжье, Приазовье и Прикубани, в середине VI века провалились к границам Византийской империи. Они, создав свой каганат в долине реки Дунай, стали совершать набеги в соседние земли.

Дальновидная Византия, приобретшая огромный опыт усмирения и управления многочисленными народами, которые волнами переходили границу (в основном, через Дунай), смогла, взяв на вооружение китайской практики шелковой (дарственной) дипломатии (посольства Земарха), направить удары шестой (тюркской) волны в сторону Сасанидского Ирана, своего упорного противника.

Вскоре на юго-востоке империи началась новая (седьмая) волна Великого переселения народов (арабов), которая не только не повторила маршруты предыдущих волн (с востока на запад или с севера на юг), но открыв новые маршруты (с юго-запада на юго-восток (ирано-индийское направление) и с юго-востока на юго-запад (северо-африканское направление), но и кардинально изменив этнический ландшафт большинство регионов мира. А религия-ислам, которые они распространили молниеносно в своем пути и их отношения представителям других религий, выходя с рамок эпохи Великого переселения народов, открыли новую страницу в истории шелкового пути.

Несмотря на все выдержки многочисленных волн Великого переселению народов, вскоре (перед арабским нашествием) раскрылось слабость Византийской империи, которая в очень короткий исторический срок потеряла почти все свои восточные провинции, образованных в культурно-исторических землях древнего мира. Согласно известного византиниста,- «Византийская империя, и без того заявлявшая определенно выраженное стремление ограничивать местные провинциальные тяготения и все

направлять в пользу Константинополя и пришедшая уже к возвышению кафедры константинопольского патриарха над другими восточными патриархатами, с потерей обширных провинций на Востоке быстро приближается к полному осуществлению заложенного в ней принципа византизма, который направляется к преобладанию эллинской народности над всеми другими» [Успенский, 1999, с. 512]

Географическое местонахождение самого Ирана обезопасил его от первоначальных волн Великого переселения народов (до арабов). На северо-востоке страны расположено Каспийское море, а кочевавшие на северных ее берегах племена более предпочитали коней нежели лодок, а на северо-западе расположились небольшие государства (Армения, Албания (северный Азербайджан) и Лазика (западная Грузия). Они, в свою очередь, были защищены от нашествия кочевников на севере мощным Кавказским хребтом, восточный конец которого вплотную выходит к Каспийскому, а западный к берегам Черного моря.

Однако Сасаниды по мере набирание силы и мощи на международной арене выступили не только рядовыми преемниками Аршакидов, а более мощной и амбициозной державой, так как они к аршакидскому титулу "шахиншах" (Ирана) добавили еще "шахиншах Ирана и не- Ирана".

Первые Сасаниды, защищенные на севере от волн передвижения различных народов посредством небольших государств и природных барьеров, унаследовали в международных отношениях политику своих предшественников- Аршакидов. Главная цель Сасанидов на западе была борьба с Римом/Византией за сирийские и закавказские области, со стремлением выхода к берегам Черного и Средиземноморья. А на востоке военно-

политическая конкуренция с Кушаншахами за области Хорасана и Вароруда.

Однако и Ирана коснулся переселения народов, так как один из могущественных сасанидских шахов Ирана Шапур II (309-379), победитель императора Валериана, сокрушив государство Кушаншахов, вместо областей Маргианы и Бактрии создал провинции Кушаншахр. Именно на своих северо-восточных рубежах Сасаниды столкнулись с кочевыми племенами-хионитами, которых также задел процесс переселения народов. По сообщению поздеантичного историка Аммиана Марцеллина в 346 году Шапур II испытал угрозу с восточной границы со стороны кочевого племенного союза в союзе с кушанами.

Однако определение прародины хионитов в исторической науке остается спорным, если японский исследователь К. Еноки относит их в Бадахшан (?), то российский исследователь Л.Н. Гумилев к бассейну Аральского моря и т.д. По мнению С. Г. Кляшторного - «почти, несомненно, хионы были одной из древних ираноязычных кочевников, обитавших в горно- степной юго-восточной и южной полосе Центральной Азии» [Кляшторный, 2004, с.83]. Одним словом эта ираноязычная кочевая племя обитала в соседстве с державой Кушаншахов (то ли в северо-западе, то ли в северо-востоке) и имела тесные контакты с ней.

Их отношение к иранским племенам косвенно подтверждается тем фактом, что Шапуру II перед походом в государство Кушаншахов удается привлечь в свою сторону шаха хионитов Грумбата в качестве верного союзника против Рима. А последующее сокрушение государства Кушаншахов приводит к ухудшению отношений между бывшими союзниками.

Волны масштабных передвижений народов коснулись и саков -«малых юечжи», которые не покинули с основной частью племен саков (да-юечжи) после их поражения от гуннского вождя Лаошаня (пр. в 165 г. до н.э.),а остались на западной части Ганьсуйского коридора в тесной связи с китайцами и цзянами Тибетского нагорья. «Согласно китайской династийной истории Бэйши- пишет С. Г. Кляшторный - эти были «малые юечжи», возглавленные «храбрым государем Цидоло». Жившие до того в предгорьях Наньшаня эти племена завоевали «пять царств» к югу от Гиндукуша, овладели Гандхарой и Тохаристаном, вытесняя оттуда Сасанидов и объединились с хионитами. Имеется несколько групп монет, чеканенных от имени их государей и легенды этих монет именуют правителя «Кидара кушана ша» к середине V века» [Кляшторный, 2004, с.82].

Поздние Сасаниды уже столкнулись на востоке с эфталитами, выступавшие в борьбу за кушанское наследие, включая за контроль над торговыми караванными путями.

Эти иранские кочевые племена (хиониты, кидариты и эфталиты), уходящиеся вглубь оседлых государств под натиском гуннских и аварских племен названы в западных (античных и византийских) источниках «белыми гуннами». Их перечисление к гуннам со стороны византийских авторов, на наш взгляд, имеет условное значение, имеется в общем их восточное, азиатское происхождение. Например, Аммиан Марцеллин, известный своими яркими экспрессивными оценками по отношению к гуннам, называет погибшего под городом Амиды сына хионитского шаха «красивым», а Прокопий Кесарийский фактически противопоставляет их гуннам- «Впоследствии персидский царь Пероз начал войну из-за пограничных земель с гуннским племенем эфталитов, которых называют белыми...Они не кочевники, как

другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле... Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид. И образ жизни их не похож на скотский, как утех. Ими правит царь и обладают они основанном на законе государственное устройство, живя друг с другом и с соседями честно и справедливо, ничуть не хуже ромлян и персов» [Прокопий Кесарийский, 1993].

Сасанидские шахи Йаздигурд II и Пероз вели упорную войну с этими последними из иранских (сакских) племен. Шах Пероз (459-484) предпринимает три больших походов против эфталитов, которые являются безуспешными, так как после первого похода он уступает противнику Хорасан, а попадая в плен в ходе второго похода, вынужден был выплатить огромный выкуп, а в последнем походе погибает сам. А Иран вынужден был платить победителю ежегодной дани.

Преемник Пероза шах Кубад (488-531), освоивший кочевые традиции эфталитов, будучи у них в заложниках, увлекает их в качестве союзников в войну против Византии, которая велась почти все годы его царствования, но с переменным успехом.

Один из известнейших Сасанидских шахов Анушервон I, прозванный за свои качества «Одил» (Справедливый), кроме проведения различных реформ, еще известен тем, что хотел выйти к берегам Черного моря. Здесь он хотел установить свой контроль над оживленной трассой шелкового пути с порта Трапезунта вдоль восточных берегов Черного моря к северному маршруту шелкового пути, которого византийцы защищали с особым рвением.

Шах Анушервон в 563-567 гг. разгромил эфталитов, которые попали под «тиски» между могущественными Сасанидами Ирана и возвышающим Тюркский каганатом. Некогда обширное государство эфталитов, наследник Кушаншахов превратилось в небольшое удельное княжество.

Сообщение о возвышении на востоке Ирана нового государства- Тюркского каганата через караванные пути дошло и до Византии, императорский дом которого спешит отправить туда посольство, чтобы установить прямые торговые пути по северному маршруту (северный берег Каспия- северный берег Черного моря), вне зоны контроля Ирана. Как известно, Сасаниды, как и Аршакиды, не пожелали, чтобы запад установил прямые контакты с Китаем или с Центральной Азией, а основная торговля шла через них, так как торговля и пошлины от нее составляли большую часть пополнения казны. Поэтому Сасаниды хотели перехватить данное посольство Земарха в обратном пути (в Кубани), которое оказалось безуспешным.

Стратегическим успехом Сасанидов был захват Йемена, через которого проходил главный морской маршрут шелкового пути из портов Индии и Тапробана (Шри-Ланки). Они вытеснили отсюда Эфиопию (Абиссинию), главного торгового партнера и христианского союзника Византии в Эритрейского моря (северо-западная часть Индийского океана).

Тем временем, внук Хосрова I, Хосров II Парвиз, удержавшийся в троне благодаря поддержке византийского императора Маврикия Фоки, убийство которого выступило предлогом возгоранию одной из последних больших войн между этими упорными противниками. В начале военной кампании Сасаниды захватили почти все восточные провинции Византии (Сирию, Финикию, Палестину, Египет) и даже дважды подходили к

стенам Константинополя. Однако крупная военная кампания истощила силы Сасанидов и византийцы во главе с императором Ираклием в союзе с хазарами перешли в контрнаступление.

Именно захват Ираном Йемена и перенаправление основных торговых сообщений по другим направлениям, в основном, в Персидский залив и междуречье Тигра и Евфрата, привел к постепенному упадку сухопутного караванного пути через Центральной Аравии (Хиджаз). Данное обстоятельство привело к брожениям в умах курайшитских племен арабов, контролировавших этот караванный путь. В итоге здесь возникла новая религия- ислам, молниеносное распространение которого не только привело к сокрушению державы Сасанидов и потери больших территорий Византийской империй, но и стал началом нового этапа в истории шелкового пути.

Теперь рассмотрим этнополитическую ситуацию в восточной (азиатской) части Великой степи и Китае (включая Таримского бассейна), откуда волнами эмигрировали различные племена на далекий Запад.

Согласно Кляшторному- «в I тысячелетие нашей эры началось постепенное изменение этнической среды в Евразийских степях. Преобладание здесь все более проходило к тюркоязычным племенам. Ускорение процессов социального развития и территориально- политической консолидации привело во второй половине I тысячелетия нашей эры к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа»[Кляшторный 2004, с. 86].

«Согласно тюркской легенды,- пишет далее исследователь,- записанный в VI в. китайскими историками, предки тюрков,

«жившие на краю большого болота», были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик (ему обрубили руки и ноги), которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, убивших мальчика, волчица бежит в горы севернее Турфана (восточный Тянь-Шань). Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Турфана. Один из внуков волчицы. По имени Ашина, стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди из рода Ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавляв местные племена, принимают имя тюрк» [Кляшторный, 2004, с. 87].

Как стало известно из предыдущих разделов исследования, что в Таримском бассейне преобладало согдийское и тохарское население, которое сыграл важную роль в этногенезе тюркских народов (как вытекает из вышеприведенной легенды тюрки женились на таримских, т.е. на согдийских женщинах), что несомненно, повлиял на культурные традиции и язык новообразующей племени и по словам того исследователя «именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков... В Алтае род ашина постепенно консолидировал вокруг себя местные племена. Новый племенной союз принял наименование тюрк» [Кляшторный, 2004, с. 87].

В 534 г. вождем тюрков стал Бумын, принял титул «великий ябгу», хотя он считался вассалом жужанского кагана и посылал ему дань виду железо, добытые от принадлежащих к племени рудников, фактически, расширяя свою территорию на запад, стремился к независимости от ненавистных им жужань. Разгневанный высокомерным отказом хакана жужань сватовства Бумын

совершает военный поход против своих сюзеренов и разгромляет их, а Анахуань кончает жизнь самоубийством. После кончины основоположника нового государства Бумына в 552 году его преемники Кара-хакань (552-553), Муган хакань (553-572) и Таспар хакань (572-582) за три десятилетия создают обширное государство, простирающейся от Манчжурии до Керченского залива и от верховьев Енисей до верховьев Амударьи. В основании Тюркского каганата (самоназвание- Тюрк эль) выдающийся роль играл также брат и соправитель Бумына Истеми – хакан, который преследуя своих злейших врагов- жужань на запад, совершил завоевательные походы в Хафтруд, Вароруд и Северный Кавказ. А сыновья Бумын –хакана (Муган и Таспар), преследуя другую часть жужань до Кореи и Северного Китая установили фактические данные отношения над северокитайскими государствами (Северная Ци и Северная Чжоу). Если согдийское слово ашина означало «синий», то со второй половины VI в. термин тюрк получил широкое распространение. Иногда использовались словосочетание обоих «синие тюрки». Согдийцы называли создателей новой империи как турк и в множественном числе- туркут (или туркют)- «тюрки». Эту согдийскую форму заимствовали сначала Китай (туцзюе) и позже Византия, так как дипломатические отношения, включая дипломатическую переписку между тюрками и китайцами и тюрками и византийцами осуществлялись при активном посредничестве согдийцев и согдийского письма. Позднее это название стал распространяться и среди других народов (иранцев, арабов, тибетцев и т.д.).

Создание огромной империи не мог не привести ее включения в мировые политико-экономические отношения раннего средневековья, в первую очередь, с окружающим миром- Китаем, Ираном и Византией. В международных отношениях того времени одна из их главных задач состояла борьба за контроль маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути.

Распространение своей власти Тюркского каганата в Таримский бассейн и Вароруд, где эфталиты имели свои вассальные владения, привел к его столкновению с их мощным государством, который вел упорные войны с Индией и Ираном. Здесь совпали интересы Иранского шахиншаха Хосрова I и Тюркского хакана, и был создан военный союз против эфталитов. Данный союз был скреплен брачным договором - дочь Истеми хакана стал женой Хосрова и впоследствии матерью будущего наследника Хормизда. Как сообщает «Шахнаме» эфталитский шах Гатифар был разгромлен объединенными силами тюрков и сасанидов в подступах Бухары (?). Вскоре Тохаристан, удельное государство самых эфталитов, был завоеван Хосровом. Граница между новыми союзниками стала проходить по Амударьи.

Таким образом, к концу VI века, когда Тюркский каганат стал хозяином Таримского бассейна, Хафтруда и Вароруда и сделал двух северокитайских государств своими данниками согдийцы вышли в главные роли в торговле шелком, распространив свой контроль от города Пайкенда (правый берег Амударьи) до Чаньян (столицы Суй) в основном маршруте и от берегов Волги до Дуньхуана по северному маршруту. От Пайкенда до городов Сирии шелковый путь контролировали иранцы. Другими словами, в данное время контроль за абсолютной протяженностью шелком принадлежал иранским народам (согдийцам и персам), однако в усилившем разногласии между Сасанидами и Каганатом из-за эфталитского наследия согдийцы были на стороне новых союзников.

Поэтому встал вопрос установления торгово-дипломатических связей с Византией. «Основным покупателем шелковых тканей- пишет Кляшторный,- была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через

согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество дорогих шелковых тканей. Вместе с тем уже с конца IV в. в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сыре. Согдийские шелка высоко ценились не только в западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов» [Кляшторный, 2004, с. 100].

Авторитет согдийских купцов, распространенной с самого начала возникновения шелкового пути в это время стала приумножаться славой их ремесленников. Как пишет в 1992 году Иерусалимская А. А.,- «Тридцать лет тому назад на одной из шелковых тканей из реликвария в Юи (Бельгии) была обнаружена согдийская надпись тушью, которая и дала название этой разновидности тканей: «занданечи»- от названия селения Зандана близ Бухары. Так появилась возможность определить довольно значительную группу шелков, найденных в Европе и в Восточном Туркестане, как согдийские. Эти ткани, по сведениям письменных источников, широко экспортировались на Запад. В северокавказских могильниках такие шелка составляют самую многочисленную и разнообразную группу, в три раза превышающую общее количество всех прежде известных в мире подобных находок: около 150 фрагментов, свыше 40 видов узоров. Такое обилие здесь согдийских тканей помогло интерпретации направления основных торговых связей по данному отрезку Шелкового пути, а также позволило проследить сам процесс сложения и эволюции согдийского шелкоткачества на протяжении VII-IX вв.» [Иерусалимская, 1992, с.13].

Наличие высокого уровня текстильного (шелкового) производства Согда подтверждает и другой исследователь, который пишет- «археологические данные позволяют сделать вывод, что в Согдиане, Самарканде, Фергане, Бухаре, в бассейне реки Тарим производили шелковые ткани. Образцы согдийского шелка доходила и до Дун- Хуана (города Дуньхуан Китая- М.А.). к самой Великой китайской стене, где найдена не одна согдийская рукопись. Текстильное производство Согдианы было мощным, и производимые товары вывозились далеко за ее пределы. Если первоначальным материалом служила шерсть- местное сырье, которое поставляли скотоводческие районы Средней Азии, то затем торговля с Китаем дала согдийцам в руки превосходную для выделки и окраски шелковую нить. О том говорят шерстяные ткани с «эллинистическими» рисунками и многоцветные шелка с «иранскими» узорами. Внедрение шелка в мастерские Средней Азии следует отнести к периоду между концом IV и концом V вв. н.э.» [Пигулевская, с. 207-208].

Экономическое благополучие Варуруда и его главного района- Согдианы, основанного в посреднической международной торговле и мощным текстильным производством, ориентированного также на внешний рынок, наряду с высокой культурой, опирающей не собственной письменности, позволили играть заметную роль в международных сношениях того периода. Согласно Н.В. Пигулевской,- «в сношениях с тюркскими ордами, как и с эфталитами, согдийская верхушка выдвигала представителей, которые вели все переговоры. Она добилась возможности участвовать вместе с тюркскими послами в переговорах с соседними державами, с Ираном и Византией. Материальная и духовная культура согдов достигала большой высоты. Пользуясь арамейским алфавитом, близким к сирийскому письму эстрангело, они писали на своем языке» [Пигулевская, 1947, с. 208].

Таким образом, в второй половине VI века острая необходимость реализации шелка своих мастерских, а также транзит китайских (и таримских) шелков, а также накопившийся в своих новых сюзеренов-союзников- тюрок шелка в виде дани и добычи, выдвинула Согдиану вступить в дипломатические связи с могущественными державами того времени- Сасанидским Ираном и Византией. Согдиец Маниах, манихей, получив одобрение от Истеми хакана, сперва отправляется в Иран.

Здесь мы замечаем не сотрудничество двух дружественных и родственных народов (согдийцев и персов), а острое соперничество между ними. «Персы- пишет Пигулевская Н.В.,- считали согдов очень серьезными соперниками как посреднической торговле шелком, так и в торговле шелковыми изделиями, вышедшими из их ремесленных мастерских. Не желая допустить их участия в торговых операциях, персы пошли на крайние меры, не соглашаясь принимать сырец из рук согдов. Сменившие эфталитов тюрки, не вышедшие еще из полукочевого состояния, не были склонны к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных согдийцев они согласились на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправили в Иран... Согдийское посольство, возглавляемое Маниахом, просило у Хосрова разрешения беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве. Хосров прямого ответа на их просьбу не дал и стал затягивать дело. Он менял предлоги, одним из которых было якобы нежелание допустить свободный въезд тюрок в пределы Ирана. Согдийцы настаивали на скорейшем ответе, тогда Хосров решил созвать заседание совета... Очевидно, что это было одно из заседаний совета при государе, нечто вроде сената при византийских императорах, на которых обсуждались важнейшие государственные дела» [Пигулевская, 1947, с. 209].

Тот факт, что вопрос торговли шелком обсуждалось на самом совете при шахиншахе, говорит о том, что ввоз и вывоз шелка и шелковых изделий в Иран стоил в одном ряду в другими важными делами этой великой державы. По итогам дискуссий в данном совете (дарборе) шахиншаха был принят жесткое решение - отказать в просьбе согдийцев. Согласно Пигулевской,- «привезенный ими шелк был закуплен шахом, но затем его сожгли в присутствии послов. Этим персы дали понять, что в согдийских товарах они не нуждаются, так как этот шелк исходит от тюрок. Согды возвратились из своего посольства недовольными и сообщили о происшедшем Дизибулу (это византийское имя Истеми хаkana- М.А.), тюркскому кагану. Но тюрки. – возможно. Под влиянием тех же согдов,- решились на повторное посольство персам. На этот раз посольство состояло из тюрок. Опасаясь их и желая положить повторным приездам тюрок, Хосров приказал отравить тюркских послов» [Пигулевская, 1947, с. 209].

На наш взгляд, вторичное руководство посольством к второй мировой державе того времени со стороны Маниаха (когда первое не увенчалось успехом), свидетельствует о том, что Согдиана имела широкую автономию в составе Тюркского каганата и согдийцы имели особое положение во дворе хаkana. Иного мнения придерживается Люттвак, который ошибочно связывает его с законом гостеприимства- «Хотя к тому времени среднеазиатские согдийские города, стоявшие на Шёлковом пути, перешли под контроль кагана, когда его держава распространилась на Запад, все же Сизавул (Истеми хаkana- М.А.) отправил своих послов под покровительством Маниаха, предполагая, что византийцы не станут чинить оскорблений своему согдийскому гостю, поскольку эти стороны традиционно поддерживали добрые взаимоотношения друг с другом. Они объединились в сопротивлении сасанидской агрессии, не говоря уже об очень давнем знакомстве греков и

согдийцев: шестью веками ранее, в 324 г. до н.э., Селевк, один из приближенных военачальников Александра Македонского, сражавшийся в Индии и основавший долго просуществовавшую династию, женился на согдийке Апаме» [Люттвак, 2010, с. 158].

На наш взгляд, более предпочтительно выглядит мнение Пигулевской Н.В., что тюрки, находящиеся в «полукочевом состоянии» и имевшие давние отношения положительной комплиментарности с согдийцами, имевшие огромный опыт торгово-дипломатической деятельности, доверили это ответственное дело им, чем мнения Люттвака, опирающийся на «добрую память» согдийцев о греко-македонской власти, так как во –первых, эти согдийцы оказали самое жесткое сопротивление из всех народов, кого встретил полководец Александр, а во –вторых, мало кто знал в древней Согдиане (и даже в настоящей времени), что Селевк является зятем Спитамена, упорного соперника его царя Александра, который строил много городов по имени Апамея (в честь своей любимой жены и матери наследника трона Антиоха I), так как данная свадьба была устроена в составе известной грандиозной свадьбы (на 10 тыс. пар, включая диадох-полководцев Александра и его самого), устроенной самым Александром в Вавилоне (далеко от Согдианы), где и правил он и его преемники (государство Селевкидов) после «войны диадохов».

Данное посольство Маниаха, направляемый в Константинополь с «скифской грамотой» и «шелка не малой ценности », имело двойной миссии, во-первых, найти надежного военного союзника в лице императора Византии для совместного выступления против Сасанидов на юге и жужань (превративших на аваров в Европе) на севере, во –вторых найти покупателя на согдийский шелк в лице богатого Византийского двора.

Интересно на каком языке была эта «скифская грамота», описанная византийскими историками, данного согдийско-тюркского посольства в Византийской империи? Исследователь Кляшторный считает ее «согдийской грамотой» и в качестве веского доказательства приводит древнейшего письменного памятника Тюркского каганата- Бугутской надписи из Центральной Монголии. «Стела с надписью была вооружена на кургане с захоронением праха одного из первых тюркских каганов Таспара (правил в 572-581 гг.), примерно через 15 лет после посольства Маниаха. Надпись сделана на согдийском языке; на другой стороне стелы имелась также короткая надпись на санскрите письмом брахми, почти полностью уничтоженная эрозией. Основной согдийский текст, к сожалению, сохранившийся не полностью, рассказывает о событиях первых тринадцати лет существования Тюркского каганата, особенно подробно описывая заслуги Таспар –кагана. Из обращений к читателям видно, что согдийский текст был понятен в каганате достаточно широкому кругу образованных людей из верхов тюркского общества. Большое число согдийцев жило при дворах тюркских каганов; они были дипломатами и чиновниками, придворными и наставниками в грамоте, о чем прямо сообщают иноземные источники; они строили оседлые поселения и водили торговые караваны в Китай, Иран и Византию с товарами, принадлежавшими тюркской знати. Их культурное влияние на тюрков было очень значительно; главным образом через согдийцев тюрки познакомились с достижениями других цивилизаций Среднего и Передней Азии» [Кляшторный, 1964, с. 169].

Этот исследователь также уверен, что древние тюрки не только приняли согдийский язык, но и согдийский алфавит,- «В те же годы, когда была воздвигнута бугутская стела, переводе на тюркский язык было впервые письменно зафиксировано буддийское сочинение («Нирвана-сутра»)- с целью пропаганды буддизма среди тюрков. Оно не могло быть записано на бумаге иным алфавитом, кроме хорошо известного тюркам согдийского. Позднее этот алфавит, после некоторых модификаций, получил название уйгурского, так как уйгуры пользовались им особенно широко в IX-XV вв.» [Кляшторный, 1964, с. 169].

Из-за того, что посольство Маниаха носил антисанитарный характер, оно не могло двигаться по его территории и поэтому был выбран альтернативный путь- в обход Каспийского моря с севера к восточным берегам Черного моря. Возможно, двигаясь по Северному Кавказу данное посольство переходило Кавказский хребет не по Дербентскому, находящийся под контролем иранцев, а Дарьяльскому переходу.

По сообщению Пигулевской,- «В столице Маниах получил доступ во дворец, был принят императором Юстином II и передал свои предложения и послания приставленным к этому делу лицам. Со «скифским» (согдийским- М.А.) письмом император ознакомился через переводчиков, а затем осведомился о том, завоеваны ли тюрками эфталиты и авары. Утвердительный ответ послов и перечисление народов, подвластных тюркам, давали полное представление о могуществе Дизибула и делали заключение договора желательным и для Византии. Юстин вошел по этому поводу в некоторые подробности, заинтересовавшись, в частности, эфталитами, относительно которых было желательно выяснить, где они преимущественно жили. Утверждение послов, что эфталиты «городские племя», указывало на то, что эфталиты- имели значение для культурного и хозяйственного положения

Средней Азии, как (в части своей) жители городов. Это говорило о том, что тюрки получили в свое распоряжение ремесленные и торговые города в завоеванных ими областях. Это был не только мирный договор, но и военный союз» [Пигулевская, 1947, с. 210].

Византия не только довольствовалась подписанием мирного договора, но и с согдийским посольством Маниаха, отправила в 568 г. ответное посольство во главе с киликийцем Зимархом, «стратигом (военачальником –М.А.) восточных городов» империи, видимо, чтобы удостовериться в могуществе государства тюрков и изобилия в его стране.

Согласно сообщению Пигулевской Н.В., «после многих дней пути Зимарх и его спутники (представители обоих посольств Маниаха и Зимарха –М.А.) прибыли в страну, населенные согдийцами, где тюрки предлагали им (византийцам) приобрести железо, чтобы опровергнуть мнение, что его у них нет в достаточном количестве... Дизибул, тюркский каган, принимал посольство в палатках, увешанных разноцветными шелковыми тканями, обставленных золотыми изделиями и посудой. Роскошь которых поразила даже византийских послов... Ставка тюркского кагана не имела постоянного местонахождения. После приема Земарха все снялись и двинулись в поход против персов; на пути они остановились в Таласе (север Киргизстана- М. А.). Здесь произошла встреча кагана с персидским посольством, с которым он обменивался резкими словами и заявлениями. Представители персов также держали себя дерзко и этим только утвердили Дизубула в желании выступить против Ирана. Этот же разрыв дипломатических отношений привел к заключению дружественного соглашения с ромеями, после чего Зимарху и его спутникам было разрешено вернуться. Было решено от тюрков отправить еще одно посольство, с ромеейским посольством. Первое место в посольстве занял имевший звание тархана Тагма. В связи с

тем, что Маниах умер, его сын Тагма, еще юноша, был назначен Дизибулом и занял второе по достоинству место в посольстве. Он занял его и по наследству и потому, хан считал Маниаха близким и преданным ему человеком [Пигулевская, 1947, 211]. После встречи с «персидским посольством, с которым он обменивался резкими словами и заявлениями, тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. их войска вернулись в Согд» [Кляшторный, 2004, с. 100].

Как при возвращении большого посольства Чжан Цяна из Усунь в Китай (117-115 гг. до н.э.), так и при возвращении посольства Земарха из этих краев (Хафтруд) в Византию (в 568-571 гг.) многие небольшие государства региона (Хафтруда, Вароруда и Хорезма) хотели отправить свои посольства «для обозрения Ромейского государства». Однако Истеми хакан разрешил отправить свое посольство только правителю Хорезма. Согласно Пигулевской,- «что «обозрение» Византии имело и более практическую цель- торговые связи, в которых были заинтересованы не только тюрки, но и их соседи, в том числе хорезмийцы. Не желая иметь их конкуренции, Дизибул, вероятно, и не пожелал, чтобы они показались в Константинополе» [Пигулевская, 1947, с. 212].

Для уточнения маршрута посольство Маниаха необходимо анализировать общественно-политической ситуации того времени в Северном Кавказе, где обитали древние аланы. Согласно Артамонова, «через страну алан проходили основные пути, связывающие степи Северного Кавказа с Закавказьем и Причерноморьем, что определяло особо важное значение алан в международных отношениях и постоянное стремление Ирана, а потом арабов, с одной стороны, и Византии и хазар (о них подробно в следующем параграфе- М.А.), с другой, держать их под своим влиянием или властью. В VI в. западная часть алан была

тесно связана с Абхазией и через нее с Византией, восточная же по большей части выступила на стороне Ирана. Вождь западных алан Сарозий во второй половине VI в. не только связал авар с Византией, но и оказывал ценное содействие византийским посольствам к тюркам. Именно он предупредил Земарха о персидской засаде, поджидавшей его в Лазике, и направил посольство другой дорогой в Апсилию (Абхазия- М.А.)» [Артамонов,1962, с. 360].

Таким образом, с посольствами Маниаха, Земарха и Тагмы (сына Маниаха) не завершились византийско-согдийско-тюркские отношения, а, наоборот, открылась новая страница шелкового пути. Дипломатия «дальнего действия» ханьцев, с которой началось функционирования шелкового пути, стала универсальной, охватывая самую западную державу мира (Византию).

Реализации данного вида дипломатию в морских рубежах мы наблюдаем в рассказах византийского путешественника Косьмы Индокоплова, происходящих к началу этого столетия (началу VI в.). На наш взгляд, данный рассказ (описание Цейлона в его «Христианской топографии») имеет чрезвычайно важности в нашем исследовании, поэтому он приводится развернутом виде. Данное известие был заимствован от знакомого купца Сопатра, одновременно с которым прибыло на Цейлон (совр. Шри-Ланка- М. А.) персидское судно с персидским посланником: «По обычаю, начальники города и таможенные повели их для представления царю, который после установленного приветствия приказывает им сесть и спрашивает: «Благополучно ли в вашей стране, и как идут ваши дела?»- «Хорошо», - сказали они. Потом спросил царь: «Который из ваших царей больше и сильней?»- Перс быстро ответил: «Наш царь и сильней, и больше, и богаче других, называется царь царей и может делать все, что захочет». –Сопатр ничего не говорил, тогда царь говорит ему «Что же ты ромэй,

ничего не скажешь?» - Сопатр ответил: «Что же сказать, после того, что мы слышали. Если, однако, желаешь узнать истину, ты имеешь перед собой того и другого царя, рассуди сам, который из них величественный и могущественный». – Эта слова привели царя в изумление. – Как,- сказал он, -здесь находятся оба царя?». Сопатр же ответил: «Здесь есть монеты того и другого: золотая номисма – византийская и драхма, или серебряный милиарисий,- персидская; всмотришь в изображения на той и другой, и ты познаешь истину». Цейлонский властитель, согласившись с этим, приказал принести обе монеты. Византийская монета была из чистого золота. Светлая и хорошего чекана, ибо сюда привозятся лучшие экземпляры, что же касается персидского милиарисия, то достаточно сказать, что он был из серебра и не мог идти в сравнение с номисмой. Царь повертел в руках ту и другую монету и, похвалив золотую номисму, сказал:- Конечно, ромэи и славней, и сильнее, и умней». Тогда Сопатру оказаны были особенные почести: его посадили на слона и с барабанным боем водили по городу» [цит. по Успенский, 1999, с. 343-344].

Из вышеизложенного следует, что от далекого Тапробанского острова (Цейлона) Индийского океана до Таманского полуострова Евразии были растянуты зоны соперничества Византии и Ирана за контроль над маршрутами шелкового пути. Византийско-тюркские дипломатические отношения, где особое место занимали согдийские купцы-посланники, начатые при императоре Юстине II (565-578 гг.) были продолжены и при императоре Тиберия, когда к тюркам было отправлено посольство во главе с оруженосцем императора-Валентином.

Интенсивность византийско-тюркских дипломатических отношений при активном участии согдийцев во второй половине VI в. говорит перечень посольств перечисленных историком Менандром «посольство Анангаста, Евтихия, первое посольство Валентина, Иродиана, Павла Киликийца и др.», а количество «сто шестьдесят тюрков» (где, несомненно, были немало согдийцы), присоединившихся к первому посольству Валентина, свидетельствует о том, что этому обмену были заинтересованы обе стороны.

Для обеспечения безопасного передвижения посольств в составе торговых караванов Истеми хахан распространил свою власть до северо-восточных берегов Черного моря, тем самым подготовив почву к оживленному движению по ним (по северному маршруту) большинства караванов в последующее время.

«Второе посольство Валентина- пишет Пигулевская,- потребовало всего напряжения его дипломатических способностей и изворотливости. Сын Дизибула Турксанф справлял в момент прибытия представителей Византии погребальные тризны по отцу. Он выразил крайнее недоверие и неудовольствие двоедушной политикой своей мощной соседки. Особенно сильно был он возмущен тем, что Константинополь заключил договор с вархонитами (хионитами, входившими в аварский союз). Жалуясь на лукавство византийской дипломатии и намекая на широкое использование толмачей (переводчиков- М.А.), с помощью которых велись переговоры со всяческими народами, Турксанф картинно положил десять пальцев своих рук в рот, чтобы подтвердить свои слова, что «ромей употребляют десять языков и один обман» [Пигулевская, 1947, с. 213-214].

Однако данное временное охлаждение тюрко-византийских отношений не было продолжительным, так как обе стороны были заинтересованы в союзнических отношениях.

«Второй поход тюрков в Иран- пишет исследователь,- относится к 588-589 гг. Войско, возглавленное «царем тюрков» Савэ (или Шаба) вторглись в Хорасан. Возле герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин (Чубин- М.А.). Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука «царя тюрков». Попытка реванша оказалась безуспешной, и стороны заключили мир» [Кляшторный, 2004, с. 101]. На долгие годы (до арабского нашествия) в границе между ними установилось перемирие.

Самое крупное военно-политическое достижение Западнотюркского каганата было их совместное выступление с византийцами в Закавказье. «Реализуя договорные отношения с Византией,- пишет исследователь, Тон-ябгу-каган (правил в 618-630 гг.- М.А.) принял личное участие в третьем походе императора Ираклия в Закавказье (627-628 гг.). Тюрки захватили огромную добычу во всех во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Апофеозом успехов Тон-ябгу- кагана была его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голов тюркского хана свою собственную корону и пообещал выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию» [Кляшторный, 2004, с. 102].

Поднебесная после распада великой Ханьской империи, попала в эпоху разобщенности, государственных переворотов и междоусобиц, продолжавшаяся более трех с половиной столетий. Это время в китайской историографии называется эпохой Троецарствия и шести династий. На месте некогда централизованной империи сначала образовались три государства,

постоянно враждующих между собой. Одно из них – Вэй (или Цао Вэй, 220-265), расположенный в Северном Китае, охватывающий Дуньхуан на северо-западе до Ляодуна на востоке, сохранял тесные связи с Таримским бассейном. Второе государство- Шу (или Шу-Хань, 221-263) в Сычуане, включал в себе южные районы Ганьсу и Шэньси, большую часть Юннань и Гуйчжоу. Третье под названием У (222-280) находился на юго-востоке бывшей империи. Это троецарствие продолжалось до 280 года.

Империя Цзинь, преемница Вэй в 263 году присоединило царство Шу и в 280 году царство У. Однако после смерти Сыма Яна (290 г.) удельные князья новой империи начали междоусобицу, которая продолжалась до 306 года.

Однако по историческим свидетельствам разобщенность Китая и частая междоусобица в стране послеханьского периода не стала преградой в развитии шелкового пути, а наоборот, наблюдалась интенсивность караванной торговли. Согласно Любо-Лесниченко,- «Увеличившийся приток купцов из Западных земель привел тому, что в период ранней Вэй (III в. н. э.) дуньхуанский губернатор Цан Цы выдавал специальные разрешения купцам, направляющимся в Лоян (столицу государства Вэй- М.А.) для торговли. Эта система разрешений была впоследствии унаследована при династиях Суй и Тан» [Любо-Лесниченко,1985, с. 96].

Это специальное разрешение купцам (кит. название «госо») можно рассматривать как прообраз визы для въезда страны, бравший свое начало с первоначального этапа функционирования шелкового пути.

Данная разобщенность Китая сделала страну легкой добычей вторжений кочевых племен глобального процесса Великого переселения народов, охватившего от бассейна рек Рейн и Дунай на западе до берегов реки Хуанхэ. Это вторжение привело к разделению страны. Север страны в течении длительного времени (304- 449) оказался в состоянии политической нестабильности. Один за другим к власти пришли ряд несостоявшиеся государства, возглавляемые различными племенными вождями. Этот период получил в китайской истории название «Шестнадцать государств пяти северных племен». Южный Китай в рассматриваемом периоде находился в относительно стабильном состоянии. Период с 420 по 589 год в китайской традиционной истории именуется эпохой Северных и Южных династий [Лубо-Лесниченко,1994, с. 162].

В то время, когда юг страны погружается в хаос и междоусобицы, то на севере тобгачи государство Северная Вэй (386-534) проводят централизаторскую политику, в результате которой восстанавливается китайская модель управления и китайские аристократические семьи приравниваются к правящей элите. Укрепление государственной власти, когда и правящий этнос превращается на обычных налогоплательщиков, не устраивает вчерашних кочевников, которые начинают восстания. С 531 до 581 года страна в целом полстолетие погружается в дворцовые перевороты. В 581 г. военачальник Ян Цзянь устраняет от власти императора Северного Чжоу (557-581), образованного вместо Западного Вэй (535-557) и создает новую империю- Суй, а через 8 лет подчиняет также южной части страны (гос-во Чэн, 557-589) и восстанавливает единство Китая.

Военно-политические катаклизмы, а также вторжения кочевых племен, несомненно, приводят к некоторому ослаблению международной торговли шелком. Поэтому города-оазисы Таримского бассейна, тесно связанные с внутренним Китаем, получающие большие выгоды от транзитной торговли, предпринимают усилия по получению культуры шелководства и начало его внедрения у себя.

Согласно Лубо-Лесниченко, «первые сведения китайских источников о продвижении культуры шелководства из собственного Китая на запад относятся к I и II вв. н.э. и связываются с оазисом Иу (Хами)- самым восточным в цепи оазисов Восточного Туркестана» [Лубо-Лесниченко, Китай на шелковом пути, с. 168]. «История династии Северная Чжоу (557-581) – «Чжоу шу» - продолжает исследователь, - указывает на существование шелководства в Гаочане (Турфанский оазис), где климат теплый, в течение года дважды созревают злаки, [условия] благоприятны для шелководства, много фруктов» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 168].

Эти сообщения, подкрепленные различными археологическими находками в Монголии, говорят о том, что правители и населения многочисленных оазисов Таримского бассейна, имеющие достаточный опыт участия в сверхприбыльной международной торговли шелком, обеспокоенные опасностью кризиса этой торговли из-за непрекращающихся дворцовых переворотов и междоусобиц, начали задумываться об обладания секретов шелководства и шелкоткачества у себя дома.

Известный буддийский паломник Сюань-Цзан, посетивший эти оазисы в 30-40 годы VII века приводит местную легенду о начале шелководства в Хотанском крае, - «прежде в Хотане не было тутовых деревьев, ни шелковичных червей. Соседние владения не хотели снабдить их. Владетель посватал одну княжну и ему дали слово. При свидании с невестой он сообщил, что в его владении нет шелковичных червей и поэтому надобно для своего одеяния взять шелковичных червей. Девушка спрятала яйца шелковичных червей в хлопчатую бумагу в шляпу, а начальник пограничной крепости не осмелился обыскать. С сего времени введено шелководство в Хотане. Девушка вырезала на камне условия не убивать шелковичных червей. Бабочки улетели, а из сырца изготовляли ткани» [цит. по Бичурин. 1950, т. II, с. 302, Сюань-цзан ?].

Среди исследователей распространилось мнение о том, что «в древнем Китае строго следили за сохранение тайны шелководства, осознанно оценивая свою роль монополиста продавца шелка (как сырца, так и тканей из него) во всем мире под страхом смерти, запрещалось его распространения за пределами страны». Это мнение, поддержанное со стороны большинства исследователей (Н. В. Пигулевская, Ф. И. Успенский и др.) не был принят специалистом Лубо-Лесниченко, который отвергает эту позицию. По его мнению: «Нам представляется, что эта точка зрения ни в коей мере не соответствует реальным фактам и исторической ситуации того времени. Так, в дошедших до нас законах эпохи Хань предписывается не вывозить из империи главным образом оружие и железо. Что касается грены, то они в указах не упоминаются. Наоборот, экспорт шелководства, судя по текстам, всячески поощрялся. Выше мы упоминали об образцовых чиновниках- правителях округов, которые, управляя на окраинах империи, в соответствии со своим конфуцианским мировоззрением видели свою задачу в том, чтобы научить «варваров» земледелию и

шелководству и тем самым поднять их до уровня «цивилизованных» людей» [Любо- Лесниченко, 1994, с. 173- 174].

На наш взгляд, предпочтительно выглядит позиция Е. И. Лубо-Лесниченко, так как медленному и неторопливому распространению шелководства на запад как «китайского секрета» была не негативная позиция древнекитайских императоров, а суровая военно-политическая ситуация в территории соединения внутреннего Китая с западными земледельческими государствами, включая оазисных стран Западного края (провинция Ганьсу) выступила основным препятствием. А стабилизация обстановки на этой территории и откочевка на далекий север «возмутителей спокойствия» гуннов позволил распространение шелководства в Таримский бассейн. На это утверждение косвенно указывает сообщение в «Истории Поздней Хань»: «Земли в Иу пригодны для посева злаков, а также для разведения шелковичных деревьев, конопли и виноградарства» [цит. по Любо- Лесниченко, 1994, с. 168]. По утверждению этого исследователя «к I-II вв. н.э.», т. е. после устранения опасности гуннских набегов уже можно рассматривать как начало продвижения культуры шелководства из собственного Китая на Запад и первым была оазисная страна Иу (Хами). В последующем сама оазисная форма сельского хозяйства, когда каждая небольшая страна конкурировала с соседней страной в специализации в конкретном рыночном товаре, каковым, в первую очередь, являлся шелк, возможно, разработала свою политику особой охраны секретов шелководства. Он допускает, что к появлению такого ошибочного восприятия могло бы повлиять «секреты производства китайского фарфора, оказавшие значительное влияние на умы европейцев XVIII в.» [Любо-Лесниченко, 1994, с. 175].

Продолжение дворцовых переворотов и внедрения разрешительной системы у самых «ворот» в внутренний Китай через несколько столетий также не останавливали этот международный караванный торговли. «О расцвете международной торговли на Шелковом пути в VI в., - пишет Любо- Лесниченко, - повествует «Записки о монастырях Лояна»: «От гор Цунлина (Памир) и далее на запад до страны Дацинь (Византия) из сотен стран и тысяч городов не было таких, кто не хотел бы прибыть сюда. Иноземные купцы и приезжие барышники день за днем стремятся к заставам... Тех, кто поселяется в столице, невозможно счесть. Все труднодоступные товары Поднебесной имеются здесь»» [Любо- Лесниченко, 1985, с. 96].

К концу этого периода в Поднебесной также набирали обороты централизаторские процессы, которые привели к созданию блистательной империи Тан, которая смогла превратится в торговую столицу мира раннего средневековья.

2.3. Расцвет шелкового пути во время квартета (Халифат, Китай, Каганат и Византия) (сер. VII в.- нач. XI в.).

Главной особенностью данного (третьего) периода развития Великого шелкового пути является «мировой парад религий», когда повсеместное распространение мировых религий- буддизма, ислама, христианства и других среди народов и племен,

расположенных на южной стороне этого торгового пути по всему периметру его функционирования привело к небывалому росту мировой торговли. Выход на авансцену новой религии- ислама (благоклонно расположенного к торговле) и его стремительное распространение арабами по всему маршруту этого международного торгового пути (даже растягивая его через всю Северную Африку и, порой включая Пиренейский полуостров); активное включение Тибета, взявшего на вооружение религии «бон» в борьбу с Китаем за контроль над восточной частью этого пути; усиление буддийского (индийского) научно- культурного влияния на Таримский бассейн и Китай; небывалой размах морской навигации от Южного Китая до Персидского залива, продолжение религиозно-культурное воздействия Византии на сопредельные земли и другие процессы и тенденции стали основной характеристикой этого периода.

Как было подчеркнуто в предыдущем параграфе в конце VI века Сасаниды при жесткой конкурентной борьбе с Византией (и с ее союзником Эфиопией) за контроль над морским маршрутом шелкового пути из Индии к Красному морю установили свой контроль над Йеменом, создав там своего наместничества (марзбанства). А в начале VII века Сасаниды ликвидировали вассальное арабское княжество Лахмидов (с его правителем ан-Нуманом), в столице которого создали также наместничества. Таким образом, к началу VII века усиления власти Ирана на южной, юго-восточной и восточной частью Аравии, а также жесткая торговая политика Византии по отношению к своим восточным провинциям, находящимся на северо-западной части Аравийского полуострова, привели в конечном счете к возвышению ее юго-западной части. Священный город западных арабов- Мекка, имеющий выход к северо-восточным берегам Красного моря, в равной степени удаленного от Византии и Ирана, стал играть самостоятельную роль на пересечении мировых сухопутных и морских путей.

«Мекка- пишет Большаков О.Г.,- представлявшая собой целый комплекс святынь, должна была пользоваться особым почетом. В сезоне паломничества (хаджа) сюда стекались десятки тысяч арабов из разных племен Западной Аравии. Обойдя Каабу и соприкоснувшись к ее священным камням, они посещали затем оба священных холма (если дело было в двенадцатом месяце, то совершали еще паломничество в Мину), а возвратившись, совершали жертвоприношение. Положение Мекки как комплекс святынь большого круга племен, защищенного статусом неприкосновенной территории, стечение массы во время паломничества- все это создавало особо благоприятные условия для занятия мекканцев торговлей. Началом расцвета приходится на середину VI в., когда господствующим родам племени курайш, населявшего Мекку, удавалось подкрепить свой религиозный авторитет системой договоров с бедуинскими племенами, которые получали долю доходов от участия в торговле курайшитов и за это обеспечивали безопасность их караванов» [Большаков, 1995, с. 103-104].

Огромная имущественная дифференциация между верхушкой торгового города и его простыми жителями привела к дисгармонии среди местного населения, а существующие языческие верования не могли найти ответы для поиска социальной справедливости. Ни христианство с запада (Византии), ни зороастризм с востока (Иран) не прельщали простодушных арабов и бедуинов. В таком уникальном положении дел создалось благоприятное условие для рождения местного пророка-проповедника новой религии.

В 42 году жизни (пр. 610 г.) курайшиту из аристократического рода хашим Мухаммаду (с) стали являться видения, которых он расценил как откровения. Согласно Большакову, - Многое из жизни Мухаммада подготовило его к трагическому восприятию обстановки в Мекке... Несмотря на принадлежность по рождению к мекканской верхушке, он, с

раннего детства оставшись сиротой, испытал, видимо, немало обид и затруднений. Только женитьба на состоятельной вдове изменила его положение в лучшую сторону, но и она не дала возможность стать вровень со своими дядями, двоюродными и троюродными братьями из богатых семей. Осознав вдруг себя глашатаем высшей силы, он словно ужаснулся слепоте своих соплеменников- мир идет к гибели, а они, вместо того, чтобы думать о спасении души, занимаются накоплением богатств, обирают сирот и бедняков, обмеривают и обвешивают покупателей, берут огромные проценты за деньги, данные в кредит.

Воскрешение мертвых и страшный суд, адские муки в огне, грозящие не раскаявшимся притеснителям-грешникам, и щедрое и райское вознаграждение богобоязненным, главная тема ранних проповедей Мухаммада...

Он указывал и выход- раскаяние, праведный образ жизни, помощь беднякам, сиротам и вдовам, вера в милосердие единственного и всемогущего бога, которого он называл в этих проповедях эпитетом ар-Рахман («Милостивый»), как во многих областях Аравии именовали верховное божество» [Большаков, 1995, с. 104]

Постепенно, но с трудом проповедь нового Пророка начали собирать его соплеменников, которых стали называть мусульманами («отданные служению богу»). Однако невосприятие и ожесточение его проповедям со стороны мекканской верхушки было огромное. Из-за ужесточения преследования часть мусульман перебрались в Эфиопию, с которой у города были давние торговые связи. Сам Пророк остался в городе под защитой своего рода (хашимитов), который хотя не был согласен, в основном, с его учением, но не дал своего сородичу в обиду другим родам. Однако потери близких людей в 619 году (год отмены бойкота его рода в городе) любимой жены Хадиджи и, в особенности, главы рода Абу Талиба осложнили ему жизнь. Только в 620 году паломники из города Йасриб, разобщенного из – за внутренних разногласий

многих родов, как арабских, так и иудейских общин, признали его авторитет и пригласили его к себе. «Весной 622 г.- пишет Большаков,- началось постепенное переселение мусульман из Мекки в Йасриб, завершившиеся тайным переездом Мухаммеда в сопровождении его ближайшего друга Абу Бакра. День 24 сентября 622 года (12-го числа месяца раби, третьего по мусульманскому летоисчислению), когда они прибыли в Йасриб (переименованного в Медину- «город Пророка»), стал поворотным пунктом в истории ислама, в года хиджры (т.е. разрыва связей со своим племенем и укрытия у другого) стал впоследствии отправной точкой мусульманского летоисчисления. С Мухаммадом переехало немногим больше 70-80 взрослых мужчин- курайшитов, которые стали называть мухаджирами (совершившие хиджру), большинство из них, бросив в Мекке дома и расставшись с торговлей, оказались без средств к существованию; кров и поддержку они получили у местных мусульман, которых стали называть ансарами (помощниками)» [Большаков, 1995, с. 106].

С этого момента началась борьба двух городов за политическое доминирование в Аравии. Прекрасно осознавая, что торговые караваны являются основным источником их богатства и могущества, происходили нападения на них с обеих сторон. За нападениями на торговые караваны последовали стычки с разными исходами. Тем временем постепенно пополнялись ряды мусульман.

Согласно Большакову: «В марте 629 г. Мухаммад с 2000 мусульман осуществил свое право хаджа а Мекку. Организованность и безусловное повиновение такой большой группы людей произвели большое впечатление у мекканцев. Наиболее дальновидным из них стало ясно, что будущее за Мухаммадом. Под впечатлением этого принял ислам лучший военачальник курайшитов Халид ибн ал –Валид.

Видимо, и сам Мухаммад по –новому ощутил свою значимость, так как к этому году мусульманские биографы относят отправку его посланий византийскому императору, сасанидскому царю, негусу (царю- М.А.) Эфиопии некоторым другим правителям. Тексты посланий, приводимые историками, содержат призыв принять ислам, чему трудно поверить, но в самом акте отправки каких-то посланий (скорее всего не самым государям, а наместникам пограничных областей) вряд ли приходится сомневаться» [Большаков, 1995, с. 109].

Через год 12 января 630 года мусульмане вошли в Мекку, с которого началось молниеносное распространение ислама по всей Аравии. Согласно Большакову.- этому успеху способствовало три главные причины. Во-первых, в 20-х годах VII в. в Аравии установился вакуум власти; на севере Византия и Иран четверть века были заняты войной друг с другом и не обращали внимания на арабийские дела, на юге Йемен был разорван на множество мелких владений и не имел сил для вмешательства в дела Центральной Аравии. Во-вторых, в Западной Аравии усилиями курайшитов была создана система союзов, обеспечившая единство интересов значительной группы племен: завоевав Мекку Мухаммад стал наследником этой системы. В-третьих, и это, быть может, самое важное, власть пророка, вознесенного над остальными людьми божеством, принимались свободлюбивыми бедуинами легче, чем завоевание вождем другого племени или иноземным царем: принимая ислам, они подчинялись не власти чужаков, а высшей, надплеменной и надчеловеческой власти» [Большаков,1995, с. 113].

Возможно, еще одним фактором стало то, что курайшиты Мекки, имевшие большой опыт торговых отношений со всеми соседями: Византией и Ираном, к этому времени окружающими их монополиями, искали и нашли то орудие (виде новой религии),

которое могло консолидировать всю Аравию в единое целое и позволить им выступить наравне с мировыми (торговыми) державами своего времени. Ключ к решению этого фактора, возможно, кроется в тайной встрече Абу - Суфйана, фактической главы города Мекки с Пророком, организованной при посредничестве дяди пророка Аббасом перед входом (взятием) города мусульманами (январь 630 г.

Во время стремительного распространения ислама по всей Аравии, весной 632 г. Мухаммад (с) совершил хадж, однако через два месяца (8 июня 632 г.) он внезапно заболел и скончался в возрасте 63 лет.

Мусульманскую общину, быстро разрастающуюся и обретающую начальные черты государственности, охватила растерянность, так как у Пророка не было сына-наследника и он не упоминал о преемнике. Остро встал вопрос о заместителе (халифе) Пророка, что развернуло дискуссию среди мухаджиров и ансаров, но благодаря инициативной поддержке влиятельного мусульманского деятеля Умара им (халифом) был избран близкий сподвижник Пророка Абубакр, сопровождавший его в Йасриб (позднее переименованного в Медину).

Если при правлении первого халифа Абубакра (632-634) были завоеваны арабские земли, находящиеся под властью Византии и Ирана, то во время правления второго Умара (634-642) и третьего Усмана (642-656) были завоеваны Сирия, Палестина, Египет, Месопотамия, Закавказье и Иран.

По мнению автора начала XX века,- «как религия, выросшая на почве исторической эволюции и отвечавшая религиозным и культурным потребностям своего времени, мусульманство, имело громадное влияние на судьбу самого православного христианского мира, так как распространилось по

тем областям, которые искони были христианскими и составляли достояние патриархатов Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского. Усилившись главным образом на счет областей, отнятых от империи, арабы составили громадную политическую и военную силу, которая приобрела мировое значение посредством развития флота, торговли и широкого распространения научных и художественных занятий» [Успенский, 1999, с. 512].

Правление четвертого халифа Али (656-661) ознаменовало собой борьбу за власть со многими претендентами за халифский престол, где выделялся наместник Сирии Муавия (сын Абу-Суфьяна, хозяина Мекки). Четвертый халиф скончался в результате смертельной раны от руки хариджита (представителя радикального течения раннего ислама) в мечети. Наместник Сирии вышел в передний план в халифате.

«Правление Муавии,- пишет исследователь,- закрепило многие изменения в структуре Халифата: перенос политического центра из Аравии в Сирию, расслоение общины и превращение ее в империю с господством народа-завоевателя. Для окончательного ее оформления не хватило только принципа наследования власти внутри одной семьи и создания собственного административно-фискального аппарата и собственной денежной системы. Муавия сделал многое в этом направлении: он укрепил власть в своем роду, объявив преемником своего сына Йазида, и начал пересмотр налоговых списков Северной Месопотамии и некоторые реформы в Египте.

Стабилизация внутреннего положения позволила начать завоевания в Индии, за Амударьей и на западе Северной Африки, с новой силой возобновились походы на Византию. Был создан большой арабский военный флот на Средиземном море, что поставило Византию в еще более сложное положение. В 674-680 гг.

армия под командованием Йазида обложила Константинополь с суши, а флот блокировал Дарданеллы; только применение новоизобретенного «греческого огня», уничтожившего арабский флот, спасло город от падения» [Большаков, 1995, с. 119].

Несмотря на то, что арабы были кочевым народом, однако их военные походы (несмотря на продолжения сбора военных трофеев) несколько отличались от набегов кочевников Великой степи на оседлые города и государства, расположенные вдоль шелкового пути. Об этом отличии сообщает исследователь: «Прежде всего приступить к военным действиям, арабы вступили в переговоры с городскими управлениями, предлагая им обсудить нижеследующую формулу, образец которой сохранился по случаю переговоров с Газзой (город в Палестине –М.А.): «Наш повелитель приказал начать с вами войну, если вы не согласитесь принять нашего закона. Присоединяйтесь к нам, будьте нам братьями (принимайте нашу веру- М. А.) и мы не сделаем вам зла. Если не захотите этого, платите нам дань, а мы будем защищать вас от тех, кто будет вредить вам. Если же и на это не согласны, то знайте, что мы будем вести с вами войну до тех пор, пока не исполнится воля Божия». Арабы сдерживали обещание и давали весьма щедрые милости тем городам, которые сдавались им без сопротивления» [Успенский, 1999, с. 533].

В итоге за короткое время (чуть более сто лет) арабам удалось распространить свою власть в обширную территорию, перевалив Пиренейский полуостров через всю Северную Африку на западе, а на востоке перешли на правый берег Сырдарьи. В 732 г. под Пуатье (южная Франция) франкскому ополчению под начальством Карла Мартелла удалось остановить вторжения арабов вглубь Европы, которые вернулись за Пиренеями, а в битве при Таласе (751 г.) объединенная армия китайцев и турок ослабила первоначальный натиск арабов вглубь степи.

«Второе десятилетие VIII в. –пишет специалист,- было апогеем политического могущества Халифата. Он достиг максимальных размеров, на его территории насчитывались 70-80 млн. жителей, гигантские суммы стекались в казну халифов, позволяя не только содержать огромную армию и флот, но и вести монументальное строительство. В это время восстанавливаются прибрежные города Сирии и Палестины, пострадавшие в предыдущим столетии, разрастаются новые военно- политические центры: Куфа, Басра, Фустат, Кайруван: в начале VIII в. к ним присоединяется новая столица Ирака, Васит. В городах возводятся монументальные мечети и дворцы наместников, сделанные мрамором и мозаиками, появляются замечательные архитектурные сооружения, как мечеть в Дамаске и «Купол скалы» в Иерусалиме. Скромные мечети Мекки и Медины заменяются богато отделанными зданиями, для строительства которых приглашали византийских мастеров. Каждый из халифов старается обзавестись собственным дворцом-поместьем на границе Сирийской пустыни и культурных земель» [Большаков, 1995, с. 123].

Переход стран и бывших провинций империи с христианским населением под власть мусульман не привело к массовому гонению за ними или ухудшению их социально-экономической жизни, на что указывают исследователи. По мнению немецкого исследователя Вейля: «В религиозном отношении христиане, переходя под власть мусульман, только выигрывали в свободе, ибо магометяне (мусульмане- М. А.) не вмешивались в их духовные дела, а что касается политической стороны, то верные раз данному слову калифы (халифы- М. А.) довольствовались очень умеренной данью, следствие чего мусульманское господство было гораздо мягче, чем власть императора, который в истинном смысле слова высасывал кровь из отдаленных провинций. Это обстоятельство объясняет ту

баснословную легкость, с какой завоеван был мусульманами Египет» [цит. по Успенский, 1999, с. 533].

Таким образом, за более одно столетие арабам удалось не только разгромить Сасанидский Иран и захватить Вароруд, Бактрию и Синд (северо-запад Индии), восстановить города Сирии и Палестины, пострадавшие от монопольной торговой политики Византии, после относительно легкого их завоевания, но и столкнуться с тюрками и китайцами за доминирование восточными маршрутами шелкового пути. Лучше всего дела у арабов шли на западе, где они продлили сухопутную караванную дорогу от Египта до Марокко, и даже, охватив через пролив (в судах) всей протяженности Пиренейского полуострова (с юга на север).

В Средиземноморье и на севере Индийского океана наряду с военным флотом начал курсировать и торговый флот арабов.

До арабских завоеваний Северная Африка долгое время была вотчиной финикийцев, греков, римлян, и наконец, византийцев (тех же греков), которые, не углубляясь вглубь материка (и пустынь) создавали, в основном, торговые (портовые) города- государства. А перед арабским вторжением эта часть римской империи также испытывала все бедствия Великого переселения народов, когда она стала, в основном, вотчиной свирепых племен вандалов из Европы, оставивших свой недвусмысленный след в истории. Затем прошла здесь армия Юстиниана огнем и мечом. А Египет, расположенный на самом северо-восточном уголке этого материка, со своей древней историей и культурой, несомненно, стоял особняком.

Арабские завоевания (647-703), вовлекая собой многочисленные бедуинских (возможно и туарегских) племен, привели к кардинальному изменению всех сфер жизнедеятельности людей. «В IX-X вв. страны Магриба (запад исламского мира- М.А.) представляли прежде всего как общество горожан. Города были средоточием социально-политической и религиозной жизни, определяли хозяйственный облик региона... Ремесленное производство находилось на довольно высоком уровне, особенно, изготовление тканей и ковров. Города Ифрикии (Северной Африки- М.А.) вывозили шелковые ткани, шерстяные плащи, льняную одежду, изделия из стекла, кожи и различных металлов» [Большаков, 2005, с. 225-226].

Однако в Северную Африку, для которой, ставшей периферией огромной Аббасидского халифата, из-за постоянной междоусобицы, начатой впоследствии непризнания смены династии в халифате, противостояния суннитов и шиитов, а также последующих нашествий сахарских кочевников (Альморавидов и Альмохадов), была присуща, в основном, большая напряженность. Поэтому предпочтительно было двигаться морским путем в торговом флоте халифата.

Тем временем, Византийская империя стремительно теряла абсолютно большинство своих восточных провинций, но мобилизовала свои силы для защиты своей столицы, бассейна Черного моря и Балкан.

Множества исторических факторов вскоре выступили серьезными препятствиями в сохранении монополии универсальной власти византийской империи в западном мире:

первое, вечная вражда между Римским папой и Константинопольским патриархом (поддержанном византийским императором), выступающим идеологическим препятствием сохранения единства Европы под византийским управлением;

второе, возвышение арабов, которые под лозунгом распространения новой веры – ислама, отторгли от империи все малоазиатские и североафриканские провинции и усиливали давление на политический центр империи – город Константинополь;

третье, продолжение мощного передвижения народов и племен на северной границе империи, требуя от нее больших затрат на обеспечения безопасности всей империи;

четвертое, усиление франкской державы Каролингов, выступающей с претензий на императорский титул на западной части бывшей римской империи.

пятое, торговый флот североитальянских республик постепенно шаг за шагом стали проникать во все порты Средиземноморья и Черного моря, тесняя византийский флот.

Результат исследования, проведенный В.К. Рониным ярко демонстрирует эволюцию статуса Византии за период с V по IX в. в глазах его современников, - “Византия, в глазах у Григория Турского (европейский хронист середина VI в. – М.А.) - эта мировая держава, имеющая свои интересы во всех уголках Европы и способная “побуждать” (inpellentibusmissisimperialibus) местных правителей к исполнению своих требований...

Начиная с середины 830-х годов (после признании византийцами в 812 г. Франкского короля Карла Великого императором и василевсомсо стороны Византии. – М.А.) многие авторы вообще зачастую отказывают византийцу в императорском титуле, называя его “princepsConstantinopolitanus” (принцепс Константинополя – М.А.), “rexGrecorum” (король Греков- М.А.), “rexConstantinopolitanus” (король Константинополя- М.А.), “rexBizantinus» (король Византии – М. А.) (ср. в Ксантенских анналах: “Отправлены нашим императором послы к королю греков в Константинополе” [Ронин,1986, с.86-92].

Несмотря на ощутимые потери на западе, Византия была еще мощной державой в восточной части Европы, которая вместе Средиземноморья постепенно сделала Мраморное и Черного морей своим “внутренним водоемом”. Столица империи- Константинополь из-за свего стратегического местонахождения и изобретения “греческого огня” несколько раз избегал морской и сухопутной осады со стороны арабов и других народов, нередко появляющихся у стен этого неприступного города. Как сообщает исследователь,- “Не только в деле под Константинополем с арабами в 672 и следующих годах, но и во все срединие века до изобретения пороха знаменитый греческий огонь играл важную роль в войнах Византии и не раз спасал империю в крайней опасности” [Успенский,1999, с.549].

По мере снижения активности византийской морской навигации и торговли в западной части Средиземноморья, там наряду с арабским торговым флотом постепенно возвысились североитальянские морские республики со своим мощным флотом. Одной из них была великолепная Венеция.

Венеция была в числе западных земель Византийской империи, которая благодаря торговым привилегиям в имперских портах постепенно усилилась и в начале IX в. стала играть значительную роль в ее западной политике. После падения военно-гражданского наместничества -Равеннского экзархата (756) и подчинения Лангобардского королевства (774) франкскому государству Каролингов, Венеция, находящаяся на стыке этих двух могущественных государств Европы, приобрела особый статус. По мнению исследователя, - «Покровительствуемая за свою верность императорским флотом и имея торговые привилегии для своих купцов, которые плавали по всем морям империи и вели прибыльную торговлю с восточным приморскими городами Венеция очень ясно понимала свои выгоды и хорошо определяла свои отношения к западному и восточному императорам. Организуя итальянское управление, Карл Великий (основатель Священной римской империи – М.А.) не мог не уступить Венецию некоторых торговых преимуществ в Италии, но, когда прекратились сношения с Византией, он сделал распоряжение о том, чтобы венецианским купцам был запрещен доступ в области прежнего экзархата (Равеннский экзархат на северо-востоке Италии – М.А.)»[Успенский,1999, с.708].

Несомненно, что борьба двух могущественных государств запада (Византии и королевство Каролингов) повлияло на внутривосточную обстановку в Венеции, городская элита которой разделилась на две части. Религиозная часть, которой, безусловно, тяготела к папству и франкам, а светская часть, представленная, в основном, купечеством, стремилась сохранять тесные (торговые) связи с Византией.

В результате общественных катаклизмов во внутривосточной жизни богатого купеческого города Италии, куда активно вовлеклись как византийский флот, так и армия франкского королевства, город, в конечном итоге (809 г.) был захвачен королем франков Пиппином (Короткий). Византия не могла смириться с потерей своего богатого города на западе империи и начались интенсивные переговоры. Преемник Пиппина на франкском троне Карл Великий, пребывающий в Ахене, согласился уступить город Венецию (вместе с Истрией и Далмацией) взамен за императорский титул. Соответствующий договор был подписан в 812 г. в городе Ахене, от которого, в конечном счете, выигрыше оказался Венеция. Согласно мнению специалиста, - «Но самый большой выигрыш выпало на долю третьих лиц: Ахенский мир особенной статьей гарантировал границы и торговые права Венеции. Эта статья в последствии постоянно повторялась в договорах с римскими императорами германской нации (священная римская империя – М.А), она касалась Истрии и Фриуля и берегов Адриатики от Равенны и Комаккио до Анконы, где венецианцам представлялось право свободного передвижения в торговыми целями под условием платы незначительной пошлины» [Успенский, 1999, с.710]

Наличие мощного торгового флота у Венеции возвысило ее роль в военных экспедициях новой западной империи, которые могли десантировать, в основном, ее сухопутную армию в ее морских пределах. Данное обстоятельство позволило Венеции вести самостоятельную политику по отношению двум Западным империям.

«Находясь в формальной зависимости от Восточной империи и имея определенные договором отношения к западной, Венеции достигла теперь почти полной самостоятельности во внутреннем управлении и начала приобретать громадное значение как единственный посредник в торговых делах между отдаленным Востоком и Западом. Скоро затем для политического и церковного роста Венеции оказало немаловажное значение совершенно исключительное обстоятельство, именно перенесение мощей евангелиста Марка из Александрии в Венецию. Во время управления дожа (руководителя Венеции – М.А.) Юстиниана в 819 г. венецианское торговое судно, находившиеся в Александрии, прибыло к берегам Венеции с упомянутыми мощами, и со всей осторожностью это ценное приобретение было перенесено в дом правительственных учреждений. На площади Венеции, рядом с дворцом дожей по завещанию того же Юстиниана начата постройка знаменитая базилика священного Марка, патрона Венеции, которая стала национальным памятником и палладиумом Венеции» [Успенский, 1999, с.711].

Таким образом, Венеция во главе с другими североитальянскими торговыми республиками (Генуя, Флоренция и т.д.) и наряду с византийскими купцами выступила не только восстановителем римской морской торговли, но и активным участником морской части шелкового пути. Эти торговые республики, наращивая свой торговый флот, стали постепенно

доходить и берегов Крыма, тем самым сделали бассейн Черного моря самым оживленным местом мировой морской торговли.

В качественно новых условиях, когда Арабский халифат раскинулся на пространстве трех континентов, он не мог в государственном управлении опираться на традиции кочевого (или оазисного) управления племен, поэтому произошел новый переход политического центра от Дамаска (политического центра Сирии, бывшей одной из восточной провинций Рима/Византии) ближе к г. Ктесифону (бывшему центру империи Сасанидов) Куфу. Новая династия Аббасидов (от имени дяди Пророка Аббаса), пришедшая к власти (вместо Умейядов), в основном, благодаря деятельной поддержки восточных земель империи (Иран, Хорасан и Бактрия) в 750 г. построила новую столицу халифата- Багдад (762-763) рядом с бывшей столицей Сасанидов (с его былой славой). Эта династия восстановила и взяла на вооружения имперскую традицию государственного управления иранцев, в итоге халифат из арабской империи превратился в общемусульманской державы.

Согласно мнению специалиста, -«Иранцы, вошедшие в ближайшее окружение халифов, принесли с собой многие традиции сасанидской государственности и возродили некоторые ее институты. Так, рядом с халифом появляется фигура вазира - главы административного аппарата- аналога сасанидского везира- фрамандара. Первыми визирями Аббасидов становятся Бармакиды. Потомки Бармака, верховного жреца храма в Балхе. Обособление гражданской администрации повлекло за собой создание специальной канцелярий, диванов, с многочисленным штатом, занятым перепиской с провинциями между собой, регистрацией, составлением отчетов. Складывается влиятельный слой чиновничества, считающего себя главной опорой государства и успешно соперничающего с военной знатью» [Большаков, 1995, с. 125].

Возвышение новой столицы-Багдада мусульманской империи на перекрестке торговых путей и стекание сюда огромных финансово- материальных ресурсов (в виде налогов, добычи от войн и набегов) превратил города наряду с Чанъаню и Константинополем, в один ряд из мировых процветающих городов того времени. Отсюда уходили торговые караваны до Марокко и Андалусию (через всю Северную Африку на запад), до Чанъаны (столицы Танской империи), до городов Северного Кавказа (городов берегах Волги на севере), до Йемена (на юго-западе), а товары южных караванов в городах Сираф, Басры и других перегружались в корабли и отправлялись в Индию, Цейлон (Тапробана), Явы и Китай (до портов Гуанчжоу). Оттуда они возвращались с бесчисленными грузами, включая товаров для «престижного потребления», где шелк удерживал свою главенствующую роль. Перечень всех мыслимых и немыслимых (экзотических) товаров, перевозимых как сухопутных, так и морских по всему маршруту этой легендарной дороги прекрасно описан в классической книге Э. Шефера «Золотые персики Самарканда».

Как мы анализировали выше, отношение молодого государства (Арабского халифата) по отношению к могущественным соседям было жестким. Это противостояние было похоже на «молодого и очень амбициозного бойца» с двумя «опытными, но чрезмерно уставшими в борьбе с друг- другом бойцами». После первых «проб сил», когда при Ярмуке (636) были разгромлены византийцы и при Кадисии (636) и Нехавенде (642) иранцы одна армия (западная или сирийско-египетская) арабов быстро завоевали Сирию, Палестину и североафриканские провинции Византии. Вторая (восточная или иранская), уничтожив Сасанидский Иран, захватив Верхнюю Месопотамию, двигаясь в Дербент (древняя ворота прикаспийского шелкового пути) и

овладели все небольшие закавказские государства. После поражения при Йармуке император Ираклий не думал о больших сражениях, а только укреплял обороноспособность своей столицы, которая выдержала две осады арабов. А последний сасанидский шахиншах Ирана Йаздигурд III скончался под Мервом, а наследник престола Пероз отправился в империю Тан для получения поддержки от его императора для продолжении войны с арабами. Из-за удаленности расстояния Танский император не оказал содействия иранскому наследнику престола.

А Дербент, ставший одним из городов нового государства-Хазарского каганата (в обломках Тюркского каганата) был завоеван позднее ((в 737 г.) после разгрома хазарского хакана со стороны армии последнего халифа из династии Умайядов Марвана II (744-750).. Остатки хазар переносили свою столицу на север - г. Итиль на берегу Волги.

Благо то, если к началу функционирования шелкового пути предшествовал (санкционированный) западный поход императорского посланника Чжан Цяна, «отца-основателя» этого торгового пути, то к началу третьего этапа его функционирования свое (самостоятельное) путешествие в Индию (629-645 гг.) совершил буддийский монах Сюань-цзан. Его замечательный труд «Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи)» дает нам уникальные сведения согдийцах, бактрийцах и других, расположенных на маршрутах этого международного торгового пути, наряду с другими народами. Главная цель данного труда этого знаменитого путешественника было описание страны распространения буддизма, количество монастырей и монахов, а также буддийские течения, ритуалы, реликвии, а также деяния правителей по распространению этой религии и многое другое. В нашем случае можно вычлпнуть ценные сообщения о политико-экономической ситуации, этнопсихологии и повседневной

деятельности населения более полусотни стран, через которых проходил этот странствующий монах.

Когда путешественник Сюань-цзан, продвигаясь в Таримском бассейне на запад, проходит через Тянь-Шань на его северный склон, то описывает большую страну, «от Чистого Озера» (Иссык-Куль- М.А.) прошел на северо-запад около 500 ли (кит. мера расстояния «ли»- ок. 0,5 км.- М.А.) и прибыл в город Сушэшуй (городище Акбашим вблизи г. Токмак Киргизстана- М.А.). Город в окружности 6-7 ли. Здесь проживают попеременно торговцы из разных стран, а также хусцы (согдийцы- М.А.). Земли пригодны для выращивания просо, пшеницы, винограда. Рощи- с редкими деревьями. Климат ветреный и холодный. Жители носят шерстяную одежду. К западу от Сушэ- несколько десятков разрозненных городов. В каждом городе сидит правитель, и хотя они не подчинены один другому, но все они вместе подчинены туцзюэсцам (тюркам- М.А.) .

Земли от города Сушэшуй до Цзешуанна (Железные ворота на границе Согды и Бактрии- М.А.) называются Сули (Согд- М.А.), так же называют и жителей. Письменность и язык имеют такое же название. Исходные знаки письменности просты. Изначально- около 30 звуков речи; меняясь местами, они порождают другие, и так постепенно расширяется словарь. Их записи примитивны; читая вслух тексты, учитель передает знания ученикам; таким образом они сменяют друг друга и традиция не прерывается. Нижняя одежда -из кожи, войлока и шерсти, верхняя- из кожи и войлока; подола носят короткие. Стригут волосы, оставляя обнаженное темя, или же бреются наголо. Узорной лентой повязывают лоб. Люди высокого роста, по натуре робки. Их нравы испорчены, они весьма склонны к вероломству и в большинстве своем жадны. И отцы и дети помышляют о выгоде, богатство – в большом почете. Между знатыми и простолюдинами с виду нет разницы- несмотря на большие богатства, они одеваются и питаются очень просто. Земледельцев и торговцев здесь поровну» [Сюань-цзан, 2012, с. 40].

Хотя странствующий монах, выбравший отшельнический образ жизни, нелестно отзываясь об их повседневной занятости (“и отцы и дети помышляют о выгоде”), другими словами, занимаются торговлей, то он косвенно информирует нас о том, что огромная страна (“от города Сушэшуй до страны Цзешуана”- от Чуйской до Кашкадаринской долины (граница Согдианы и Бактрии)) имеют одинаковую повседневную деятельность (земледелия и торговля, которая могла охватить и ремесло). Оно также свидетельствует о том, что тогдашний Согд, выходя из своего географического месторасположения, расширялась северно и северо-восточном направлении по маршруту шелкового пути.

Особо отметил путешествующий монах также о доминирующей роли города Самарканд- политического центра Согдианы, который пишет- “ Страна Самоцзян (Самарканд- М. А.) в окружности 1600-1700 ли (ок. 800-850 км. –М.А.). С востока на запад вытянута, с юга на север узкая. Столица в окружности около 20 ли (ок.10 км.- М.А.) , основательна укреплена. Жителей много. Дорогие товары из разных стран во вножестве стекаются в эту страну. Земли влажные, тучные, благоприятные для выращивания злаков. Леса густые. Цветов и фруктов в изобилие. Много выводят хороших лошадей. Искусством своих ремесленников стрын выделяется среди других. Климат мягкий и умеренный. Нравы дикие. Хуские (согдийские, включая колонии - М.А) страны считает эту страну центральной и подражают ей в правилах поведения и понятиях о справедливости. Их царь храбр и мужественен. Держит в подчинении соседние страны. У него сильная пехота и конница и среди воинов много чжэцзесцев (из окрестностях города? – М.А.). Чжэцзесцы по характеру исключительно храбры; они бесстрашны перед смертью, и нет им равного противника”[Сюань-цзан, 2012, с. 42].

Обширная поэтапная колонизация земель, находящихся к востоку от Согда, начавшееся, как было рассмотрено в предыдущих разделах (1.3) с «антидэвовской реформы» Ксеркса, ахеменидского шахиншаха (V в. до н.э.), приведших к массовому переселению иранцев из северо- восточных сатрапий Ахеменидской державы (в первую очередь, из Согда и Бактрии) была продолжена и усилена различными факторами. Сюда можно перечислить и переселение часть согдийцев во времена мощного их сопротивления во главе с Спитаменом против Александра Македонского (IV в. до н.э.), началом сверхприбыльной международной торговли шелком (IIв. до н.э.), а также гонениями на сторонников манихейства (III в. ?) и маздакидов (V в. ?) в Сасанидском Иране и сирийцев- несториан в Византии (IV в. ?),

когда многочисленные преследуемые попадали в Согд и дальше на восток (в Хафтруд, Таримский бассейн и просторы Великой степи). Эта колонизация закончилась к времени арабского вторжения, а наоборот, оно спровоцировало новую, более масштабную волну переселений на восток.

«Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западно-тюркского каганата,- пишет современный исследователь, - была создана с участием согдийцев, весьма рано начавших создавать свои торгово-земледельческие колонии на Великом Шелковом пути- в Семиречье, Джунгарии, Восточном Туркестане, Северном Китае. В V-VII вв. интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас («страна Аргу» тюркских источников), Чу и Или привела к созданию там десятков городов и укрепленных поселков. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно, в Чуйскую долину, приходится на VII-VIII вв. Поселения этого времени частично вскрыты раскопками. Это были большие города, не уступавшие по размерам большинству раннесредневековых городов Средней Азии. Их центральная часть состояла из цитадели и плотно застроенного шахристана. К шахристану примыкал рабад (ремесленно- торговое предместье) и обнесенная стенами территория усадебной застройки; укрепленные усадьбы- кёшки, окруженные садами и виноградниками, отстояли друг от друга на 50-100 м. Прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами.

Только в Чуйской долине в VI-VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных согдийцами, тюрками, сирийцами, персами» [Кляшторный, 2004, с. 103].

Наличие 18 крупных городов только в одной узкой долине ярко свидетельствует о том, каких размахов достигла согдийская колонизация сопредельных территорий.

А в описании Бактрии/Тохаристана буддийского паломника уже доминирует описание “привичных вещей”- буддийская тематика, хотя и здесь он невольно затрагивает торговые дела- “для торговли используют золотую, серебрянную и другие монеты, иного образца, чем в других странах” [Сюань-цзан, 2012, с. 44].

В описании одной из областей Бактрии, принявшей новое название Тохаристан, Бамиана (кит. Фаньяна) также (наряду с буддийской темой) имеется сообщение Сюань-цзана о торговых делах “ по прибытию и отбытию торговцы вызывают небесных духов, исправившая предзнаменований. Если знамения недобры, меняют свои намерения и молятся снова, чтобы их умилоствить” [Сюань-цзан, 2012, с. 49].

Тщательный анализ реального беспристрастного очевидца повседневной жизни людей в двух крупных регионах (Согдиане и Бактрии/Тохаристане) проживания предков таджиков показывает, что на северной части (в Согдиане) было больше развито торговоремесленного и земледельческое дело, чем на юге (в Бактрии/Тохаристане), где религиозная жизнь (особенно, буддизм) имеет особое место в повседневной жизни населения

В древней Согдиане арабы встретили мощное сопротивление, которая к этому времени со своего традиционного местонахождения в центральной части Вароруда, установив тесные связи с своими торгово-земледельческими колониями в бывшем Кангдеже (в среднем течении и низовье Сырдарьи), Хафруде, Джунгарии и оазисах Таримского бассейна и опираясь на военную поддержку Тюркского каганата, превратилась в мощную торговую державу.

Согласно одному из исследователей XX века,- «...Вместе с тем согдийские купцы торговали с далекими странами. Согдийские колонии раннего средневековья известны в Семиречье, Синьцзяне и даже в более далеких районах Китая. Согдийцы ходили в тюркские степи, добирались до двора византийского императора. Они торговали согдийскими изделиями, но главным их делом были посредническая торговля. Они держали в своих руках торговлю шелками, предметами роскоши между Китаем и западными странами, они играли немалую роль в политических событиях того времени» [М. М. Дьяконов, 1956, с. 121]

На наш взгляд, крупнейшее антиарабское восстание согдийцев (728-732 гг.) имеет ряд факторов:

1. Согдийцы не могли смириться разрушением статус-кво, когда они фактически были хозяевами обширной торговой империи, простирающей с правого берега Амударьи (ок. Бухары) до Монгольских степей.

2. Согдийцы, будучи в тесном союзничестве с тюркскими каганами, могли организовать упорное сопротивление против новых завоевателей.

Образование централизованного государства Тан в Китае во времени опередил созданию Арабского халифата. Согласно современному исследователю,- “ Бывшему наместнику суйского двора в г. Тайюань, Ли Юаню, провозгласившему себя в 618 основателем династии Тан, и его сыну Ли Шиминю удалось стабилизировать положение и к 628 г. полностью подавить восстания и мятежи. Именно при этой династии (618-907) складываются тот тип имперского управления, который вплоть до нового времени оказывал большое влияние на всю политическую систему Китая” [Бокщанин, 1995, с.158].

Централизация власти, реформа во всех сферах жизнедеятельности людей, включая государственное управление, введение государственных экзаменов для госслужащих, земельная и военная и т.д. страна быстро стала в ногу и превратилась одной из центров мировой экономики и торговли.

Империя Тан возродила практику империи Хань по созданию наместничества и военно-поселенческих центров в Западном крае (в Таримском бассейне).

Тан также возродила ханьской традиции дипломатии «дальнего действия», когда отправляются дипломатические миссии не только в соседние, но и в дальние страны, также принимаются посольства или торгово-дипломатические миссии со всего населенного мира. Широкому распространению дипломатических связей не оказала отрицательное влияние также традиционная древнекитайская концепция «Поднебесная центр мира, окруженного варварами четырех сторон», которая ставила китайского императора выше всех во международной властной иерархии, а подарки иностранных дипломатических миссий воспринимались как завуалированная форма дани. Вероятно всего,

большинство иноземных посольств, особенно, из дальних стран, не вникая в глубинную сущность данной внешнеполитической доктрины, размышляющих в первую очередь, о выгодной торговой сделке внешне принимали данный китайский церемониал.

Емкую и точную характеристику периодов господства прославленной империи Тан в Китае дает известный исследователь Эдвард Шефер:- «Седьмой век для Китая был столетием завоеваний и колонизации. Сперва семейство Ли свергло правившую Китаем династию Суй и расправилось с другими столь же честолюбивыми претендентами на трон. Затем были подчинены восточные тюрки (на территории современной Монголии), государства Когурё и Пэкче (ныне Маньчжурия и Корея) и, наконец, западные тюрки, владельцы прежних городов-государств Сериндии (т.е. Восточного Туркестана). Китайские гарнизоны, размещенные на завоеванных землях, обеспечивали постоянный приток оттуда в Китай людей и товаров. Почти на всем протяжении это было столетие низких цен и экономической устойчивости, которая стала возможной благодаря раздаче земельных наделов крестьянам и установлению новой системы твердых налогов- знаменитого тройного обложения, которое состояло из налога зерном, вносившегося каждым взрослым мужчиной, семейного налога, взимавшегося с каждого хозяйства шелковыми тканями или льняным полотном (их ткали женщины; частично этот налог выплачивали также шелком-сырцом или коноплей), и отработок, когда опять-таки мужской состав семьи нес трудовую повинность на общественных работах. Это было столетие подвижности, когда переселенцы в огромных количествах двигались в области, составляющие современный Центральный и Южный Китай. Их влекла на эти неустроенные земли не только надежда на удачу и. может быть, богатство, но и стремление избежать призывов на военную службу, наводнений и набегов варваров. Это был век социальных перемен, на протяжении которого новая провинциальная знать из южных областей Китая- с

помощью системы государственных экзаменов- ложилась в политическую силу, противостоящую старинной знати северных областей Китая с ее традиционными связями с тюркской культурой. Эти сдвиги достигли высшей точки в последних десятилетиях VII в.- во времена императрицы У и ее недолговечной империи Чжоу. Это был век широкого проникновения индийской культуры, когда буддийская философия вместе с достижениями индийской науки в астрономии, математике, медицине и филологии пронизывали высшие слои китайского общества. И, наконец, это был век, когда вкус ко всякого рода иноземной роскоши и диковинам и мода на них из придворных кругов начали проникнуть в широкие слои городского населения» [Шефер, 1981, с. 20-21].

Близкое ознакомление с известным трудом (“Записки Западных стран...”) знаменитого монаха Сюань-цзана дает нам богатую пищу о том, что если на западной части шелкового пути наблюдался стремительное распространение ислама в седле арабского скакуна, то в его восточной части обнаруживаем массивированного, в то же времени мирного “вторжения” буддизма с его философией и научными достижениями из Индии в Китай через Бактрию и Таримского бассейна. Внедрение государственных экзаменов для кандидатов в госслужащих в империи Тан вступило толчком к повсеместному расширению системы образования в стране. Данное обстоятельство актуализировал вопрос обладанию новыми достижениями в различных областях науки как в стране, так и за его пределами.

В этом деле выдающую роль играл вышеупомянутый монах Сюань-цзан, который несмотря на императорский указ Тайцзуна (основателя династии) о запрете на пересечения границ империи, совершил паломничество в Индию и возвратился оттуда большой буддийской литературы, охватывшей также достижения индийской мысли в математике, астрономии, медицине и т.д.

Согласно современному исследователю,- “Он привез с собой огромное количество текстов, в том числе 224 сутры, 192 шастры, 15 канонических текстов школы стхавира, 15- школы самматия, 22- школы махисасака, 67- школы сарвативада, 17- школы кашьяпия, 42- школы дхармагуптака, 36 экземпляров “Хетувидьяшастры” и 13 – “Шбадавидья- шастры”. Все эти книги были погружены на 20 лошадей. Также он доставил на родину шесть драгоценных статуй и 150 частиц мощей Будды ” [Сюань-цзан,2012, с. 13].

По возвращении в Чанъань знаменитый монах обращается к императору о помилования (за самовольный отъезд из страны), попутно рассказывая о целях и дипломатических успехах своей поездки. В итоге он не только получает помилования, но и аудиенции у императора, который после отказа монахом принять высокую должность, создает условия ему для переводческих работ той литературы, привезенной им самым из Индии. Император, впечатленный широким кругозором, образованности и уникальности его путешествия, оказывает ему покровительство, приглашая его на многочасовые беседы. Данное обстоятельство вдохновляет и других буддистов совершит путешествие-паломничество в Индию (по суше и по море).

Расширение влияния буддизма в Китае описывает современный исследователь:- “буддизм в конце VI-IX в. продолжал оказывать огромное влияние на идеологию и культуру Китая. Императорское правительство до середины IX в. поддерживало буддизм, пытаясь использовать его для укрепления своего престижа. Обрядовая практика буддизма вошла в повседневную жизнь широких слоев. Продолжалось паломничество в Индию. Помимо Сюань-цзана и И-цзина там только в конце VII в. побывало 37 паломников, а вслед за И-цзином отправилось 56 его учеников. Однако даже в период своего расцвета буддизм в Китае не смог стать безраздельно господствующей идеологией, здесь сыграли

роль и стойкость конфуцианской традиции, и сопротивление даосизма. Увеличение числа монахов, земельных владений и богатств буддийских монастырей сокращало доходы казны и толкало власти на ограничение деятельности буддистов. Переход в монахи контролировался и сдерживался, делались попытки сократить количество деревенских храмов и кумирен. В 845 г. были конфискованы имущество ок. 45 тыс. монастырей и храмов, расстрижено много монахов. Несмотря на гонения, позиция буддизма оставались достаточно прочными” [Бокшанин, 1995, с. 172].

Еще одной особенностью данного периода является усиление роли древней религии бон и деятельность бонских жрецов по централизации власти в Тибета и его активное вовлечение в борьбу за контроль над торговыми маршрутами шелкового пути.

Тибет (высокогорная провинция Китая), “страна снежных гор”, разделенного от начального маршрута шелкового пути массивными горными хребтами (в основном, Кунлунь) в данном этапе развития этого мирового торгового пути не остался, как прежде в стороне, а активно включился в конкурентную борьбу.

Природно-ландшафтное описание Тибета дается современным исследователем,- “Обширное Тибетское нагорье, отделенное от окружающих низменностей высокими хребтами-Куньлуном с севера и Гималаями с юга,- посередине разделено Трансгималайским хребтом, представляющим естественный рубеж между сухими степями северного плато и живописными речными долинами реки Цанпо (Брахмапутры) и ее притоков. Высокогорная равнина, примыкающая с юга к Куньлуно, -пустыня, не населенная и по наше время. Южные, по склонам горных хребтов, идут травянистые степи, где возможно овцеводство, а еще южнее, по берегам рек, издавна бытовало земледелие. Северная пустыня и

Гималайский хребет преграждают доступ в Тибет с севера и с юга. Поэтому Тибет заселялся с запада и с востока.

На западе, в верховьях Инда, с незапамятных времен, создавали свои поселения земледельческие племена- моны и дарды. По расе, языку и культуре эти племена были близки к народам Северо- Западной Индии и Памира” [Гумилев, 1969, с. 153-154].

А традиционная тибетская (буддисткая) литература сообщает о появления тибетцев от обезьяны и демоницы, “Когда-то давно, а то необычное время, когда был Тибет и не было тибетцев, божественные бодхисатвы (святые- М.А.) Манджури, Авалокитешвира и Виджрапани сошлись вместе, чтобы выяснить, как продвигается великое дело спасения от страданий всех живых существ. Манджури вспомнил о пустынной стране к северу от Гималаев, которую следовало бы заселить людьми и сделать в будущем главным оплотом великого учения Шакьямуни (буддизма- М.А.). Но где взять людей? Жители родины Шакьямуни не смогут жить в стране высоких, суровых гор и глубоких долин. И сказал Манджури: “в Тибете нет людей, но есть демоны мужского и женского рода. От демонов рождаются только демоны. Если кто-то из нас станет обезьяной-самцом и будет жить с горной ведьмой, то это положит начало заселению Тибета”. И вот милосердный и сострадальный Авалокитешвира , который был покровителем пустынной и незаселенной людьми страны снегов, стал обезьяной-самцом по имени Даг Ринпо (Мужчина- Чудовище) и начал жить с горной ведьмой, которую звали Даг Ринмо (Женщина- Чудовище ущелья). У них было три сына и три дочери, от которых и произошли жители Тибета” [Кычанов, Савицкий, 1975, с.199].

А племена цяны (или кяны), проживавшие в соседние земли от Тибетского нагорья (верховья Хуанхэ, Ганьсу и т.д.) были известны китайским дворцовым хронистам, которые описали их места расселения, образ жизни и т.д.

“Цяны не имеют постоянных жилищ, а перекочевывают с места на место, смотря по воде и траве. У них мало родится хлеба, а питаются скотоводством. Определительных названий не имеют. Часто имя отца или прозвание матери служит названием поколений. По прошествии двенадцати колен дозволяется вступать с однородцами в брачное родство. По смерти отца женятся в мачехах, по смерти старшего брата берут за себя овдовевших невесток, почему у них ни вдовцев, ни вдов не бывает. Разделяются на множество поколений. Не имеют ни государя, ни министров и не признают единовластия над собой. Если которое поколение умножится, то отделяют от себя новые роды. Если ослабевает, то присоединяется к другим поколениям, и, несмотря, на родственные связи, грабят друг друга. Уважается телесная сила. За убийство положена смертная казнь; других законов не имеют” [цит. по Богословский, 1962, с. 22].

В период после распада империи Хань и до образования империи Тан сообщения о них (цяны) отсутствуют в китайских дворцовых хрониках.

Сложность определения происхождения древних тибетцев осознает специалист-тибетолог,” Проблема происхождения современных тибетцев довольно сложна и в настоящее время еще полностью не разрешена. Ядро тибетского народа составили племена цян, о которых на протяжении нескольких столетий сообщают китайские источники. В формировании современных тибетцев немалую роль сыграли соседние народы, что можно проследить уже при рассмотрении антропологических типов

тибетцев, а также автохтоны. Вопрос об автохтонах на территории Тибета весьма интересен и почти не освещен в исторической литературе, однако их существование и значительное влияние на последующее развитие тибетского народа не подлежит сомнению. Об этом свидетельствуют различные легенды, топонимика, некоторые религиозные верования” [Богословский, 1962, с. 21].

Отсутствие сведений о древних тибетцах в китайских хрониках и письменных источниках соседних народов, имевших письменность, создают значительные трудности в исследовании этого народа, игравший важную роль в VII- IX вв. в истории шелкового пути наряду с Китаем и Халифатом.

Один из вариантов первоначальной идейно-политической жизни тибетцев приводит исследователь, - “Долгое время тибетские племена жили родовым строем, не общаясь с внешним миром. Наконец, внешний мир обратил на них внимание: с запада, из Гильгита, в Тибет вторглась черная вера бон и овладела умами и душами, а с востока пришла сяньбийская дружина и покорила тела и сердца. Тогда Тибет изменил свой облик, и произошло это так.

Некогда, до появления буддизма, в стране Шаншун (Гильгит) учитель Шэнрабмибо проповедовал новую религию... Мир, по представлениям этой религии, состоит из трех сфер: небесной области-богов, земной области-людей и нижней- водяных духов. Сквозь три эти вселенные прорастает мистическое мировое дерево, и оно является путем, по которому вселенные сносятся друг с другом. Общение осуществляется путем мистерий, совершаемых жрецами, принявшими посвящение. Жрецы, кроме того, гадают, колдуют и заклинают, вызывая болезни и непогоду. Все это требует высокой квалификации, и поэтому “бонская религия тяжела для изучения”. Священная книга бона была написана Шэнрабмибо на языке “тагзиг” (очень близко к этнониму “точик”- М.А.) и

переведена на другие языки. Это весьма отдалило бон от примитивных генотеистических культов, чуждых прозелитизму. Бон проповедовался и распространился, кроме Тибета, по склонам Гималаев и в Юго- Западном Китае. Время появления бона в Тибете уходят в глубокую древность... ”[Гумилев, 1969, с. 156-157].

Как было подчернуто выше (гл.1, 1.2.?) тибетолог Б.И. Кузнецов время появления религии бон связывает в “Антидэвовской реформой” ахеменидского шахиншаха Ксеркса. Он также добавляет,- “Тибетский историк Тараната (XVII) сообщает в своей «Истории буддизма», что царь Ксеркс (V в. до н.э.), именуемый в этом сочинении как Шрихарша (иран. Хшоярша), устроил в один день грандиозную и поголовную резню всех жрецов, хранителей традиционных культов. Мы не будем здесь касаться причин, побудивших Ксеркса так поступить. Нам важно отметить, что с этого момента, начинается распространение традиционного маздеизма как на запад, так и на восток. В хотанских хрониках есть указания на то, что задолго до начала нашей эры, там появлялись какие- то иранские проповедники.

Иранская культура начинает интенсивно распространиться к югу от Хотана, в стране Шаншун (современный район Тибета) на рубеже нашей эры, когда часть иранских племен была отрезана гуннами от Семиречье и оттеснена к Шаншуну. С этого времени в стране начинается процесс формирования местной своеобразной цивилизации, с преобладающим влиянием иранской, сохранившейся у северных тибетских племен вплоть до нашего времени. В тоже время единственными путями, связывающими Шаншун и Тибет с Ираном становится надолго пути через Памир” [Кузнецов, 1975, с. 299].

Если проникновение некоторых иранских народов и племен (вероятнее всего бактрийцев, согдийцев и саков-юечжи) в пределы Тибета (точнее его в западных окраинах) происходило до начала (или в самом начале) функционирования шелкового пути, то появления племен сяньби в его пределах связано с глобальным процессом Великого переселения народов. В танской хронике “Цзю Тан шу” дается сообщение о начальном периоде создания тибетской государственности,- “Лилуку (правитель сяньби- М.А.) умер, Фаньни (сын правителя- М.А.) был еще молод, и власть унаследовал Житань, младший брат Лилуку. Фаньни стал командующим войсками в Аньси. В первый год девиза царствования Шэнь-гуй династии Хоу Вэй (414 г.) Житань был погублен... Фаньни собрал оставшихся людей и подчинился Цзюйцай Мэнсюня (?), получив должность тайшоу в Линьсуне. После гибели Мэнсюня Фаньни собрал людей и увел их на запад, перейдя Хуанхэ за Цзиши (?), и основал государство среди цянов, территория которого простиралась на тысячу ли. Фаньни властвовал милосердно, но потому его полюбили все цяны. Он привел их всех под свою власть” [цит. по Кычанову, 2005, с. 29].

Однако, на наш взгляд, данное государство (цяно-сяньбийское) Фаньни было одним из 17 или 20 “княжеств”, о которых сообщают буддийские источники, междоусобица которых продолжалась до VII века. В начале века централизованное Тибетское государство выходит в мировую арену, наряду с империей Тан и исламским Халифатом. Религия бон, наряду с другими особенностями, с сакрализацией царской власти в Тибете (как один из вариаций маздеизма) стал в один ряд с исламом, христианством и буддизмом для завоевания сердца своих адептов. Однако в современной науке идет дискуссия среди специалистов (тибетологов и востоковедов) о происхождении этой религии, так как существуют различные версии от шаманского до буддистского или маздеистского корня [Бураев, 1998, с. 30-57].

Согласно одного из ведущих тибетологов России,- “В верования тибетцев западная струя пришла задолго до воцарения Сонцен Гампо (самый известный правитель Тибета). Как сообщает источники, при восьми первых правителях династии Ярлун появились “бон могильщики” (одна из ветвь в религии бон- М.А.), знавшие обряды погребения убитых мечом (кинжалом), они пришли из Кашмира, Гильгита и Шаншуна. Второй импульс, верований с западе связан с многочисленными легендами о Шэнрабе, родившемся в местности Олмо рунрин (Олмо-ру) страны Шаншун... или в стране Тазиг (возможно, имеется ввиду Бактрия или Согдиана, населенные таджиками ?- М.А.), отождествляемый с Ираном” [Кычанов, 2005, с. 43]. Другой известный специалист также подчеркивает важность западных (дипломатических) связей Тибета,- “довольно прочные связи существовали со страной шангшунгов (Шаншун, западная часть Тибета Китая- М.А.), с Тру-ша (Гильгит). Откуда, согласно преданию, пришли в долину Яр-лунга шаманы бон, так называемые боны могильщики (dur-bon) к двору легендарного цен-по (правителя- М.А.) Три-кума. Согласно же «Сказание о царях», приглашенные боны пришли также из страны А-ша (царство Тогон или Тугухунь на востоке Тибета-М. А.). ” [Богословский, 1962, с. 33].

Вероятно всего, ко времени возвышению Тибетского государства государство Шаншун распространился далеко на восток (до священной горы Кайлас), так как к времени объединения Тибета его границы на западе доходили до этих гор (т.е. до истоков р. Цанг-по), “где находилось независимое в то время государство шанг-шунгов” [Богословский, 1962, с. 35].

Наличие особых отношений между Тибетом и государством Шаншун, откуда пришларелигия бон говорит о том, что тибетцы, усилившись, предприняли усилия по завоеванию этой страны. В 645 г. был завоеван Шаншун и 656 г. Вахан, после чего они установили контроль над Болором (Гильгитом). Однако завоевание этих земель привели к жесткой конфронтации с империей Тан, так как из двух стратегических “горных горловин” (Вахан и Алай) один попал в руки нового конкурента.

К моменту выхода Тибета в внешний мир на востоке первоначально на его пути стояло государство Тогон (или Тугухунь), который среди прочего, также контролировал стратегический Ганьсуйский (или Хэсийский) коридор, по которому внутренний Китай связывался с Западным краем и остальным миром сухопутным путем. Новая империя Тан хотела решить беспрепятственного передвижения по этому коридору с использованием брачной дипломатии, т.е. заключения договора “о мире и родстве” (или хэ цинь). Эта практика стала внедряться и широко использоваться с эпохи династии Хань со с могущественными соседними государствами.

Во время непростых китайско-тогонских и китайско-тюркских отношениях в 634 г. к двору империи Тан пребывает первое посольство Тибета, который устанавливает двусторонние отношения. Но уже второе тибетское посольство, вникшийся в особенности китайской традиционной дипломатии, также хочет установить отношения “мира и родства”, т.е. просить для своего ценпо (правителя или императора) руки китайкой императрицы. В отличие от тюркского и тогонского сторон, тибетцы получают отказ. Согласно мнению российского специалиста, “можно думать, что отказ был обусловлен не столько тем, что тибетцы воспринимались как менее сильный и занчительный притивник в делах с западными и юго-западными соседями Китая, а тем, что

принцессу отдавали замуж по договору, “о мире и родстве”. А предмет для заключения такого договора между танским Китаем и Тибетом не было: между двумя государствами состояние войны, после которого заключается мир (хэ). Мир венчал брак (цинъ). Не было состояние войны-не было и переговоров о заключении мира. Не имело место заключение-отсутствовало и важнейшее условие для получения иноземным правителем в жены принцессы из китайского правящего дома” [Кычанов, 2005, с. 38-39].

Данный отказ танского двора, видимо, послужил не только поводом начала войны за китайскую принцессу, но и ложился тяжелым бременем в их двусторонние отношения, так как отмечает исследователь, “...145 лет из примерно 200 лет контактов китайской династии Тан и вышедшего на арену мировой политики Тибета было состояние войны” [Кычанов, 2005, с. 65].

В середине VII века, когда после покорения Шаншуна и Вахана, тибетская армия, поворачивая на северо-восток, вторгается в города оазисы Западного края. Таким образом, к началу и середине следующего (VIII) веков в Западном крае (включая, Хафтруда и Ферганы) сложилась драматическая ситуация, так как к тюрко-китайскому противостоянию в этом крае, активно включаются Халифат и Тибет.

«В 714 г. война Тибета с Китаем разгорелась с новой силой, она возобновилась большим рейдом тибетских армий на Линьтао-Ланьчжоу с выходом на р. Вэй (один из притоков р. Хуанхэ – М.А.). В 716-717 гг. тибетцы атакуют границы Тан на территориях нынешних провинций Сычуань и Ганьсу. В это время на западе они действуют заодно с арабами. Они помогают арабскому полководцу Кутейбу ибн Муслиму захватить Фергану. Правитель Ферганы Башак бежал ко двору Тан. Гибель Кутейбы и рейд китайских войск в Фергану, возможно, вернули Башаку на время власть над Ферганой. Американский исследователь Ч. Беквит пишет: «Значение того, что случилось в 715 г. не было понять в то время. С точки зрения китайцев династии Тан, арабы были еще очень далеким и поэтому сравнительно незначительным народом. Арабы, кажется, понимали, что они достигли границ империи Тан, но в тех обстоятельствах они не отдавали себе отчет в том, что это значит. К сожалению, фрагментарность источников не позволяют нам даже приблизительно догадываться о том, как тибетцы смотрели на эти события. Но невзирая на неспособность этих сторон понять их значение, события 715 г. ясно показали, что был достигнут верстовой столб евразийской истории. Арабы с запада, китайцы с востока и тибетцы с юга – эти три великих экспансионистских государства ранней средневековой Азии сошлись одной точке»» [цит. по Кычанов, 2005, с. 51].

Некоторые исследователи появления мускуса в исламском мире (в Багдаде) приписывают к налаживанию арабско-тибетских дипломатических сношений.

В дальнейшем наблюдается противостояние Тан и Тибета на Памире, стратегически важном участке шелкового пути. В 736 г. тибетская армия вторгается в Гильгит (столицы Балтистана) и война завершается с династическим браком, когда местный правитель берет в жену тибетскую принцессу. Укрепление влияния Тибета в этом горном регионе не отвечает интересам империи Тан и его двор мобилизует заместителя наместника Кучи генерала Гао Сянь-чжи, корейца (главнокомандующий китайской армии при Талаской битвы), который восстанавливает китайский контроль в этот горном регионе.

Однако последующее поражение империи Тан в Таласской битве и восстания Ань-Лушаня (согдийского генерала в китайской службе) в Китае привели ослаблению самой империи и упадка ее влияния в Западном крае. Здесь соперничество возгорается между Тибетом и новым Уйгурским каганатом. «Резко изменились отношения и с арабами. Арабы, бывшие до сих пор союзниками тибетцев, стали с опаской смотреть на военные успехи тибетцев в Центральной Азии. В 787 г., в разгар наступления тибетцев в Синцзяне китайцы попросили помощи у арабов в борьбе с Тибетом. Харун-ар-Рашид в 798 г. отправил посла в Китай для организации совместного выступления против Тибета, сковав более половины тибетских сил, арабы дали возможность китайцам в 802 г. провести ряд успешных военных наступлений» [Богословский, 1962, с. 57].

Состояние дипломатической и торговой связей Таньской империи с Уйгурским государством после подавления восстания Ань-Лушаня имеет для нас особый интерес. Для изучения этого вопроса помогает статья К. Маккераса, который пишет: «Эта торговля установилась в 760 г., т.е. сразу после подавления мятежа Ань Лушаня. Инициаторами ее были уйгуры, и она по сути являлась скрытой формой получения громадных компенсаций за помощь, оказанную танскому императорскому дому при

подавлении мятежа Ань Лушаня. Уйгуры ежегодно пригоняли определенное количество лошадей, которые обменивались на шелк из расчета 40 кусков на одну голову» [цит. по Малявкин, 1983, с. 232]. Этот автор приводит сообщение суньского посла Ван Яньдэ, посетившего Турфанского княжество в 981-983 гг., что хорошая лошадь оценивалась в этих местах в 1 кусок шелка. «В 787 г. было достигнуто соглашение, согласно которому ежегодно уйгуры должны были пригонять не более 1 тыс. лошадей. Однако эта договоренность постоянно нарушалась, и уйгуры часто пригоняли значительно большее количество. Так, например, в 809 г. в Чаньань сразу было пригнано 6500 голов, в обмен за которые властям пришлось выдать 250 тыс. кусков шелка. Нередко власти были не в состоянии расплатиться полностью за пригнанных лошадей и оказывались задолжниками» [Там же, с. 232]. К. Маккерас подсчитал, что за время с 744 по 840 г., только по сведениям, имеющимся в источниках, в обмен за лошадей уйгуры получили 1 892 000 кусков шелка. [Там же, с. 232]. Другими словами, данная торговля была по существу завуалированной формой контрибуции за помощь уйгуров в подавлении мощного мятежа в Танской империи.

Безусловно, многолетнее противостояние народов в Западном крае, особенно, в узкой “горной горловине” (Вахане и Алае) не могло не выступить мощным толчком в развитии морского сообщения по шелковому пути. В Китае появляется поговорка “лошади на севере, а лодки на юге” (или “корабли на юге, а кони на севере”), которая год за годом усиливается.

Специалисты морской тематики особо подчеркивают развитость морского дела у арабов, которые совместно с иранцами и другими народами, с древнейших времен освоили всю побережью Эритрейского моря (северо-запад Индийского океана), многочисленные порты которых расположились от Эфиопии на западе до восточных берегов Индийского полуострова, включая и Цейлон. Освоение муссонных ветров позволили иранцам и арабам доплыть до Южного Китая, которая в той поры была еще землей варваров.

Согласно мнения одного из исследователей,- “Факты экономической и политической истории Востока в эпоху древности и раннего средневековья рисуют яркую картину развитой морской деятельности в доисламской Аравии. С другой стороны, ясно, что выдающаяся роль древних арабов и история навигации должна была основываться и на высоком уровне связанной с парусным мореплаванием астрономической науки. Действительно, практическая астрономия была хорошо известна бедуинам с древних пор благодаря и личным наблюдениям в пустыне, и освоению совместно с финикийцами культурных достижений угасших цивилизаций Востока” [Шумовский, 1959, с. 142].

Стремительное завоевание мира арабами проходило не только через пустыни, т.е. сухопутным путем, но и с использованием морских средств передвижения. Если доарабской эпохи к нам доходили отголоски редких морских путешествий по Индийскому океану с выходом в Тихий океан до берегов Китая, то в исламский период морское (торговое) сообщение становится не только регулярным, но и масштабным. Если в предыдущей эпохе морские сообщения, начиная от Тонкинского залива (совр. Ханой) через Индокитай попадали в бассейн р. Ганг, а через него сухопутным путем связывался с портами в устье р. Инд, то теперь

морские суда, двигаясь муссонными ветрами через Тапробана (Шри-Ланки), как переволочная (и опорная) база и, огибая Индустанский полуостров целиком, переходя Индокитай, попадали в южные порты Танского Китая.

Несомненно, что арабы начали освоения морей с первых годов создания халифата, что подтверждается словами одного из исследователей морской тематики:- “Отсутствие военного флота, сделавшее невозможным захват Эфиопии с моря, вторично почувствовалось между 636 и 641 гг. В этом пятилетии из Персидского залива были посланы четыре морские экспедиции на Восток. Организаторами их были халифские полководцы ал-Ала ибн ал-Хадрами и Усман ибн Абу-л-Ас ибн Башар ас-Сакафи, периодически сменявшие друг друга на посту наместника в Бахрейне... Две из организованных ими экспедиций, возглавляемые братом наместника Усмана ал-Хакамом ибн Абу-л-Асом, в 636 г. совершили военный рейд к берегам Индии, в Тану и Бхарукаччу. Третья, под руководством другого брата, Мугиры ибн Абу-л-Аса, была послана в Дайбул в устье Инда. По видимому, это были разведывательные походы, имевшие целью выяснить возможность присоединения важных районов морской торговли к разрастающемуся государству халифов и установить возможную илу сопротивления арабскому вторжению. Быстрых и ощутимых результатов эти рейды на слабовооруженных кораблях не дали для покорения Синда, которое завершилось почти столетием позже, и для проникновения арабского влияния в Индию гораздо большую роль сыграли традиционные морские связи арабских купцов с портами северной и восточной части Индийского океана.

Захват далеких территорий военными средствами с моря давал в руки арабов обладание узкой прибрежной полосой. Удаленность от метрополии делала это обладание непрочным. Наоборот, мирное проникновение в чужую страну с торговыми целями делало каждый порт с активным балансом в пользу арабских купцов плацдармом для бескровной экономической экспансии, расширявший в пользу халифского государства рынок сбыта и состав импортируемых товаров. Материальное содержание этой экспансии, естественно, довлело над формой, религиозная проповедь отступила на задний план пред экономическими целями” [Шумовский, 1959, с. 147].

Безусловно, арабы не могли не заботиться о навигации по Красному морю, находящееся в непосредственной близости к “сердцу” Аравии, куда среди прочего доставлялись, в первую очередь, продовольственные товары для первого политического центра халифата. Согласно сообщению этого исследователя: “Житница древнего Средиземноморья и Передней Азии- Египет- был важным приобретением для пустынной Аравии. После недорода в Хиджасе (оазис в западной Аравии-М.А.) вызвавшего в 641 г. голод по приказу Омара (второго халифа арабов- М.А.) был восстановлен древний канал Нилом и Красным морем, и 29 кораблей сразу же доставили в столичный порт Дхар 60 тыс. ардабов (= 118 620 гектолитров) зерна.

Египетский хлеб продолжали вывозить по этому каналу- кратчайшему и дешевому пути- в Аравию до 718 г. После этого он пришел в запустение, а при аббасидском халифе ал-Мансуре (754-775) был закрыт из-за опасения перед возможностью проникновения византийского флота в Красное море. Это же опасение заставило Омара еще в 40-х годах VII в. отвергнуть проект Амра ибн ал-Аса (командующий западной армией халифата- М.А.), который первым в истории человечества предложил идею прорытия Суэцкого канала от Фарамы на Средиземном море до

Занаб ат-Тимсаха на озере, тяготеющем к Красному морю ” [Шумовский, 1959, с. 149].

Этому грандиозному проекту по соединению Средиземноморья с Красным морем не было суждено было реализоваться вовремя, так как Византия, проигрывая сухопутные сражения, нередко брала вверх в морских баталиях. Поэтому первые халифы не могли думать о безопасности священных городов (Мекку и Медины) всего арабского Халифата, так как столичная гавань Джар, куда бесперерывно поступали продовольствие и предметы роскоши для правящего дома, могла быть уязвимым перед византийским военным флотом. Поэтому в скором времени столичная гавань Джар в Красном море уступила свое место портам халифата в Персидском заливе, где арабы наряду с иранцами, выступили преемниками сасанидского мореплавания в далекий Китай.

Вот как описывает переход первенства в морской торговле от Красного моря к Персидскому заливу Шефер,- “С VII- IX в. Индийский океан был богатым и безопасным бассейном, заполненным парусниками самых разных народов. Аравийское море находилось под контролем мусульман, и когда при Аббасидах столица Халифата была перенесена из Дамаска в Багдад, связанный с Персидским заливом рекой Шатт- эль- араб, торговля с Востоком стала весьма процветающей. Арабский город Басра был ближайшим к Багдаду портом, но большие корабли не могли подниматься до него по реке. Ниже Басры, уже на берегу залива, находился старый порт Убуллах, служивший еще царям Ирана. Но самым богатым городом Персидского залива был Сираф (на восточном побережье, ниже Ширази). Своим процветанием этот город был целиком обязан торговле с Востоком, а его главенство среди портов Персидского залива сохранилось до 977 г., когда Сираф был разрушен землетрясением. Население города состояло

главным образом из персов, но и были там и арабы-искатели жемчуга, и не боявшиеся риски купцы из Месопотамии и Омана, появляющиеся, чтобы раздобыть судно для путешествия в Индию и Китай. Упадок Сирафа был бедствием для торговли с Дальним Востоком, которая сократилась еще раньше, после разрушения Басры и Убуллаха в 870 г. восставшими рабами из Африки.

Из этих портов отчаливали суда разных народов, но укомплектовывались они персоязычными командами: персидский язык служил *lingua franca* (языком международного общения-М.А.) на Южных морях, точно так же как согдийский – на караванных дорогах Центральной Азии” [Шефер, 1981, с.26-27].

Таким образом, как мы наблюдаем, что центр торгового флота Халифата было концентрировано, в основном, на Персидском заливе и Индийском океане. Бассейн Средиземноморье стал местом концентрации, в основном, военного флота халифата, а также местом многочисленных морских сражений между ними и различных военных конгломераций и конфигураций, когда прибрежные арабские государства воевали между собой, призывая византийский флот на подмогу. А уникальное местонахождение Константинополяузком (Босфорском) проливе на допускало арабский флот к Черному морю, которое играло роль “внутреннего водоема” Византийской империи.

Согласно мнению специалиста морской тематики, “Арабская средиземноморская навигация последующих веков в значительной степени пыталась накопленной инерцией, однако обслуживание экономических потребностей мелких государств Средиземноморья и постоянные перевозки паломников позволили ей, уже в несколько иных формах, дожить до прихода турок, которые в сравнительно короткий срок перехватили инициативу в свои руки” [Шумовский, 1959, с. 163].

Многие специалисты отмечают, что в танском периоде в морской торговле преобладали персидские и индийские суда, а собственно китайские суда не плавали в дальние расстояния.

Как сообщает Э. Шефер: « Морские торговые суда, заполнявшие в танскую эпоху порты Китая, назывались среди китайцев, пораженных их величиной, по разному: «корабли Южных морей», «корабли западных стран», «корабли варваров-маней», «малайские корабли», «сингалезские корабли», «корабли брахманов» и особо, « персидские корабли». Что же касается китайских судов, то они, вне всяких сомнений, не совершали в это время долгих и опасных путешествий в Сираф. Большие парусники, предназначенные для океанских плаваний, появились в Китае только несколько столетий позже, при династиях Сун, Юань и в начале Мин». В танскую эпоху китайские путешественники отправлялись на запад на чужеземных кораблях» [Шефер, 1981, с.27].

Такого точки зрения придерживается и другой исследователь,- «Анализ материалов и источников -пишет исследователь,- привел нас к выводу, что ранее X в. сами китайцы не плавали на своих судах ни в Индию, ни в Персидский залив и что вообще ранее X в. они не плавали дальше Суматры и Явы» [Вельгус, 1987, с. 34].

Из ряда портовых городов танской эпохи, к которым после долгого плавания причаливались торговые суда, исследователи выделяют город Гуанчжоу на юге Китая. Согласно Шеферу,- «Но среди всех городов Юга, в которые стекались иноземные торговцы, не было города более процветающего, чем Гуанчжоу-крупный порт, называвшийся у арабов Ханфу, а у индийцев- Чина». Гуанчжоу был тогда пограничным городом, на краю необжитых

тропиков, населенных дикарями и страшными животными, опасными болезнями. Приятная сторона такого расположения порта состояла в изобилии апельсинов, бананов, баньяна, и орехов личжи. За время правления танских императоров он превратился в чисто китайский город, несмотря на то, что большую часть его двухсоттысячного населения составляли «варвары...

Многие из приезжих селились в иностранном квартале Гуанчжоу, расположенном по повелению императора в стороне, к югу от реки, для удобства многочисленных представителей разных стран и народов, которым приходилось оставаться в городе для ведения дел или в ожидании благоприятного ветра. Они управлялись специально назначавшимся старейшиной и пользовались некоторым правом экстерриториальности» [Шефер, 1981, с.30].

Первые признаки экстерриториальности в зарубежных странах среди путешественников и купцов стали очерчиваться в их расселение в религиозных учреждениях той религии, к которой они относились. Поэтому в танской эпохе наблюдается построения в столице на севере Китая и на юге в портовых городах наряду с буддийскими храмами, “дом огня” зороастрийцев, церкви манихеев, несторианцев, мечети мусульман и т.д.

О многочисленности приезжих купцов и моряков из западных стран в Гунчжоу свидетельствует даже такой негативный случай, как пиратский набег, состоявший из арабов и персов, в город в 758 год, когда “они изгнали правителя, разграбили склады, сожгли постройки и ушли морем, видимо в пиратскую гавань на острове Хайнань” [Шефер, 1981, с.31].

Возможно, после этого случая императорский двор стал назначить в этот город “ревизора торговых судов”, который стал еще одной серьезной проблемой, так как баснословные прибыли, коррупция и злоупотребления давали этим чиновникам такую власть, что некоторые из них бросали вызов даже трону [Шефер, 1981, с.31]. Идентичный случай мы наблюдали ранее в случае с правителями Пальмиры в составе Римской империи.

Однако процветанию города был нанесен тяжелый удар из-за одного из многочисленных мятежей в последние годы империи Тан, “в 879 г. предводитель мятежников Хуан Чао ограбил город, перебил купцов-иностранцев и уничтожил тутовые рощи, кормившие червей-шелкопрядов- источник сырья для главной отрасли китайского экспорта. Все это вызвало глубокий упадок благосостояния и престижа города, от которого, несмотря на кратковременное оживление в конце IX в., Гуанчжоу никогда не смог оправиться полностью” [Шефер, 1981, с.32].

От этого портового города до столицы города Чаньань (находящийся в Северном Китае) были несколько путей, как речной, так и сухопутный через горные перевалы, по которым строились добротные дороги. Среди многочисленных городов Центрального и Южного Китая выделялся город Янчжоу. «В VIII в. Янчжоу был жемчужиной Китая. Люди мечтали с честью завершить свои дни, умерев в этом городе. Богатствами и красотой город был обязан своему расположению у места слияния реки Янцзы, вбиравший в себя все реки центральных областей Китая, с Великим каналом (китайцы называют его Рекой Перевозок), по которому изделия со всего света доставлялись в большие города Северного Китая. Не случайно здесь находилась резиденция императорского чиновника, ведавшего государственной монополией на соль- очень важной фигуры. Купцы из стран Азии собирались здесь, на большом и оживленном перекрестке всей сети

водных путей танского Китая, откуда все товары, привозившиеся китайскими и иностранными судами, направлялись по каналам на север... Кроме того, Янчжоу был центром банковских операций и торговли золотом в стране, так что банкиры играли в его жизни не менее важную роль, чем купцы... Словом, это был шумный деловой город, где деньги текли рекой. Но Янчжоу был и ремесленным центром, славившимся своими прекрасными изделиями из металла, особенно, бронзовыми зеркалами, своими войлочными шляпами, модными среди молодых людей Чанъани, своими шелковыми изделиями, парчой...

Вполне естественно, что иностранные купцы заводили здесь свои лавки. Известно, что число их было весьма значительным: толпы мятежников во главе с Тянь Шэнь-гуном убили несколько тысяч арабских и персидских предпринимателей, когда в 760 г. разграбили Янчжоу» [Шефер, 1981, с.34-35].

Несколько мятежей, охватившие различные области империи во времени начала ее упадка, многократно разграбивший этот город, в конечном итоге привели к его упадку.

Среди городов Северного Китая, несомненно, выделялись две- Лоян и Чанъань, долгие времена выполняющие роль политических центров различных династий Китая. Они были «средоточие политической власти, местопребывание знати, где истинный знаток книг или великий воин ценились гораздо больше, чем удачливый купец. Из двух великих столиц Лоян стоял рангом ниже, по количеству населения он тоже был вторым городом империи: в нем жило более миллиона человек. Лоян берег свои священные тысячелетнее традиции, не уступая почета и славы даже Чанъани, а духовная атмосфера, пропитавшая его, была более умеренной и утонченной, чем его западной соперницы... Огромная торговая площадь- Южный рынок- занимала два квартала (фан), где

были сосредоточены 120 базаров-рядов, специализировавшихся на продаже какого-то одного вида изделий, и тысячи отдельных лавков и складов. Для иноземцев, ведших здесь дела, имелись постоянные храмы для иноземных богов, в том числе три храма Священного Огня (зороастрийцев- М.А.), что свидетельствует о существовании в Лояне персидской колонии» [Шефер, 1981, с.36].

Каждого купца или паломника-путешественника, который прибыл в (западную) столицу, прибывшего морем и через сеть каналов и рек попавшего в него или караванным путем через гор, пустынь и оазисных городов, прибывшего сюда, сильно впечатления оставлял размеры самого крупного города того времени. «Со своими без малого двумя миллионами податного населения Чанъань была десять раз более многолюдным городом чем Гуанчжоу, расположенный на другом конце этой длинной сети рек и каналов. Пропорционально этому было больше и число иноземцев, живших в столице. Но здесь международная прослойка по своему составу была совсем иной, чем в южном порту. В столице жили главным образом выходцы с севера и с запада- тюрки, уйгуры, тохаристанцы, согдийцы, тогда как Гуанчжоу наполняли жители Тяма (район совр. Вьетнама- М.А.), кхмеры (камбоджийцы- М.А.), яванцы (жители острова Явы совр. Индонезии- М.А.) и сингалезцы (один из народностей совр. Шри-Ланки). Но, правда, и в Гуанчжоу и в Чанъани жили много арабов, персов и индийцев. В целом иранское население были многочисленным. Танское правительство даже имело Ведомство сартхаваков (буквально, «погонщиков караванов»), чтобы блюсти их интересы» [Шефер, 1981, с.37].

Наличие специального ответственного правительственного ведомства, которое регулировало деятельность караванной торговли, где доминировали согдийцы, которых “с удивлением разглядывали японские паломники”, свидетельствует о важности данного вида международной торговли для Танской империи.

Здесь необходимо подчеркнуть, что В. В. Бартольд предполагает, что именно из этого санскритного термина “сартхавак” (“sarthavaha” или “sarthabaha”), означающий “погонщик караванов” берет начало название “сарт”, который впоследствии, выходя из узкого понятия “купец”, стал нарицательным именем всего оседлого городского населения Вароруда. Согласно его мнению, “в турецкой литературе XI века встречается слово “сарт” (также “сартбау”- М.А.), но не в качестве народного названия, но как нарицательное имя, в смысле “купец”... Монголы в XIII в. употребляли образованного от этого корня слова «сартак» и «сартаул» в смысле «таджик» и «мусульманин», причем называли “сартаками” не только иранцев, но и турок-мусульман. Отуреченные потомки монголов в Туркестане (Вароруде- М.А.) в конце XV века употребляли слово «сарт» в смысле «таджик», противопоставляя язык и литературу сартов языку и литературе турок»[Бартольд, 1927, с. 18-19].

На наш взгляд, название «сарт», появлявшийся примерно одновременно с этнонимом “точик”, выходя из узкопрофессионального назначения, распространяясь на представителей иранязычного оседлого и городского населения, пережило эпоху шелкового пути и дожило до начала XX века. Оно, положительно дополняя этнонима «точик», одновременно подчеркивало его традиционный образ жизни, а также его культуртрегерскую функцию.

Несомненно, что Чанъань в VII – IX вв. была мировой столицей, так как ни одна столица того времени не могла конкурировать с ней. Город Константинополь – столица Византии (как и Рим) продолжал испытывать в себе издержки все еще продолжающегося переселения народов, когда многочисленные европейские и азиатские племена (германские, аланские, аварские, славянские, болгарские, арабские и много других народов) не только продолжали опустошать различные провинции империи, но и в союзе с арабами многократно осаждали саму столицу. Данное обстоятельство не могло стимулировать мирный рост города и увеличение популяции городского населения столицы (как восточной, так и западной империи).

А арабский халифат после многочисленных смен своего политического центра (Медина, Куфа, Дамаск) только в середине VIII в. стал обустривать свою новую столицу город Багдад на новом месте, поэтому потребовался еще три или четыре столетия чтобы он приобрел лоск, утонченность и великолепия, чтобы люди начали говорить «В Багдаде все спокойно!» и задумчиво слушать сказки из цикла «1001 ночей». Багдад ждал своего звездного часа.

Столица упорного противника Китая Тибета Лхаса («Обитель Богов») из-за удаленности и труднодоступности от других очагов цивилизации не мог составить конкуренции не только Чанъани, но и другим столицам империй того времени.

А Самарканд-столица Согдианы, направляющая до сих пор свою излишнюю энергию в свои многочисленные колонии в Хафтруде, Таримском бассейне и другие земли, в это время мучительно перестраивала свои отношения с новыми сюзеренными- арабами, которые жестко пересекали религиозный плюрализм согдийцев, которым терпимо относились бывшие

союзники тюрки. Данное обстоятельство не стимулировало, а сковывало энергию роста этой легендарной столицы.

Чанъань не имел других серьезных конкурентов, поэтому если какой-то город раннего средневековья хотел бы бросить ему вызов, то он был бы только китайским (Лоян и т.д.).

Чанъань в VII-VIII вв. превратилась в мировую столицу, которую так красиво описывает Шефер: «тут были в изобилии буддисты из Индии; немало и священнослужителей разных религий из Ирана- маги, для которых в 831 г. заново отстроили маздеистский храм в Чанъани; несториане, которых в 628 г. почтили возведением церкви; манихеи, представившие в 694 г. двору свое необычное учение. Тюркские князьки пытались понять, какими путями приходят сюда драгоценности из Омана, а японские паломники в удивлении разглядывали погонщиков согдийского каравана. Каких только народов и профессий не было в этом пестром круговороте! И каждый такой путешественник привозил с собой в Китай экзотические вещи- или как посольские подарки, или как товары на продажу, или, как наконец, просто как свое личное имущество. А в ответ некоторые, вроде согдийского купца, назначенного наместником Аннама (провинция в юго-востоке Китая- М.А.), находили здесь почет. Другие наживали богатства, как еврейский купец из Омана, который привез из Китая вазу черного фарфора с золотой крышечкой, внутри которой были «золотая рыба с рубиновыми глазами, наполненная мускусом самого лучшего качества. Содержимое вазы стоило пятьдесят тысяч динаров». Третьи (видимо более непритязательные) приходили сюда в поисках мудрости, как это произошло со знатными тибетскими юношами, которых отцы послали за правильными истолкованиями китайских классических сочинений» [Шефер, 1981, с.24-25].

Купцы-чужестранцы могли заселиться и в другие китайские города, куда их привели кони или корабли, но они кроме столиц и южных портовых городов предпочитали «селиться в районах караванного «коридора», ведущего на запад, в Туркестан. Здесь, по краю пустыни Гоби, существовали расположенные через правильные интервалы китайские города, в которых были устроены караван-сарай. Политическое положение всех этих городов, в которых можно было всегда найти иранских огнепоклонников и музыкантов, оставалось довольно неопределенным... Определенную часть горожан составляли китайцы, многие были по происхождению индийцами и назывались- по этническому имени- на китайский манер «синьду»; немало было здесь и выходцев из стран между Оксом и Яксартом» [Шефер, 1981, с.39].

Наличие крупных согдийских поселений в Ганьсуйском коридоре и Таримском бассейне подтверждаются многочисленными источниками, где особое место занимают “Китайские документы из Дуньхуаня”, найденные в начале XX в. в замурованном келье буддийской пещеры Могао, внесшие большой толчок в исследовании Западного края, Китая и его окружающего мира в раннем средневековья. Эти документы сообщают, среди прочего, что в этих краях были многочисленные населенные пункты согдийцев, в частности “в VII-VIII вв. в непосредственной близости от Дуньхуаня существовало обособленное поселение согдийцев”.

Однако дворцовые хроники и исследования современных ученых свидетельствуют о том, что несмотря на многочисленность купцов-чужестранцев в танскую эпоху, отношение к ним не было однозначно. Согласно автору “Золотые персики Самарканда”, “Даже в разгар моды на экзотику самая правильная линия поведения для чужеземцев состояла в том, чтобы воспринять китайские обычаи и образ мыслей, как это многие и делали... Восьмой век был столетием необычной популярности в китайских городах арфистов и танцоров из Средней Азии, но это было также и столетие, известное избиением тысяч безобидных (но богатых) персидских и арабских торговцев в Янчжоу. В IX в., когда экзотические вещи оказались намного более труднодоступными и дорогими, получила широкое распространение экзотическая литература, изобилующая романтическими воспоминаниями о прошлом. Любопытно, что то же самое время, когда по всему Китаю ходили рассказы о щедрых миллионерах с далекого Запада, стало вместе с тем и эпохой неприязни и гонений на иностранцев” [Шефер, 1981, с.40-41].

Далее этот знаток проблемы раскрывает самую суть торговли, тесно переплетенной с дипломатией и политической конъюнктурой танской эпохи, “торговля никогда не была свободна от политических осложнений. Чем более были необходимы товары для общего благосостояния или чем больше был на них спрос среди высших кругов, тем вероятнее было, что власти примут участие в распределении этих товаров. Традиционная государственная монополия на такие предметы повседневного обихода, как соль, железо, металлические деньги, а временами вино и другие продукты широкого потребления, послужила моделью для системы контроля за торговлей заграничными предметами роскоши. Прообразом и идеалом для новой должности “ревизора торговых судов”, созданной в Гуанчжоу в VIII в., послужили существовавшая с давних времен должность ”ревизора по соли и железу”. Ему

вменялось в обязанность скупать те привозные товары, над которыми государство стремилось установить контроль, (в первую очередь, товары, на которые существовал спрос в дворе и кругов, приближенных ко двору), пересекать контрабанду и действовать по примеру внутренних монополий старого образца. Такая политика приводила к тесному сплетению коммерции с дипломатией, а подношения иноземных народов императорскому двору, часто состоявшие из большего количества дорогих вещей и считавшиеся выражением покорности вседержавной власти Сына Неба, оказывались на деле существенной частью международной торговли Китая. Но нельзя смотреть на эти отношения только с одной стороны и считать, что “покорившиеся народы” были вынуждены преподнести эту дань. Иноземные владения- и те, что действительно трепетали в непосредственной близости от Китая, и те, удаленность которых позволяла им чувствовать себя совершенно независимыми,- вывозя свои товары в Китай, явно преследовали выгоду для себя, получая за свои хлопоты от китайцев вожделенные ответные “дары”. Для иностранного купца в существовавшей системе были уготованы известные ограничения. Он не мог вести свои дела совершенно свободно: предполагалось, что такой купец обязан представить определенную часть изделий в императорскую столицу или передать ее на государственные склады в порту прибытия” [Шефер, 1981, с. 42].

Исследователь раскрывал и другие виды трудностей для иностранных купцов в танской эпохе, -“Когда иностранец- купец имел несчастье умереть в Китае, его товары опечатывали и государство конфисковало их, если сразу не являлись жена или наследник. Розыски наследников не должны были находить слишком далеко. Сверх того, если иноземец брал в жену или в наложницы китайянку, ему предписывалось оставаться в Китае. Ни в коем случае он не мог забрать китайскую женщину к себе на родину” [Шефер, 1981, с. 44].

Шефер описывает обмен даров следующим образом, -“ когда рядовой купец получал официальное разрешение торговать на китайских рынках, он устраивался на постой среди соотечественников и отправлялся по своим делам. Но посол, представляющий иностранное правительство, даже если его в первую очередь интересовали коммерция или по крайней мере выгодный обмен пышных даров, должен был столкнуться с показным великолепием, предназначенным для ослепления представителей народов-данников. Если страна была, конечно, готова выказать даннические чувства, но сам посол в тесном кругу своих собутыльников мо позволить себе хитро подмигивать по этому поводу. Только в редких случаях допускалось отступление от этой церемонии... Обычный же посол – был ли он рядовым дипломатом или близким родичем своего царя, выдающимся священнослужителем или богатым купцом,- как правило, не испытывал особых трудностей, когда дело до выражения покорности. Очень отдаленные страны, заинтересованные в поддержании торговых отношений с Китаем, иногда просили посольства дружественных им соседних владений представлять их интересы вместо того, чтобы посылать собственного посла. ” [Шефер, 1981, с.45].

Кульминацией деятельности посла в танском дворе, несомненно, была получение аудиенции у императора, церемония которого подробно описывает исследователь, где можно наблюдать контуры почетного караула в современных официальных приемах повсеместно - «По прибытии в столицу посольство помещали на время в одной из гостиниц, расположенных у четырех главных ворот города, в ожидании указаний свыше. С этого момента все действия посла направлялись чиновниками из ведомства Хунлу, отвечавшими и за встречу и прием чужеземных гостей, и за погребение членов императорского рода...

Самым ответственным днем за все время пребывания посла в стране был день, когда его принимал император. В таких случаях все было рассчитано на то, чтобы поразить иностранца величием и устрашающей мощью танского властителя. Если посол был достаточно высокого ранга, чтобы присутствовать на большом приеме для князей-данников, устраивавшемся в день зимнего солнцестояния, он оказывался перед двенадцатью рядами стражей, выстроенных перед залом для приемов: меченосцы, алебардщики, копейщики и лучники, каждый отряд в сверкающих шапках определенного цвета и с присвоенной ему эмблемой-пучком перьев попугая или павлина –или со знаменем с вышитым изображением дикого осла, леопарда или иных символов доблести. Даже менее важный посол видел перед собой дворцовую стражу, несшую службу на всех приемах. Она подразделялась на пять отрядов, на которых четыре были одеты в алые рубашки и шапки, украшенные хвостовыми перьями маньчжурских снежных фазанов, а пятый отряд носил плащи из алой тафты, расшитые изображениями диких лошадей. Вся дворцовая стража имела дубинки и мечи у пояса. Ослепленная этим зрелищем чужеземная миссия приближалась и после подобающего преклонения раскладывала свои подношения вдоль зала для приемов. Глава посольства после этого приближался к трону и, следуя наставлениям, которые шепотом

подавал ему сопровождавший его китайский чиновник, кланялся императору и говорил: “Ваш покорный слуга такой-то и такой-то, из такой-то страны, осмеливается преподнести вам эти подношения из его земли”. Император продолжал после этого сидеть в державном молчании, а чиновник протокола принимал от его имени эти дары, а также прочие подарки для раздачи придворным. В ответ приславшему дань царю и его послу присваивались звучные (хотя и чисто номинальные) титулы танской административной системы и знак признания их подданными Сына Неба, а в качестве “жалования” им вручались богатые подарки” [Шефер, 1981, с.46-47].

Поверхностное отношение к этой формальной “даннической” форме торговли и дипломатии мы наблюдаем и у других исследователей (Кычанов и др.).

Уйгуры, которых Шефер называет “ростовщиками” китайской столицы [Шефер, с. 37, 40], создали на севере Китая свое централизованное государство на руинах Тюркского каганата. Особенности создания данного государства специалист описывает следующим образом: “Новое государство возникло в ожесточенной борьбе не только с бывшими союзниками, басмылами и карлуками; ожесточенное сопротивление Янглакарской династии оказали многие племена токуз-огузов (племенная группа тюрков (огузов), состоящей из 9 племен- М.А.). Уйгурам удалось отстоять право рода Янглакара на титул кагана, но окончательное умиротворение наступило лишь после крупных военных успехов в Китае, где после 755 г. вспыхнуло восстание северных пограничных войск под командованием выходца из знатного тюрко-согдийского рода Ань Лушан, а затем последовала гражданская война. Элетмиш Бильге Каган (правил в 747-759 гг.) и его сын Бёгю-каган (правил в 759-779 гг.), оказав поддержку императорскому правительству, помогли подавить мятеж и получили громадные материальные выгоды за

свою помощь. Добыча, дань и пограничная торговля обеспечили на некоторое время мир в каганате и авторитет династии”[Кляшторный, 2004, с. 114].

Повсеместное увлечение религиозными учениями, которое охватило весь ареал функционирования шелкового пути, затронуло и уйгуров. Уйгурский каган после освобождения восточной столицы (Лоян) Танской империи от мятежников ознакомился с религией манихейство согдийцев – миссионеров и принял его доктрину. Он вернулся в свою столицу в Ордубалык (в Орхоне) не только с несметной добычей, но и новым религиозным учением – манихейством. От согдийцев они приняли не только новую религию, миссионеры которых были грамотными людьми, но и письменность. Эта письменность пережила уйгурскую государственность, и она через уйгурской и монгольской передачи дошла и до маньчжуров).

Однако манихейское учение правителей не пришлось по душе всему населению каганата, когда брожение умов привело к противостоянию, которого подробно описывает специалист, – “в 80-х годах VIII в. отношения между уйгурской династией и населением городов Тарима резко ухудшились. Недовольство и опасения там вызвал антиманихейский переворот в Ордубалыке, жертвой которого пал Бёгю- каган. Его убийца, провозгласивший себя Алп Кутлуг Бильге-каганом, санкционировал избиение согдийцев и манихейских вероучителей, живших в уйгурской столице. И в Семиречье, и в таримских оазисах манихейства было тогда господствующей религией. Именно согдийские и тюркские манихейские конгрегации были главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до столичных центров Танской империи. Важным отрезком этой трассы был путь через Ордубалык, блокированный самозванным каганом сразу же после захвата власти в столице” [Кляшторный, 2004, с. 115].

Несомненно, смена политики каганата, когда вместе покровительства транзитной торговлей преобладало ограбление согдийских и тюркских общин, не могла продолжаться долго. В итоге торговые города Притяньшань восстали и активизировались карлуки и тибетцы, которые нанесли уйгурам ряд чувствительных ударов. Вскоре была восстановлена религия и участок шелкового пути, углубленный на север от Джунгарии в стороны Орхона и получивший название “уйгурская дорога”, был восстановлен.

Однако во время междоусобицы и общественных катаклизмов активизировались енисейские кыргызы, которые постепенно наращивая натиск, в 840 г. взяли столицу каганата Ордубалык.

Предки кыргызов, первоначально обитавших в верховьях реки Енисей (или киргизски “Эне сай”- “Мать- река”), были известны древним китайцам. Впервые древние кыргызы были зафиксированы в письменных источниках древности, а именно в главе 110 “Повествование о сюнну” Исторических записок Сыма Цяня: «После [описанных событий сюнну] на севере подчинили племена хуньюй, цюйшэ, динлин, *гэжунь* (подчеркнуто мной- М. А.) и синьли. С тех пор вся сюннская знать и высшие сановники покорились Маодуню, посчитав его мудрым правителем» [Сыма Цянь, Т.VIII. 2010, с. 331]. Именно племена *гэжунов*, проживавших в лесистых местностях Хакаско-Минусинской котловины, многие исследователи (Гаскин и др.) считают предками современных кыргызов. Российский (советский) исследователь Киселев С.В., опираясь на китайских монет из известного Минусинского (Южносибирского) музея, реконструировал историю кыргызов и их взаимоотношения с Китаем.

«В смутное времена истории Китая до Танской эпохи,- пишет Киселев С.В., - сношения с Севером были весьма ограничены. На Енисей проникло тогда очень мало китайских монет. Так, найдено всего 4 монеты VIв. (зап. Вэй 551 г.). Очевидны военная слабость Китая и противодействие со стороны жуань- жуаней и тюрков, в первый период, кыргызской торговле с Китаем.

Совершенно иным стало положение в VIIIв., когда в 20-х годах танский Китай овладел землями восточных тюрков. Торговля оживилась, и это отмечается находкой 45 танских монет чеканки 621 г. в разных местах Минусинской котловины. Однако освободительная война тюрков против китайцев, начавшаяся восстанием 661-663 гг. и закончившаяся восстановлением самостоятельности каганата в 682 г., опять затруднила сношения кыргызов с Китаем.

Среди минусинских находок нет китайских монет ни второй половины VII, ни первой половины VIIIв., когда тюрки не только усилились, но и вступали в борьбу с кыргызами. Китайская хроника, правда, сообщает о неоднократных посольствах кыргызско двору императоров именно в это время. Но, очевидно это были дипломатические миссии с целью координировать борьбу с общим врагом- тюрками и торгового значения они не имели. Слабо были развиты торговые связи кыргызов с Китаем и в период господства уйгуров. Правда, на первые годы их владчества-758 и 759-приходится находки 12 монет, но это, возможно, объясняется еще недостаточным контролем торговых путей со стороны новых властителей Центральной Азии. Позднее только от 758 г. имеется в Минусинской коллекции 6 монет.

Напомним, что и китайская хроника отмечает, что после 758 г., когда уйгуры завоевали кыргызов, «хягасские (кыргызские-М.А.) посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство (в Китай- М. А.)». Но вот в истории кыргызов наступает резкий перелом. Их войска разбили уйгуров, и кыргызский хан Ажо (Яглакар) «перенес свое пребывание на южную сторону гор.Лао- Шан (вероятно Танну-Ола)». Случилось это около 840 г. И тотчас же усилилась торговля с Китаем. Количество найденных в Минусинской котловине монет, относящихся к 814-846 гг., рекордно-237 экз. Подъем кыргызской торговли с Китаем в IXв. несомненно, был связан с захватом кыргызами господствующего положения в Центральной Азии»[Киселев, 1951, с. 591-592]. Однако данный подъем кыргызского господства продолжился чуть более полвека и в начале следующего (X) столетия они под натиском новых хозяев восточной части Великой степи –киданьев стали отходить на запад, постепенно доходя до западных частей Тянь-Шаня, Памира, Хафтруда и сопредельных районов высокогорья.

А уйгуры, отступая в сторону Таримского бассейна, распадая, создали ряд небольших княжеств в Турфане, Ганьчжоу и Куче. Уйгуры, до сих пор жившие северо-востоке от оживленных маршрутов шелкового пути, в абсолютно большинстве кочевым образом жизни, со второй половины IX в. были вынуждены наряду с традиционным образом жизни, адаптироваться к новому непривычному (городскому и коммерческому) образу жизни. «Экстенсивное кочевое хозяйство не могло породить у кочевников стремления вести широкую торговую деятельность, да к тому же выходящую за пределы территории их расселения. Небольшие товарные излишки, образующиеся в кочевом хозяйстве, поступили на рынок через посредников.

В условиях Уйгурского каганата в качестве посредников выступили согдийцы, в руках которых и сосредоточивалась вся крупная торговля. После переселении племен, входивших в Уйгурский каганат, в район Турфана- Кучи- Хами и в Принаньшанье основная масса их продолжала сохранить кочевой образ жизни, хотя отдельные небольшие группы и переходили к оседлости, овладевали новыми профессиями и ассимилировались местным населением. Среди новых профессий, осваивавшихся перешедшими к оседлой жизни кочевниками, могла быть и торговля. Переходя к оседлой жизни и постепенно сливаясь с местным населением, токуз - огузы наравне с древним населением, говорившим на индоевропейских языках, согдийцами и также многочисленными тюркскими племенами становились равноправными участниками процесса формирования нового народа, населяющего в настоящее время Восточный Туркестан (Таримский бассейн- М.А.). Приобщаясь к торговле, они, очевидно, играли в ней второстепенную роль. Крупные операции внутри страны, а также международная торговля еще долго оставались в руках согдийцев» [Малявкин, 1983, с.251].

Из ряда различных новообразованных по маршруту шелкового пути уйгурских (или токуз-огузских) княжеств постепенно стали выделяться уйгурские княжества Ганьчжоу, Турфан и Эдзин –гол, которые, опираясь на многолетние торговые традиции согдийцев, продолжали торговые связи между разобщенным Китаем, новыми тюркско-кидано-тангутскими государствам и странами Вароруда и дальше на запад.

Как было подчеркнуто выше, мятеж Ань Лушаня с последующей гражданской война, когда особо выделяются генерал-губернаторы (цзедуши), а также другие мятежи, серьезно ослабляли государство изнутри. Эти факторы в конечном итоге в 907 г. привели к падению блестящей империи Тан. И после падения

единого государства распад продолжился до 960 г. и в стране создавались пять династий –государств.

К времени падения Танской империи на его северо-восточных окраинах усилились племена киданей, которые под предводительством вождя Амбагына (Абаоцзи) в 916 г. создает свое государство- империю Ляо. Новое кочевое государство, активно вмешиваясь в междоусобиц китайских династий, в течении 20 лет захватывают 16 округов внутреннего Китая (территории в совр. провинциях Шэньси и Хубэй).

В внутреннем Китае уже к середине X в. наблюдается централизаторская тенденция и в 960 г. образовывается единая империя Сун со столицей в Кайфене (восточнее г. Лоян на Хуанхэ). Однако 16 округов остаются в руках киданей империи Ляо.

Империя Сун, отрезанная, в основном, от земель на левом (северном) берегу от Хуанхэ, вела упорные войны для возвращения этих земель на северо-востоке с кочевой империей Ляо, а на северо-западе с новообразованной тангутской империей Си Ся. Однако их итоги были мало результативными.

По мнению современного исследователя,- «В 1004 г. с Ляо был заключен договор в Шаньюани, подтверждавший прежние границы и закреплявший равенство («братские» отношения) сторон, старшинство же отдавалось старшему по возрасту правителю, т.е. могло переходить от одной стороны к другой. Договор предусматривал выплату Китаем ежегодной дани в 200 тыс. отрезков шелка и 100 тыс. лян серебра (1 лян- 37,3 г.). По следующему договору 1042 г., хотя киданьский правитель признавал себя «младшим братом» императора выплаты китайцами увеличивались до 300 тыс. отрезков и 200 тыс. лян» [Бокщанин,1995, с.303].

Таким образом, к концу данного периода в истории шелкового пути, Северный Китай уже испытывал жесткое давление с севера, со стороны Великой степи, которое усилившись, прорвется в следующем периоде на правый берег реки Хуанхэ.

Однако во времена междоусобиц и смут не прекращалась мировая торговля по шелковому пути, несколько сократившись в своих масштабах, она продолжала действовать. Заслуга в этом деле была в руках согдийских, китайских и уйгурских купцов, которые опираясь на свои многочисленные общины в разных городах, как внутри Китая, таки в Западном крае и Вароруде, не только сохраняли эти торговые маршруты, но и открыли новые маршруты с сторону столиц и временных ставок новых кочевых империй.

Благо, что еще в Танской эпохе была создана сеть финансовых (денежных) переводов, которой современный исследователь описывает следующим образом,-“ К VIII-IX вв. относится появление так называемых летучих денег (фэй цянь) – своеобразных векселей, позволяющих сдавать деньги в определенные конторы и получать их в иных городах” [[Бокщанин,1995, с.167].

Данное обстоятельство, несомненно, облегчало дела караванных купцов, которые во времена смуты не брали собой большие суммы денег, а отдавая их в пунктах отправления, получали их в пунктах покупки товаров. На наш взгляд, в отсутствии строгих государственных структур, роль этих «кредитных» или «банковских» организаций, могли выполнять те же торговые конгрегации, которые были объединены по этнопрофессиональному признаку. А согдийцы со своими разветвленными колониями, разбросанные по всей восточной части

шелкового пути (от города Пайкенда в берегу Амударьи до города Лояна в берегу Хуанхэ).

Эта мысль подтверждается исследованиями ученых многих народов. Следующую характеристику коммерческой деятельности согдийцев дает один из ведущих экспертов Э. Пуллиблэнк,- «выдающиеся торговцы, а также носители искусств, ремесел и новых религий, они путешествовали и селились не только вдоль торговых путей Центральной Азии, но также глубоко в центре Китая и среди кочевников степных районов» [цит. по Малявкин, 1983, с.245].

Роль согдийцев усилились не только во времена смут и междоусобиц, когда вместо имперских армий и их наместников, торговые трассы охраняли сами согдийцы- сартхаваки, но и имея, огромный опыт “шелковой” дипломатии (возможно, с времен Хань), выступали мудрыми советниками и послами различных династий. Отсутствие полной политической амбиции и всецелой концентрации в коммерческой деятельности делали их в глазах создателей государственных образований незаменимыми помощниками. Согласно Малявкину, -“Своим влиянием в делах Срединного государства в это время согдийцы обязаны тюркам шато, с которыми они издавна жили вместе и играли среди них заметную роль. После того как вождь шато Ли Кэюн вторгся в Северный Китай и основал там свое Поздний Тан (923-936), вместе с ним появились и его ближайшие сподвижники –согдийцы. Согдийцы занимали также важное место не только в государстве Позднее Тан, но также в государствах Поздняя Цзинь (936-946) и Поздняя Хань (947-951)” [Малявкин, 1983, с.246].

Исследователи подтверждают наличие непререкаемого дипломатического и коммерческого авторитета согдийцев в абсолютном большинстве (домонгольских) государствах Центральной Азии и самого Китая. Согласно мнению специалиста,- “Многовековое успешное развитие согдийской торговли в Центральной Азии, прочный авторитет, которым пользовались согдийцы во многих странах этого района, их способность успешно преодолеть трудности, быстрота, с которой они восстанавливали утраченные позиции и влияние,- все это свидетельствует о возможности существования могущественной международной согдийской торговой корпорации” [Малявкин, 1983, с.249].

Согдийцы-сартхаваки, уже столетиями, выполняющие роль купцов-послов, приобрели огромный опыт налаживания взаимовыгодных торговых сношений самым разными по характеру государств, разбросанных по всей обширной Евразии (вспомним, посольство согдийского купца-посла Маниаха в Византийскому императору в 576 г.).

Успех внешнеполитической деятельности небольшого Уйгурского ганьчжоуского княжества (в Принаншанье к западу от Дуньхуани), просуществовавшего вопреки всему 125 лет, по мнению многих исследователей, была, во многом, заслуга согдийцев. По подсчетам Малявкина из 53 послов-купцов этого княжества, отправленные в государства “Пять династий” (период между Тан и Сун) 14 носили согдийскую фамилию (16 тюрки и остальные смешанные фамилии), “среди согдийцев на первом месте по численности стоят выходцы из Бухары, носившие фамилию Ань; дальше идут представители Чача (совр. Ташкент- М.А.) (фамилия Ши и только один посол был из Маймурга (фамилия Ми)” [Малявкин, 1983, с.247].

К середине IX в. Принаньшанье освободилось от тибетской власти. В Дуньхуане (Шачжоу) власть попала в руки влиятельного ханьского клана Чжан. Здесь фактически образовалось независимое княжество, где согдийские колонисты оказали содействия правителям в укреплении власти и поддержания международных торговых сношениях с западными странами. Позднее в 1036 г. это небольшое княжество было завоевано тангутской империей Си Ся.

Согласно Малявкину,- «После объединения страны (Китай-М.А.) под властью Сунского государства Уйгурское ганьчжоуское княжество продолжало вести значительную торговлю с новыми властями. Историографы Срединного государства сохранили некоторые традиции историографов периода «Пять династий» и по-прежнему фиксировали имена послов (купцов)прибывавших из Принаньшанья. В сообщениях, касающихся Уйгурского ганьчжоуского княжества за время создания Сунского государства и до гибели Уйгурского ганьчжоуского княжества в 1025 г., т.е. за 64 года, зарегистрированы имена (фамилия) 31 посла (купца) – значительно меньше, чем за предыдущие 54 года (период «Пять династий»). Среди них было десять согдийских фамилий, что составляет 30 %- несколько больше чем прежде. На первом месте, как и раньше, стоят выходцы из Бухары, носившие фамилию Ань (шесть чел.), кроме того прибавились фамилия Цао (Кабудан, два чел.) и Кан (Самарканд, один чел.). Таким образом, и этот период согдийцы продолжали играть видную роль в торговле» [Малявкин, 1983, с.250-251].

Если в восточных землях бывшего Карлукского каганата усилились киргизы, которые создали свое государство (каганат), то в его западных владениях- в Хафтруде возвысился карлукский союз племен. Они, опираясь на богатства согдийских торговых колоний, стали претендовать при отсутствии явных претендентов на высокий титул доблестных (тюркских) каганов. Поэтому правители карлуков, создав свое централизованное государство, постепенно стали менять свой традиционный титул “ябгу” на “каганов”. А их государство называлось государством Караханидов.

А распространение среди них новой религии- ислама была заслугой государства Саманидов -централизованного государства таджиков в Вароруде и Хорасане.

В начале IX в. по всему огромному исламскому миру наблюдалось образование этнодинастийных и этнонациональных государств, которые, признавая духовную власть багдадских халифов (и получая от них инвеституры для правления), в подвластных территориях стали править самостоятельно. Одними из первых таких централизованных государств на востоке халифата было государство Саманидов, созданное представителями древнего благородного рода бактрийских таджиков. Это государство выделялось своим меценатством в науке, культуре, искусстве, поэзии и других сфер человеческого творчества не только в восточной части халифата, но и по всему исламскому миру. Солидной экономической базой этого таджикского государства выступили торгово- ремесленнические города древней Согдианы, Бактрии, Ферганы, Хафтруда.

С 840 г. саманидский эмир Нух ибн Асад, совершив поход против хафтрудских тюрок и завоевав оазис Исфиджаб (через которого проходил северный маршрут шелкового пути), положил начало жесткого противостояния между Саманидами и Караханидами за доминирования в хафтрудских и варорудских торговых городах и маршрутах, которое продолжалось более полутора столетия.

К началу X в. ислам, доминирующий в Вароруде уже почти 200 лет, постепенно охватил все сферы жизнедеятельности людей. Эта религия, впитавшая в себе в начальном этапе своего развития все достижения науки, техники и культуру исламского мира, стала оказывать также мощное воздействие в окружающий Вароруд с севера кочевой мир.

Идейно-политическую ситуацию кочевого мира Хафтруда того времени описывает исследователь, - «Уже Сатук (Караханидский Богра-хан –М.А.), ведший длительную войну против своего дяди (Огулчак Кадир-хана- М.А.), великого кагана, использовал переход в новую веру для того, чтобы заручится весьма существенной для него поддержкой Саманидов. Сын Сатука Муса (Абдулкарим-хан- М.А.), под лозунгом борьбы с неверными и защиты ислама успешно осуществляя военную экспансию в направлении Хотана и в сторону Исфиджаба.

Оказавшись в зону мощного воздействия оседлой цивилизации тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемлемые пути вхождения в уже давно сложившиеся хозяйственно-культурные регионы Средней и Передней Азии» [Кляшторный, 2004, с. 119].

Во времена государства Саманидов его политическим центром стала Бухара, которая не только перехватила статус центра всей Согдианы и всего Вароруда от Самарканда, но и после распада Танской империи, превратилась в самого известного города от Чанъани до Багдада.

Оазис Бухара, расположенная в самой западной части Вароруда, доселе известного больше богатым купеческим городом Пайкендом или городом ремесленников-изготовителей особого элитарного вида шелка Зандена, во время правления Саманидов (одно столетие) превратилась во главе с одноименным городом в культурный центр всего Востока и узлового центра шелкового пути.

Эта династия аккумулировала в себе не только многолетние традиции громадного торгово-ремесленной практики древней Согдианы, но и славного периода героического (доисламского) всего культурного Ирана, но и создала благоприятнейшее условие для глубокого переработки всего культурно-исторического багажа таджикского народа, результатом которого, безусловно, стало творение «Шахнамэ» и творчество великого Рудаки.

Лучшую характеристику дал известный ученый, «На Востоке...было таджикское государство Саманидов, известное благодаря активной внешней торговле и блестящей культуре.... Именно таджиков возглавляла местная династия Саманидов и созданная им культура блистала- как алмаз, по сравнению с которой все прочие –оправа» [Гумилев, 1992, с. 208].

Как было подчеркнуто выше, при последних Умейядах будущий халиф Марван II (744-750) занял ключевой город на западном берегу Каспийского (Хазарского) моря Дербент (в 737 г.). Из-за того, что данный город находился под контролем хазарских племен и они отсюда проводили набеги на южные земли, включая подвластных халифату, он совершил военный рейд против них. К этому времени, Хазарский каганат, образованный в руинах западных земель Западнотюркского каганата, являлся достаточно сильным государством. Они жили в соседстве с аланами. Согласно мнению исследователя, - «С появлением тюркютов на Северном Кавказе аланы вынуждены были им покориться, а последующая их история протекает в тесной связи с наследниками последних – хазарами. В VIII в. по данным Фазари (письмо в 772/3 г.) хазары и аланы образовывали одно царство. Арабы во время войны с хазарами неоднократно пытались обосноваться в Дарьяльском проходе и в земле алан и через нее осуществляли наиболее значительные походы вглубь хазарской страны» [Артамонов, 1962, с. 360].

Военный поход Марвана (с 130 тыс. войском) готовился в большом секрете, так как хазарский посол, прибывший к арабам был задержан, чтобы он не предупредил своего правителя. Поэтому хакан не смог вовремя собрать войско из подвластных народов и племен и убежал на север. В итоге этой военной компании один из сильных хазарских отрядов был уничтожен, а хазарский хакан обещал арабам принять их веру- ислам.

Чувствительный удар арабов заставил хазар отказаться от набегов в Закавказье и сохранить мирные отношения с ними и арабами (737-763 гг.). Данная мирная обстановка положительно повлияла и на дальнейшую судьбу самих хазар.

Согласно мнению признанного эксперта данной проблемы,- «с прекращением непрерывной войны с арабами туда устремились купцы из мусульманских стран, главным образом из Средней Азии, которая издавна была связана с торговыми отношениями с Приуральем и Поволжьем. Вместе с различными товарами и мусульманской религией они несли с собой ирано-мусульманскую культуру, влияние которой отчетливо сказывается на материальной культуре и на искусстве Восточной Европы VIII-X вв.» [Артамонов, 1962, с.226].

На наш взгляд, сюда устремились также согдийцы-купцы (как мусульмане, так и оставшиеся в религиях предков), для которых главное было не характер вероисповедания, а мирная жизнь, благоприятствующей торговле. В эти годы после усмирения согдийского восстания, поддержанного тюркешским ханом Сулуком (“Абу Музахим” у арабов) в Согде начались преследования инакомыслящих людей, остававших в вере своих предков. К этому времени их колонии достигли от Хафтруда до низовьев Сырдарьи (ближе к устью Волги), одним из которых был город Бинакент .

Хазарская война, куда были задействованы крупные силы халифата, на время отвлекли их от войны с их основным соперником- Византией. Будучи благодарным заслугу хазар за борьбу с арабами император Лев Исавр в 732 г. женил своего сына Константина на дочери (по другим версиям, сестре) хазарского хакана, которую звали Чичак (Цветок), получившей после крещения православной имени- Ирина. Ее хазарская одежда, ставшей модой в дворе, стала называться “чичакион”. Их сын будущий император Лев IV (775-780), получил прозвище Хазар [Артамонов, 1962,с. 233].

В эти годы Кавказский наместник халифата (Язид Бармакид) также взял в жены одной из хазарской дочери.

Таким образом, установив посредством брачной дипломатии с двумя серьезными соперниками-союзниками на западе и на юге, хазары в короткий срок поправили свои дела. У них в данное время не было серьезных противников ни на востоке, ни на севере.

Хазарский каганат, приобретающий важное место в международных отношениях на северном маршруте шелкового пути, также не остался в стороне от общей тенденции этого периода- принятия новой веры.

Уникальность выбора каганата состоял в том, что была выбрана не религия одного из двух его мощных соседей- империи или халифата (православие и ислам), а иудаизм. Согласно мнению специалиста это был “обдуманый выбор”,- “возведение иудаизма в государственную религию имело значение политического самоутверждения, демонстрация не только независимости, но и равенства Хазарского каганата с Византийской империей и Арабским халифатом и явилось ответом на попытки с той и другой стороны подчинить хазар своим интересам. Хазары выдвинули иудаизм на место третьей мировой религии, но не сумели закрепить за ним это место потому, что старый иудаизм оказался менее пригодным для феодального общества, чем более молодые религии- христианство и ислам. Иудаизм национальная религия; дух и буква иудейского закона не допускает прозелитизма; хотя в древности наблюдались факты обращения иноплеменников, но это противоречило принципу “избранности народа”. В средние века обращение в иудаизм могло совершиться лишь в том случае, если неофит (новообращенный- М.А.) имел предка еврея; не исключалась возможность того, что этот предок был

вымышленным. Национальный характер иудейской религии противоречил превращению ее в идеологию неограниченного происхождения классового общества, а следовательно, и в религию разноплеменного государства. Эта религия не объединяла разноплеменное население, а наоборот, разъединяла его; поэтому она не могла служить прикрытием и обоснованием классового господства, она подчеркивала классовую противоположность и отделяла исповедующее ее правительство от народа” [Артамонов, 1962, с. 264].

На территориях, подвластных хазарскому каганату (в Крыму и на Кавказе) издавна жили евреи, кровно заинтересованные в оживлении северного маршрута шелкового пути, отдаленного от арабско-византийского и арабо-тюркского противостояния. Они выступили серьезной опорой хазарского (еврейского) правительства. Согласно мнению исследователя “первого хазарского князя, принявшего иудейство, звали Буланом”, что не могло не встревожить его соседей (Константинополя и Багдада), которые “прислали к хазарам своих послов с богатыми дарами и склоняли их к своей вере. При последовавших затем прениях о преимуществах разных вер хазарский царь поставил так вопрос, что заставил христиан признать иудейство лучше мусульманства, а мусульман, что эта религия (иудаизм- М.А.) лучше христианства, и таким образом возвеличил иудейскую религию, как лучшую по признанию самих мусульман и христиан. После этого он совершил обрезание” [Артамонов, 1962, с. 270].

По другой версии бек по имени Обадий сделал иудейство правящей религией и проводив реформу, реальную власть взял в свою руку, превратив роль кагана до положения сакральной (и формальной) фигуры. Эта реформа (или переворот) была осуществлена в начале IX в. [Артамонов, 1962, с. 279-280].

До этого времени (начало IX в.) в северном Причерноморья у хазар не было серьезных соперников, однако вскоре сюда хлынули мадьяры (предки венгров), а за ними печенеги. Вокруг города Киев стало складываться новое Русское государство, которое своими смелыми морскими походами (в подобии готских) по берегам Черного моря стало тревожить хазар и византийцев.

Вторжение этих племен, особенно, печенегов нанес чувствительный урон политической целостности и могуществу Хазарского каганата. Степи северного Причерноморья вышли из под подчинения хазар, поэтому они утратили политическое значение для Византии. Императорский двор уже считал нецелесообразным поддерживать с ним дружественных отношений и терпеть их власть над городами в Крыму. Константинополь решил ослабить хазар руками аланов, среди которых было распространено византийское христианство. Однако из этой политики ничего не вышло, наоборот, она дала обратный эффект. Нанятый хазарским царем (беком) Аароном тюрки разгромили алан, царь которых попал в плен. Теперь уже Хазария сделала посредством брачной дипломатии Аланию своим союзником, женив своего сына (Иосифа) на дочь плененного царя алан. Аланские вельможи, принявшие христианства, в 932 г. отказались от этой веры.

Для лучшего исследования общественно-политической жизни и транзитного местонахождения Хазарского каганата нам поможет изучения еврейско-хазарской переписки. Эта переписка была между еврейским сановником Испанских (андалузских) халифов Абдурахмана (912-961) и Хакима (961-976) Хасдая ибн-Шафрута и хазарского царя Иосифу. Она повествует нам также о том, что многочисленные караванные купцы (сартхаваки) из

Хорасана и соседних стран достигали далекой Испании со своими различными товарами.

Письмо Хасдая написано примерно с осени 961года, в котором он сообщает хазарскому царю подробные сведения о своей стране, ее географическом положении и торговых сношениях испанского халифата, а также высказывает свою необычную радость по случаю получения им известия о действительном существовании независимого еврейского царства в отдаленной Хазарии. В свою очередь он просит царя сообщить ему, каким путем прибыли евреи в Хазарию и как именно произошло обращение хазар в еврейскую веру.

В своем ответном письме, царь Иосиф сообщает разные данные о происхождении хазар, их переход в еврейство и некоторые данные о стране и условия жизни в ней.

Хасдай в своем письме сообщает также о наличие шелководства в Испании: «(это) земля тучная, изобилующая реками, источниками и вырубленными цистернами; земля хлеба, вина и земля, изобилующая плодами и усадями и всякого рода ценностями, садами и парками, производящая всевозможные фруктовые деревья и дающая всякие плоды деревьев, с которых накручивает шелк, потому что шелк имеется у нас в очень большом количестве». [цит. по Коковцев, 1932, с.59-60]

Его сообщение о торговых сношениях имеет большое значение для нас. «Так что приходит (в нашу страну) купцы из (отдаленных) краев земли и стекаются в нее торговцы изо всех городов и из далеких островов, из страны Египетской и из остальных верхних областей (стран, расположенных на востоке от Египта - М.А.). Они доставляют (в нее) благовония и драгоценные камни и все драгоценности Египта и она ведет торговлю с царями и властителями. Царствующий над нами царь собрал запасы серебра, золота и драгоценностей и массу богатств, подобных которым не собирал ни один царь, живший до него. Доходы его от купцов Сеннаара (Вавилона /Ирака – М.А.), торговцев Хорасана, купцов Египта и торговцев ал-Хинда (Индии – М.А.) из года в год достигают 100 000 золотых (золотой динар– 4,25 гр. – М. А.) такова постоянная сумма его доходов каждый год, и эта сумма получается только от многочисленных купцов, приходящих (в нашу страну) из всех стран и их островов. Все их торговые отношения и все их дела идут не иначе, как через меня и по моему слову. Хвала и благодарение богу, сделавшему для меня (это) по великой милости своей, когда цари земли услышали о величии и могуществе его, они стали подносить ему приношения и искать его расположения посредством даров и драгоценностей, в их числе цари Ашкеназа (Германии – М. А.) царь Г-б-лимов, т.е. ал-Саклаб'ов (славян Чехии или Польши – М.А.) царь Кустантинии (император Византии – М.А.) и другие цари» [цит. по Коковцев, 1932, с. 63].

Как вытекает из этого письма торгово-дипломатические ценности и процедуры шелкового пути в рассматриваемое время (X в.) охватили такую дальнюю страну, как Андалусия в Пиренейском полуострове.

Самое интересное то, что сообщение о существовании Хазарского этот андалусский чиновник получил от торговцев Хорасана, «- (так продолжалось дело), пока не доставили мне известие посланцы, (пришедшие из) Хорасана, купцы, которые сказали, что существует царство у иудеев, называющихся именем ал- Хазар»[Коковцев, 1932, с. 63].

Царь Иосиф, описывая пределы государства Хазар, и перечисляя городов и земель в Поволжье, Северном Кавказе и Крыму, подвластных ему, сообщает ценную информацию: «Я охраняю устье реки и не пускаю Русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян (мусульман – М. А.), и (точно также) всех врагов (их) на суше приходить к «Воротам» (г. Дербенту – М.А.). Я веду с ними войну. Как бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада и до страны (?). Досюда (доходят) мои пределы и власть моего государства»[цит. по Коковцев, 1932, с.102].

Из письма царя Хазарии Иосифа вытекает, что его государство выступало как бы буфером между государством Русов и Багдадским халифатом, не пуская корабли русов на юг. Это буферное положение привело к гибели каганата, так как молодое Русское государство также хотело активно включиться в международную торговлю, взяв под свой контроль северный маршрут шелкового пути.

В правлении царя хазар Иосифа, в основном, продолжались противостояние с Византией, однако вскоре на северо-западе возвышалось новый сильный соперник - Русь, быстро набирающее могущество. Поэтому хазарские правители стали обращать внимание на мирные отношения с югом. Согласно исследователю,- “Мир с халифатом стал теперь стержнем хазарской политики и основой для перестройки экономики Хазарского государства.

Именно мир позволил широко развернуть волжскую торговлю, которая обогащала правительство и итильских купцов (г. Итиль-столица хазар- М.А.) и давала средства на содержания армии наемников. Эта торговля ничего не приносила степнякам, но их интересы и не принимались в расчет. В X в. Хазария стала торговым городом с прилегающей провинцией, а не страной, имеющей столицу. Противоположность интересов торговых кругов Итиля и населения Восточной Европы стимулировала отпадение следующих племен, подчинившихся Киеву, волжских болгар и алан, хотя последних хазарам удалось усмирить. Крайне обострились отношения с печенегами на западе и гузами на востоке, а мусульманская опасность воскресла там, откуда хазары ее не ожидали” [Артамонов, 1962,с. 414].

Государство Саманидов, имея мощное миссионерско-цивилизаторское значение на северо-восточной части исламского мира, стало методично распространять новую веру на правый берег Сырдарьи. Здесь ислам приняли карлуки –упорные противники Саманидов, а также их союзники-огузские племена, кочевые которых достигали полуостров Мангышлак на западе. Мусульманские купцы стали распространять ислам среди камских болгар. Миссионеры стали посещать Русь, которая, однако, предпочла православие (византийское христианство) исламу.

Православная Русь с северо-запада и мусульманские огузские племена с юго-востока стали оказывать давления на иудейскую Хазарию. Повод для начало войны появился в 943/944 годах, когда болгары и хазары стали чинить препятствия для русских в их походе на Каспийское море. “Святослав (русский князь- М.А.) хотел не только разгромить Хазарию, но и овладеть основной ее территорией на Волге, на Керченском проливе и на Дону с тем, чтобы полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей (в шелковом пути- М.А.), игравшей весьма

важную роль в экономике Русского государства. Это был хорошо рассчитанный удар, в результате которого хазары лишились базы для своего дальнейшего паразитического существования и, утратив экономические основы своего военного могущества, перестало быть опасным для Руси» [Артамонов, 1962, с. 429].

Северо-западный сосед Хазарского каганата- Древнерусское государство, которое образовалось в результате объединения двух политических центров, первый в Новгороде, возвысившего в удобном месте в известном речном торговом пути «Из варягов в греки» (Из Балтики в Черное море), второй в Киеве, тяготевший к северным портам Причерноморья.

Как подчеркивал известный исследователь Б. Греков: «Гранью, и весьма существенной в истории Руси, является объединение Новгорода и Киева, т.е. Славии и Куявии в одно большое государство без всякого участия варягов. Если верить летописной традиции, то именно северные князья заняли Киев, который с этого времени и делается «матерью городов русских», центром Древнерусского государства. Это событие, согласно летописным данным, произошло в 882 г. (конечно, датировка весьма условна), когда новгородский князь Олег собрал большое войско из варягов, чуди, мери, веси, кривичей и новгородских славян, хитростью захватил Киев, предварительно заняв Смоленск и Любеч» [Греков, 2004, с. 546].

Этот известный исследователь подчеркнул преимущество перехода политического центра от Ногорода к Киеву, находящийся ближе к северному маршруту шелкового пути : «перед Новгородом Киев бесспорно имел ряд преимуществ. Он был ближе к Византии, интерес к которой, качественно меняясь, увеличивался по мере хозяйственных и политических успехов Киевской Руси. Из простой приманки для всяких, в том числе и русских, вооруженных искателей добычи Царьград (Константинополь –М. А.) для Руси заметно превращался в пункт торговых и культурных связей двух государств: одного –дряхлющего носителя мировой культуры, другого- молодого, но энергично растущего. Путь к Византии с берегов Днепра был проложен еще антами. Киев был близок и к другим странам, расположенных по побережью Черного и Азовских морей (Дунайская Болгария, Крым, Хазарское царство). Наконец Киев был удобным центром, откуда можно было держать в своих руках и далекий Новгород» [Греков, 2004,с. 546].

Князь Олег, обосновавший в новой столице государства предпринимает усилия по ее укреплению, а также расширению его пределов. «Объединяя славянские земли, Олег разбил хазар, включил в состав Древнерусского государства северян и радимичей, затем Олег направил свои дружины в земли, лежавшие между Днестром и Дунаем. Часть их долго сопротивлялась и сдалась только приемнику Олега Игорю» [Греков, 2004, с. 547].

Согласно летописному рассказу дружины князя угрожали и столице Византийской империи- Константинополю, которые и привели к подписанию удачного соглашения для русской стороны. «На основании соглашения с греками в 911 г. Русь могла приезжать в Царьград (Константинополь- М. А.) и торговать беспрошленно. Русские послы и купцы в течении шести месяцев получают в Царьграде хлеб, вино, мясо, рыбу и овощи; имеют право мыться в греческих банях “елико хотят”, получают на обратный путь

провизию, якоря, веревки, паруса и все то им нужно. Но в тоже время Византия выговаривает условия, гарантирующей ей безопасность от презжающих из Руси: русские купцы должны были останавливаться в предместье города; там их переписывали поименно греческие чиновники и затем уже впускали в город без оружия в одни ворота партиями по 50 человек. На этом договоре поклялись обе стороны: Русь присягала по своему обряду (клялася славянскими богами Перуном и Волосом), греки по своему - христианскому» [Греков, 2004, с. 548-549].

После смерти древнерусского князя Олега в 912 г. (по некоторым данным в 922 г.) его преемник Игорь не только умиряет восставшие народы (древляне и др.), но и предпринимает военные походы в Каспий и в Византию. После двух, в основном, неудачных походов в Константинополь (в 941 и 944 гг.), когда русские ладьи были уничтожены известным “греческим огнем” (используемым в византийском флоте с времен первых арабских военно-морских походов) был заключен новый договор в 944 году. « Этот новый договор Руси с греками отразил в себе новое соотношение сил между договаривающимися сторонами. Русь вынуждена была отказаться от прежних своих преимуществ, между прочим, должна была платить торговые пошлины и взять на себя ряд обязательств по отношению к грекам. Игорь обязался защищать Византию и, в частности, не пускать в Крым, где были византийские владения, болгар (намек на наличие русских владений в Тмутаракани), вынужден был обещать и сам не нападать на византийские владения в Крыму (корсунская страна) » [Греков, 2004, с. 551-552].

Некоторые исследователи считают, что с этого договора первенства в двусторонних отношениях Византийской империи в этом регионе с печенегов переходит к древним русам.

Князь Игорь был убит в 945 г. со стороны взбунтовавших древлян, которых позднее жестоко наказала его жена, княгиня Ольга. Она, укрепив свое положение внутри страны в 957 г., согласно летописным данным, совершила поездку в Константинополь с большой свитой, состоящей, в основном, из русских купцов. В столице империи она была принята императором Константином. По мнению исследователя: «Представительная русская делегация, возглавляемая «архонтиссой Эльгой» (княгиня Ольга- М. А.), была принята в Константинополе в 957 г. Она имела в своем составе, кроме восьми придворных слуг, племянника княгини, личных представителей князя-наследника Святослава, 20 или 22 купца, священника Григория и двух переводчиков. Русской княгине оказывали искренние знаки внимания: после официального представления при дворе архонтиссу пригласили в покои императрицы, где с разрешения императора ей позволили сесть и беседовать с ним; кроме того, как владетельную государинью, ее не заставили совершить тройной проскинесис-она ограничивалась лишь легким наклоном головы; ее посадили за императорский стол и, наконец, одарили богатыми дарами» [Ариньон, 1980, с. 114].

Через два года после своей поездки в Константинополь она отправляет посольство в Франкфурт на Майне к королю Германии Оттону I. К концу этого года (959 г.) княгиня принимает крещение, вероятно в Киеве, приняв христианской имени Елена. О далеко идущих последствиях этого шага русской княгини размышляет специалист: «Но если сугубо религиозное значение такого события, как крещение Ольги, не нужно переоценивать, то и изучение его политическом контексте позволяет сделать интересные выводы.

Действительно, правление Ольги свидетельствует о становлении и укреплении Киевского государства как во внутреннем, так и международном плане. Мы уже знаем, что вдова Игоря создала административный аппарат для взимания дани; ее попытка обратить в пользу государства прибыли от торговли Руси с Западом была подчинена той же цели-укреплению материальной базы молодого Киевского государства. В международном аспекте Киевская Русь утверждается одновременно и как новая держава, и как фактор стабильности, искусно используемой Византией в этом регионе» [Ариньон, 1980, с. 124].

Древнерусское государство еще более усилилось при сыне княгиня Ольги Святославе (умер в 972 г.) и ее внуке Владимире (годы правления 978-1015 гг.).

Как было отмечено выше, именно во время военных походов князя Святослава было разгромлено Хазарский каганат. «Теперь не осталось и следа ни от Булгара, ни от буртасов, ни от хазар- пишет арабский географ Ибн-Хаукаль, - потому что Русь уничтожила всех их, отобрала от них, и присоединила к себе край, а те, кто спасся от рук (Руси), разбежались по окрестным местам в надежде договориться с Русью и стать под ее власть» [цит. по Греков, 2004, с. 554].

А во времена правления князя Владимира Русь принял крещение. Один из исследователей описывает последствия этого важного решения русского князя: «Из факта принятия христианства в качестве господствующей религии вытекает много важных последствий:

Во-первых, христианство как религия, общепринятая в Европе, еще больше сблизило Древнерусское государство с остальной Европой.

Во-вторых, церковная организация, создание которой взяли на себя греки (византийцы), заняла весьма определенное место в истории киевского общества и стала новым и сильным орудием воздействия на массы в целях дальнейшего их подчинения государственной власти.

В-третьих, христианская церковь подняла значение княжеской власти в Киеве на большую высоту и управляет связью между частями государства.

В-четвертых, византийская церковь, стараясь приобщить Русь к вековой византийской культуре, способствовала поднятию культуры в нашей стране» [Греков, 2004, с. 574].

Таким образом, Древнерусское государство наряду с балканскими и придунайскими государствами Причерноморья получило от Византии православное христианство.

Как сообщает специалист: «Князь Владимир крестился в Киеве в начале 988 г., январе или феврале, приняв крещение от присланного из Константинополя священника В крещении князя назвали Василий. Тоже имя носил старый византийский император. Святым покровителем князя стал Василий Великий Кесарийский, память которого празднуется 1 и 30 ноября» [Алексеев, 2006, с. 178].

Уничтожив Хазарию, Русское государство активно включилось в международную торговлю, взяв в свои руки оживленный в это время северный маршрут шелкового пути.

К этому времени в столицу Византии стали приходить суда из далеких стран севера (норманы или варяги), которые выбирали путь вдоль атлантических берегов Европы или через Балтийское море и дальше, выходя в Волгу или другие реки, расположенные к западу от нее, направлялись в Каспийское или Черное море. Некоторые из них дослужили до офицеров из близкого военного окружения персоны императора. Согласно изучения различных источников (византийских хроник, русских летописей, саги норманов и т.д.), где временные рамки не всегда совпадают друг с другом, специалисты приходят к мысли, что они происходили в промежутке между X-XI вв. Один из специалистов подчеркивает, что, - «Первым скандинавом, служившим в Византии, исландская традиция считает исландца Болли: «Мы не слышали рассказов, чтобы какой-нибудь норманн пошел на службу конунга Гарды (византийского императора – М.А.) раньше, чем Болли, сын Болли». Возвращение Болли из Византии после многих лет пребывания там условно датируется временем около 1030 г. Но на самом деле Болли был далеко не первым. Действительно первые во времени викинги в Византии упомянуты в «Саге о Хравнкеле годы Фрейра», в ней рассказывается, во-первых, о поездке в Константинополь Торкеля Светлая Прядь, сына Тьоста, который в течении 7 лет «ходил под рукой конунга Гарды», во-вторых о пребывании в Миклагарде мореплавателя- купца Эйвинда Бьярнарсона, который «снискал там большое расположение гарды конунга и был там в друзьях». Поездка Торкеля датируется 937-944, Эйвинда- временем до 950 г.» [Мельникова, 1998, с.160].

Согласно мнения данного специалиста, - «Но «варяжский корпус» в Константинополе формируется лишь в конце IX- начало X в., отправным моментом его создания традиционно считается 980 г., когдасогласно «Повести временных лет», Владимир отправил часть непокорных варягов в Константинополь. Возникновение же императорской гвардии-отряда варангов, служивших

императорскими телохранителями, относится к началу XI в.» [Мельникова, 1998, с.159].

Прибытие торгового судна из далекой Исландии, колонии норманнов из Скандинавии, свидетельствует о том, что столица империи к этому времени превратилась в одну из главных торговых портов того времени.

К этому времени бурного роста торгово-дипломатической активности в северо-западной окраине шелкового пути на его северо-восточной части усилились многочисленные кочевые империи, которые стали “бросить вызов” к многовековым традициям этого мирового торгового пути.

2.4. Период доминирования Великой степи в шелковом пути (нач. XI в. – конецXV вв.)

Главной отличительной чертой последнего (четвертого) периода функционирования заключалась в том, что в северной

стороне маршрутов шелкового пути наблюдалось повсеместное чрезмерное усиление степных империй, не только разгромивших основные центры поддержки международной торговли (Китай, Вароруд, Иран, Ирак, Кавказ, Византию и т.д.), расположенных на южной стороне этой мировой торговой дороги, но и разрушившие основной принцип функционирования этого торгового пути (триединство: торговля-дипломатия- культура). В лоно шелкового пути, находящийся под тисками степных государственных образований, стали зарождаться контуры новой системы торговли, двигателем которых были европейские морские республики (венецианцы, генуэзцы и т.д.).

За более три столетия расширения и расцвета шелкового пути в предыдущем периоде, когда в его начальном этапе религиозный порыв различных племен и народов привел к созданию обширных государственных образований. Неизмеримое культурно-идеологическое взаимопроникновение друг к другу их колоссальная энергия стала медленно остывать под копытами кочевых племен на рассматриваемом этапе истории шелкового пути.

Если в начальном этапе формирования шелкового пути гунны тревожили населения Китая и оазисов Таримского бассейна, пугая их политикой «отправки коней для сбора осеннего урожая», то чжурчжэнско- монгольская конница (и их сателлитов и преемников), уничтожая многочисленные процветающие торговые города Китая и других стран по всей Евразии, нанесли непоправимый урон всей системе международной торговли по шелковому пути.

Китай, родина шелка, уже к началу этапа последнего периода испытывал жесткий прессинг со стороны различных кочевых империй (в первую очередь, киданского Ляо и тангутского Си Ся).

Как стало известно, с первых дней функционирования шелкового пути его деятельность поддерживался непрекращаемым

авторитетом централизованных (оседлых) государств Евразии. Все государства, в первую очередь, ведущие торгового–дипломатические отношения с Поднебесной, число которых все более увеличивалось, формально, реально или посредством «огромных подарков» признавали ее доминирующий статус.

Все периферийные (кочевые и/или полукочевые) государства, появляющиеся после распада централизованных китайских империй, находящихся под мощным китайским политико-культурным влиянием, также признавали ее доминирующее положение. Они всячески старались с ними иметь или сохранить отношения «мира и родства». А сами сугубо китайские государственные образования, тактически отступая в междуречье (между Хуанхэ и Янцзы), переждали смутное время, залечивая раны, снова взялись за объединение страны.

Однако данная политика, успешно реализованная более тысячи лет, дала трещину во время противостояния китайской империи Сун с двумя империями- кочевой империи Ляо и полукочевой империи Си Ся. Эти две империи выступили с притязанием на высокий (и единственный) титул- император Поднебесной, порой, не соблазняясь на «огромные подарки» за отказ от него. В анализе договора Сун и Ляо (в 1004 г.) в Шаньюани мы видим, что в нем закреплено «равенство («братские отношения») сторон, старшинство же отдавалось старшему по возрасту правителю, т.е. могло переходить от одной стороны к другой» [Бокщанин,1995, с.303].

Данную мысль продолжает другой исследователь: «Договор был выдержан в стиле «клятвенных договоров» периода Чуньцзо-Чжаньго (период с 770-221 гг. до н.э. – М. А.) и скреплен клятвой обеих сторон перед Небом и «мудрыми духами». Это лишний раз подчеркивало равенство статусов Сун и Ляо. Между правителями держав устанавливались «братские» отношения. Но существенным было то, что старшим из правителей считался старший по возрасту.

Таким образом, с каждой сменой правителей на троне могли происходить изменения их статусов. В совместном заявлении Сун и Ляо указывалось, что для отношений между ними существенно признание «братства», как такового, т.е. равенства статуса государств. Следовательно, здесь отношение между императорами подчеркнуто отделялись от взаимоотношения между государствами, в чем мы вправе увидеть принципиально новое явление в дипломатии Восточноазиатского региона» [Гончаров, 1986, с.21].

Если последующий договор с киданьями империи Ляо (в 1042 г.) вернулся к традиционной практики, так как киданьский император согласился на титул «младший брат» китайского (сунского) императора, удовлетворяющий сторонников традиционной китайской дипломатии, то капитуляция перед новой кочевой амбициозной империей Цзинь (1125-1234 гг.) и подписания тяжелого соглашения (в 1141 г.), когда «сунский император признал себя вассалом (слугой) цзиньского властелина» [Бокщанин,1995, с.304], несомненно, привел к пересмотру всей доктрины универсальности императорской власти.

Согласно мнению этого специалиста, - “обрисаванная ситуация приходила в явное противоречие с традиционной концепцией об универсальности китайской монархии, ее априорном преобладании над всеми иноземцами. Это вызвало среди некоторых китайских идеологов стремление отойти от заданной схемы и более реально оценить соседей, хотя многие другие, в том числе известный философ Чжу Си, не соглашались с этим”[Бокщанин,1995, с.304].

На наш взгляд, с договора 1004 года между Сун и Ляо в Шаньюни начинается следующий (последний) период истории шелкового пути, когда был юридически оформлен кризис традиционной концепции об универсальности китайской монархии,

выступающей, в основном, инициатором, покровителем и двигателем мировой торговли шелком.

Анализ внутривосточной жизни двух кочевых империй (Ляо и Си Ся) показывает, что времена безоговорочного заимствования культурных, административно-политических и дипломатических и иных традиций прошли. Если в империи Ляо мы впервые наблюдаем параллельное налогообложение для кочевого и оседлого населения, отдельного для каждого вида хозяйствования, то десять известных реформ императора Юньхао создали на основе китайского, уникальной самобытной (тангутской) культуры.

Более того империя Сун, потерявшая 16 стратегических округов (между Великой китайской стеной и р. Хуанхэ) и выбравший своей столицей сначала Кайфэн (восточнее от Лояна), а позднее Ханчжоу (город на южном отрезке Великого канала) в приморской части страны, под напором кочевых империй теряла многих наследий прошлого, в том числе покровительства над международными сухопутными торговыми путями.

За это наследие стали бороться кочевые и полукочевые империи, создающиеся внутри или на окраинах Китая свою государственность. Временным преемником торгового наследия Тан выступила тангутская империя Си Ся, расположенного на востоке от города Дуньхуаня через Ганьсуйский коридор до среднего течения Хуанхэ. Вот как характеризует сложившуюся ситуацию один из ведущих специалистов:- “ Через заселенную тангутами территории проходил знаменитый Шелковый путь и так называемая Дорога ветров. Этими путями традиционно осуществлялись торговые и дипломатические связи Китая с Западом. В 1035-1036 гг. этим путем последний раз следовало посольство из Индии в Китай. Это посольство из девяти человек во

главе с буддийским монахом Шань Чэном, видимо, достигло столицы Сун города Бянь (Кайфэн) зимой 1035-1036 г. Путь посольства пролегал через Среднюю Азию (государство Даши), современный Синьцзян (округ Сичжоу) и Ордос (округ Сячжоу). Когда в мае 1036 г. посольство возвращалось обратно, оно было задержано в Сячжоу тангутским государем Юань-хао. Это в конечном итоге привело к прекращению связей Китая с западным краем сухопутным путем” [Кычанов, 2008, с. 378].

Очевидно исследователь имел виду, на наш взгляд, прекращение дипломатических и культурных связей между ними, а сугубо торговые связи продолжали действовать. Исследования большинства ученых показывает, что несмотря, в основном, на безуспешные пограничные сражения с кочевыми государствами, империя Сун показывала устойчивый рост и ощутимые успехи во многих областях, включая, и международной торговле. Согласно Бокщанину, “значительную прибыль приносила и внешняя торговля, которая велась на границах с империями Ляо, Западная Ся (Си Ся- М.А.), Цзинь, караванными путями через Центральную Азию и морскими- с Кореей, Японией, странами Южных морей и прибрежными районами Индии. Как и прежде, она преплеталась с дипломатическими отношениями, но в рассматриваемое время чисто торговая сторона в этом обмене заметно возросла. Государственные власти жестко контролировали эту торговлю, но уже с 80-х годов X в. часть привозных товаров, так или иначе, передавались в руки частных торговцев при уплате соответствующих пошлин, колебавшихся от 1/10 до 4/10 стоимости” [Бокщанин, 1995, с.311].

Тангутское государство Си Ся, выступивший северо-западным осколком славной Танской империи, находившийся под мощным культурным влиянием Китая, однако не перенял опыт этой империи по покровительству международной торговли. Ни одна из перечня 10 известных вышеупомянутых реформ императора Юньхао ни затрагивала проблематики организации и ведения международной торговли. Небезинтересно заметить, что деятельность государственных складов этой империи была урегулирована до мельчайших тонкостей, что свидетельствует об абсолютного доминирования натурально-хозяйственной формы в ней. Возможно, малочисленность населения (пр. 2, 5 млн. населения), примерно поровну разделенного на кочевого и оседлого населения, когда внутри страны проходил обмен между продуктами этих видов хозяйствования и приграничная торговля со соседями, а также удовлетворения потребления роскоши со стороны элиты за счет набегов и завуалированной “дани” от Сунской империи в совокупности делали международной торговли неактуальной для этой полукочевой империи.

Большинство исследователей отмечают нехватки источников и иных информационных материалов, касающихся различных видов отношения этого узлового государства в шелковом пути с его западными соседями. Согласно одного из ведущих специалистов, -“возможно, что через Си Ся суны (китайцы- М.А.) вели переговоры с Западным Ляо (государство кара-китай в Хафтруде- М.А.). Тангуты были в постоянном контакте с татаро-монгольскими племенами и уйгурами. Это неизбежно, ибо они имели с ними общую границу большой протяженности.

К сожалению, в доступных нам источниках мы встречаем лишь туманные намеки на эти отношения. Для нас в настоящее время вся история международных отношений Си Ся повернута на

Восток (территории, удаленные от маршрутов шелкового пути-М.А.). Интереснейшие связи тангутов с Западом, несомненно, простиравшиеся до владений Хорезм-шахов, остаются тайной, которая сможет быть раскрыта только при условии привлечения новых источников” [Кычанов, 2008, с. 154].

Как было подчеркнуто выше, со времен взаимоотношений Хань с кочевой империей гуннов до анализируемого периода истории шелкового пути китайской дипломатией была широко использована концепция “мира, основанного на родстве” (хэ цинь). Согласно этой (“семейной”) практики китайский император, выдавая замуж свою дочь (принцессу, включая порой мнимую) за правителя варварской племени или государства, вовлекал его в свою “семью”, тем самым утверждая свою главенствующую роль в нем. Здесь начали действовать “внутрисемейные” отношения в иерархической структуре “отец- зять”, а по отношению рождаемых в этих браках венценосных детей “дед- внук”. Вспомним, что говорил своим приближенным шаньюй Цети-хоу вначале своего правления, опасаясь неожиданого нападения Хань, заявлял: “Я-только ребенок, смею ли смотреть на ханьского Сына Неба как на равного? Ханьский Сын Неба мне как старейшина” [Сыма Цянь, Т.VIII, 2010, с.352].

Однако, с XI в. мы не наблюдаем эти отношения между Сун с северными степными империями. Согласно мнению специалиста, - «Насколько нам известно, в периоды Сун и Мин не было случаев выдачи китайских принцесс за правителей «варваров». В 1042 г. киданьский император Син-цзун потребовал от сунского двора Фу Би передачи Ляо (киданьской империи- М.А.) дополнительных территорий на границе. Столкнувшись с решительными возражениями сунского дипломата, Син-цзун предложил взамен территориальных претензий выдать за него старшую дочь правителя Сун или же увеличить дань. Китайцы предпочли второй вариант. Это единственный известный нам

случай, когда велись серьезные переговоры с сунской империей о заключении хэ цинь, причем сами кидани не особенно настаивали на установлении именно таких отношений» [Гончаров, 1986, с. 22].

Данная практика, не принятой империей Сун, была заимствована северными империями Китая. Известно, что создание государства Си Ся было сопровождено запросом его основателя Цзи- цянь киданьям выдать их принцессу, которую он получил в 989 г. Даже вышеупомянутый император тангутов Юньхао был женат на киданьской принцессе.

Таким образом, в течение одного столетия в Восточной Азии сложилось относительно устойчивое положение, когда три «империи» Поднебесной, после серий «пробы сил» (войн), смирились с ним. Но вскоре этот относительный баланс сил был нарушен со стремительным вторжением чжурчжэней (племени тунгусского происхождения). Новая военно-политическая сила, пренебрегая традиционными культурными и дипломатическими порядками китайских империй, стала опираться только на грубую силу.

Ко времени вторжения чжурчжэнских племен китайская концепция «универсальности» находилась в кризисе, когда сразу три империи претендовали на статус «центр Поднебесной», а чжурчжэни, выходяцы из ее самой отдаленной северо-восточной окраины, будучи вассалами киданев, были сторонниками степной (силовой) традиции.

Чжурчжэни под предводительством своего вождя Агуды из ведущей племени Ванъянь в 1113 г. начали войну с ослабевшей в упорных войнах с Сун и Си Ся империи Ляо и через два года (в 1115 г.) объявили его императором государства Цзинь. Они нанесли ряд сокрушительных ударов по империи Ляо. Как было указано выше, перед падением империи Ляо один из родственников императора Елуй Даши ушел с частями киданьской армии на запад и создал свое государство (государство Кара-китаев или Западное Ляо) в Хафтруде.

К этому времени в Сунской империи существовала две соперничающие придворные партии с собственным подходом к окружающему миру, в первую очередь, к Великой степи.

Правящая (придворная) партия ратовала за возвращение утраченной территории (16 округов) оставшиеся у «варваров», поэтому считали целесообразным заключения союза с новым союзником (Цзинь против Ляо).

Другая партия была, прежде всего, за сохранения мира и спокойствия внутри страны. Исследователь дает характеристику одного яркого ее представителя – «основной тезис Чэнь Яоченя таков: порядок в Китае – это основное, «внутреннее», а покорение «варваров» - второстепенное, «внешнее». Вопреки сложившемуся ранее в доктрине «мироустройства» представлению Чен Яочень отрицает даже существование причинной связи между установлением «гармонии» в Китае и прибытием «варваров» с «данью»» [Гончаров, 1986, с. 24].

Центром расселения чжурчжэньских племен было среднее течение реки Сунгари, в районе впадения в нее рек Линьхэ и Нонни. Судя по китайским источникам XI в., чжурчжэньские племена заселяли в тот период огромные пространства от истоков

Ялунцзяна и гор Чанбайшань на юге до среднего течения Амура. Основным занятием чжурчжэней было скотоводство, земледелие, охота.

Вторжение чжурчжэней был похож на вторжения «готов» почти тысячелетней давности, которые, «выходя из Скандзы» как «пчелиный рой», в конечном счете, низвергли западноримскую империю. На этот раз конечной целью «варваров», “выходящих из Сунгари”, была завоевания (оседлой) империи Сун.

Поэтому ни одна придворная группа не смогла цивилизовано договориться с ними. Согласно мнению специалиста: «Чжурчжэнский император Ваньянь Агуда (Тайцзу, правил 1115 – 1123 гг.) видя военную немощность Сун, стал все более ужесточать свои условия на переговорах. Дань, которую прежде Китай выплачивал Ляо, теперь (как считали чжурчжэны) должна поступать к ним. Однако оны сумели добиться от Китая дополнительных уступок. На том основании, что Ляо было разгромлено лишь силами Цзинь, практически без военной помощи со стороны Сун, чжурчжэни по соглашению 1123 г. отдали Китаю лишь округов вокруг Яньцина (Пекина), оставив себе остальные стратегически важные округа, и за эту милость обязали Сун ежегодно выплачивать Цзинь 1 млн. связок монет, что составляло шестую часть налоговых поступлений из округов, переданных китайской империи.

Следовательно, общая сумма сунской «дани» чжурчжэням почти втрое превышала сумму выплат киданям. Экономически такая «дань», поставлявшаяся обычно серебром и шелком была для Китая вполне посильной. Дело в том, что серебро, передававшееся Сун киданям и тангутам, очень скоро возвращалось обратно в Китай посредством расчетов за китайские товары, а «дань» шелком никогда не превышала 1% его ежегодного производства. Проблема

заклучалось в другом – представить эти выплаты, фактически являвшиеся «данью», так, чтобы не возникало противоречий с «мироустроительной» идеологией. В XI в. сунские политики вышли из затруднительного положения, назвав «дань» киданям «компенсацией» за расходы на [ляоскую] армию». К. Шварц – Шиллинг совершенно верно отмечал, что Рим и Византия аналогичным образом определяли свои выплаты пограничным «варварам», стремясь примирить идеологию своих «универсальных монархий» с политической реальностью. В случае с Цзинь эту дань назвали «подарками в знак признания заслуг победоносной армии» [Гончаров, 1986, с. 25].

Однако, данное соглашение, имеющее «дружеский» характер, не смог приблизить позицию договаривающихся сторон, так как чжурчжэни, несмотря на победы, оставались в глазах у китайцев «варварами». А чжурчжэни, признающие только грубую (военную) силу, относились к Китаю из-за слабости сунской армии пренебрежением и свысока. Эти отношения не могли обеспечить мирные добрососедские отношения и соответственно вскоре Цзинь объявила войну Сун под незначительным предлогом (укрытия беглого генерала).

Здесь интересно наблюдать позицию государства Си Ся, которое во время чжурчжэнско-киданьских войн из-за наличия родственных отношений с вторыми пассивно оказало содействия им, а в последующем в чжурчжэнско-сунских войнах был на стороне первых, отвергая многочисленные сунские посольства о совместном выступлении.

Тем временем, по сообщению историка, «китайцы терпели одно поражение за другим. Два сунских императора попали к чжурчжэнам в плен. Гао- цзун, новый император южной Сун, в 1128г. вынужден был искать спасение на одном из островов в море.

В 1129 г. чжурчжэньская армия переправилась через Янцзы. В 1130г. чжурчжэни создали на границе с Си Ся во всем зависимое от них государство Ци. В этом же году чжурчжэни овладели Ланьчжоу. Государство Си Ся фактически перестало граничить с Сун. Лишь в 1142г. чжурчжэни приостановили походы на Сун. Южный сунский двор обязался платить Цзинь ежегодно 250 тыс. лан серебра и 250 тыс. кусков шелка. Границей между двумя государствами была признана река Хуанхэ. Весь Северный Китай остался под властью чжурчжэней» [Кычанов, 2008, с.140].

Самое тяжелое, империя Цзинь, опираясь на превосходную армию, стала предъявлять ряд условий, которые могли полностью дискредитировать китайскую «мироустроительную» концепцию, «о признании сунским императором цзиньского «дядей по отцу», о возвращении Цзинь всех перебежчиков из района Яньцзина, передаче ей трех важнейших областей к северу от Хуанхэ – Тайюани, Чжуншани и Хэцзяни – и наконец, об отправке заложниками в чжурчжэньскую армию принца крови и первого министра Сун. Все эти условия были оскорбительны и неприемлемы для китайцев в рамках их традиционных представлений. Известный конфуцианский ученый Ху Аньго, опираясь на примеры из канонической летописи «Чуньцю («Весны и осени») проанализировал требования чжурчжэней и показал в чем именно заключалось их «позорность». Признав цзиньского «варвара» своим «дядей», сунский император утрачивал право на исполнение роли Сына Неба. Передача «варварам» земель считалась бы величайшим унижением. Ху, как и другие сунские политики, считал возможным существенно увеличить дань, лишь бы не отдавать территорий. Отправка же заложниками в Цзинь, сунских чиновников рассматривалась как показатель зависимого статуса Сун. В период Поздней Хань, например, китайцы принуждали правителей сюнну присылать сыновей в качестве

заложников, когда навязывали степнякам статус «вассалов» [Гончаров, 1986, с. 27].

Таким образом, полутора столетняя война в Китае привели к упадку традиционных ценностей в Поднебесной, когда претензии кочевых империй в ее первоначальной стадии на «братский» статус с Сунской империей сменилась грубой интервенцией новой воинственно настроенной империи Цзинь, жестко требовавшей по отношению к себе – отношение к «сюзерену» со стороны вассалов, включая и Сунскую империю, преемника империи Тан. Этот триумвират (Сун, Цзинь и Си Ся) просуществовал до монгольского нашествия.

В таком положении дел, когда варварские кочевые империи, вместо мирной торговли культивировали набеги и вооруженной экспансии, говорить о дальнейшем развитии шелкового пути стал излишним. К этому времени, Индия уже не отправляла своих паломников-послов в Китай или, наоборот, из Китая никто не отправлялся сухопутным путем через Западный край в паломничества в Индию. Культурный взаимообмен по шелковому пути резко сокращался. В Сунской империи буддизм пришел в упадок. Империя Сун, вынужденная отступать под натиском степной экспансии за Янцзы, оторвалась от северных сухопутных маршрутов шелкового пути. Императорский двор, оказавшись на северном направлении, во вражеском окружении, не смог выступить покровителем сухопутной караванной торговли.

Эти кочевые империи, не имея дипломатию дальнего действия, утрачивая вековые традиции дипломатии китайских императоров, постепенно превратились в узкорегionalные государства. По мнению российского исследователя: «Интерес династий Хань и Тан к западным странам диктовался прежде всего военными и торговыми соображениями: китайцы отбивали набеги пограничных народов, искали союзников в тылу этих племен, старались обеспечивать прямую и транзитную торговлю по Великому шелковому пути. Чжурчжэни не вели активной торговли с далекими странами на западе, при заключении отдельных сделок пользовались услугами уйгуров, а военная опасность угрожала или лишь со стороны монголов. Поэтому познания чжурчжэнов об окружающем мире уменьшались довольно равномерно по мере удаленности соответствующих народов от государсто Цзинь» [Воробьев, 1971, с. 41].

За две столетия доминирования в северном Китае и востоке Центральной Азии кочевых империй их торговые и иные контакты с Варорудом и западными от него землями существенно уменьшились. За это время часть киданев (кара-китай), отколовшись от гибнущего государство Ляо и создавшие свое государство в Хафтруде (Западное Ляо), приняв ислам, потеряли связь со своей прародиной. Только на закате империи Цзинь, открыть восточно-азиатским народам и самым китайцам довелось вновь открыть чудеса далекого Запада- оседлие страны Таримского бассейна, Хафтруда и Вароруда.

Двое их представители, при жестких жизненных обстоятельствах, предприняли дальний поход вслед за Чингизханом в Вароруд. Первый из них – цзиньский посол Угусунь Чжун Дуан пересек всю Центральной Азию от столицы империи Цзинь до Герата (в 1219-1222 гг.). «Угусунь Чжун Дуан,- пишет российский исследователь,- принадлежал к правящему дому. После

победы монголов в Северном Китае он был послан цзиньским двором к Чингизхану с просьбой о мире. Его дипломатическая миссия не увенчалась успехом, так как цзиньский император надеялся сохранить свое государство и ограничиться признанием завоевателя старшим братом, а Чингизхан, покоривший к тому времени значительную часть Северного Китая и многие центральноазиатские земли, соглашался оставить за Цзинь лишь территорию к югу от Хуанхэ, да еще требовал передачи ему западных стратегических проходов в страну. Догоняя Чингизхана Угусунь Чжун Дуан добрался до Герата. Его маршрут не ясен, но сведения по этнографию мусульманских стран в его «Записках» интересны» [Воробьев, 1971, с. 41].

Примерно в это время (1221-1224), по вызову самого Чингизхана, совершил западный поход и известный даоский монах, китаец Чан Чунь. Его «Записки о западных землях» (Си ю цзи) также изобилуют интересными рассказами. По сообщению исследователя: «Проникнув в Мавереннахр (Вароруд- М. А.) Чан Чунь был потрясен видом Самарканда, к описанию которого возвращается неоднократно, одновременно высказывая ценные замечания о пригородных полях. Город был построен на каналах, и при хорезм-шахах в нем обитало более ста тыс. семейств- число к моменту появления Чан Чуня уменьшившиеся в четверо. Местным землевладельцам навязали и совладельцы завоевателей- монголов и их союзников. В городе поселили много ремесленников из числа пленных китайцев. Воспевая в стихах Самарканд, путешественник пишет: «Весь город наполнен медными сосудами, сиящими как золото, а на рынках военное платье, как даосское. Ножницы и пила из золота- суть товары и подерки; шьют платье из белой тонкой шерстяной материали. Чудесные дыни и белые тутовые ягоды, вещи необыкновенные: кому из китайцев попробовать их!» » [Воробьев, 1971, с. 38-39].

На наш взгляд, огромный торговый город Самарканд, центр торговой империи на шелковом пути, даже после первичного монгольского удара сохранил свой блеск, ввергнув в неопишное восхищение самого просвещенного интеллектуала того времени, каковым был Чан Чунь.

Блокирование со стороны империей Цзинь и частично Си Ся культурного воздействия Китая и согдийцев на Великий степь, а также практика регулярных карательных походов чжурчженей против кочевников степи способствовало к небывалому росту идеологии «степной вендетты», которая, в свою очередь, спровоцировала милитаризации всех фер жизнедеятельности степняков. Все эти процессы способствовали к появлению личности Чингиз-хана, который ценности «степной вендетты» поднял до уровня государственной идеологии. Характеристика этой идеологии приводится в изложении известного специалиста: «Высшим наслаждением воина почиталось «подавить возмущившегося и победить врага», заставить его женщин «рыдать и обливаться слезами». Немалую роль играло возведение в ранг политики чувство мести: во внутренней борьбе, по меньшей мере, в отношении к тайчиутам (племя, у которой Чингизхан был в молодости в плену- М.А.), татарам (отравившие отца Чингизхана- М. А.), меркитам (воевавшие против монголов- М.А.) , вне Монголии –к правящему чжурчженскому дому государства Цзинь, за обиды, причиненные предкам Чингиз-хана, к тангутам- за то, что они отказались участвовать в походе на Запад, на государство Хорезмшаха, и т.д.» [Кычанов, 1995, с. 375].

Две из трех столпов шелкового пути (дипломатия и культура) не могли выполнить свою функцию в восточной части шелкового пути. Остались одни согдийцы со своими сугубо торговыми делами без покровительства со стороны восточных империй и культурного влияния со стороны других цивилизованных центров (Индия, Иран и т.д.).

Таримский бассейн из-за прекращения интенсивных торгово-дипломатических отношений с империей Сун, которых прервали Си Ся, тибетцы и чжурчжэни, в исследуемом периоде редко попадали в поле зрения китайских историков. Их удаленность от второго центра – арабского Халифата с его прекрасными географами и историками, описывавших, в основном, мусульманский мир, выступает дополнительной преградой. Поэтому опираемся на существующие редкие источники.

Как было подчеркнуто выше, после 840 года, когда киргизы уничтожили Уйгурский каганат, многие токуз-огузские (уйгурские) племена покинули Северную Монголию и двинулись в Таримский бассейн и другие сопредельные земли. Здесь в оазисах они создали свои многочисленные княжества. В последующем уйгуры Эдзин-гола и Ганьчжоу попали под власть тангутов. А западная часть Таримского бассейна попала под власть карлукского государства Караханидов, восточная столица (ставка) которого находилась в городе Кашгар.

В годы упорной борьбы за сохранение своей независимости Уйгурского Ганьчжоуского княжества с тангутами повысилась на востоке Таримского бассейна роль Турфанского княжества, находящегося в некоторой удаленности от борющихся между собой китайских империй. Сюда в 981-983 годов прибыл посол сунского императора Ван Яньдэ.

На наш взгляд, основной причиной отправки данного посольства сунским двором состояла в том, чтобы найти на западе достойных союзников (как во времена ханьского императора У-ди (140-87 гг. до н.э.) для борьбы с северными «варварами» - киданями и тангутами. Из-за того, что Уйгурские Ганьчжоуское княжество вело затяжные войны с тангутами за сохранения независимости, то Турфанское княжество могло выступить союзником с Сунской империей. Согласно мнению исследователя, - История Турфанского княжества до посещения Ван Яньдэ, а также и после его визита (до вторжения киданей в главе с Елюй Даши) чрезвычайно слабо освещена в западных и восточных источниках. Поэтому дорожник Ван Яньдэ – явление уникальное и его трудно переоценить. Вместе с тем сочинение Ван Яньдэ страдает и существует недостатками, снижающими его значение при рассмотрении вопросов, связанных с политической историей этого региона”[Малявкин, 1983, с. 176].

Одними из недостатков считается перечень племень, находящихся под властью идикута (правителя) Турфанского княжества, сообщаемом в этом дорожнике,- “Под управлением государства Гаочан (китайское название Турфан – М. А.) находились многочисленные племена: южные и северные туцзюя (тюрки – М.А.), большие и малые чигили, ягма, карлуки, кыргызы, барман, геты, урунгу” [Малявкин, 1983, с. 177].

Это сообщение не отвечает действительностью, что отмечает и другие исследователи. Описание этой якобы огромной территории описывает один из специалистов: -“Если попытаться представить территорию Турфанского княжества, основываясь на списке племен, якобы подчиненных ему, то увидим громадное государство, включающую современную Хакасию (кыргызы), западной части МНР (Монголия- М.А.) (северные т.е. западные туцзюе), Джунгарию (карлуки), Семиречье (карлуки, ягма, барман/марман), часть бассейна Амударьи и Сырьдарьи (геты),

картина получилась абсолютно неправдоподобная, не соответствующая реальному положению в этих районах во время визита Ван Яньдэ» [Малявкин, 1983, с. 177].

Как было подчеркнуто выше, к времени северного похода саманидского эмира Нуха ибн Асада в 840 году, совпадающего во времени с разгромом Уйгурского каганата со стороны кыргызов карлукский ябгу принял новый титул кагана и стал именоваться Бильге Кюль Кадыр- каган. Данное карлукское государство Караханидов, имевшего северную ставку в Суябе (Хафтруде) и южную в Кашгаре, относительно успешно сдерживающегося саманидского натиска, никак не мог быть вассалом далекого оазисного княжества.

Однако большой перечень тюркских племен, на взгляд, свидетельствует о новом процессе на востоке Евразии- процесс тюркизации Турфанского оазиса и Таримского бассейна в целом. Регион некогда преимущественно заселенный восточноиранскими племенами (саки-юечжи, саки, за Согдом, саки- хаомаварга и др.) и индоевропейскими племенами (тохары), поэтапно усиливающие крупными миграционными потоками предков таджиков (согдийцев, бактрийцев, бадахшанцев и т.д.), к второй половине X в. оказался под мощным миграционным потоком различных тюркских племен, уходящихся на запад от «взволнованной» Монголии и Маньчжурии. Такого мнения придерживается и японский специалист Ханэда Акира, который подчеркивает,- «О древних жителях Таримского бассейна можно сказать, что их языки принадлежали к индоевропейской семье, в то время как жители Трансоксании (Варуруда- М.А.) были иранцами. Хотя неизвестно, можем ли мы назвать их аборигенами в строгом смысле слова, именно они со II в. до н.э. до середины IX в. н.э. являлись оседлыми жителями многих маленьких оазисов, которыми окружены Такла- Макан» [цит. по Литвинский, 1988, с. 8].

Согласно мнению академика Б.А. Литвинского наряду с тохарским (индоевропейским) пластом был и иранский,- «о его (иранского –М. А.) существовании стало известно после открытия и дешифровки группы рукописей, язык которых (принадлежит к сакской группе иранских языков) назван хотано-сакским или, в соответствии с самоназванием этноса, хотанским. Эти тексты, происходящие из Хотана и Тумшука, записаны индийской письменностью брахми и датируется VII- X вв. (или V-X вв.). Сакское население указанных районов приняло буддизм задолго до времени написания этих рукописей, которые преимущественно является переводами буддийских санскритских сочинений, хотя имеются и документы светского содержания. Хотано- сакский язык, относящийся к среднеиранским, в документах имеет название hvatanau, hvatno. Памятники на хотано- сакском языке относятся к IV-IX вв., они свидетельствует о том, что данный язык прошел три стадии развития от древнеиранских форм к новоиранским» [Литвинский, 1988, с. 9].

Со середины IX в. наблюдается массовая миграция тюркских племен в Таримский бассейн из Орхона (Северная Монголия) из-за ликвидации Уйгурского каганата и их постепенное оседание в городах –оазисах бассейна. Эта мысль находит свое подтверждение в исследованиях других авторов, один из которых подчеркивает,- «начался процесс тюркизации коренного населения, оказавшийся необратимым... Поэтому список племен, приведенный Ван Яньдэ, можно рассматривать как констатацию факта присутствия на территории Турфанского княжества различных небольших племенных групп, в силу тех или иных причин отколовшихся от основной массы и оказавшихся в составе других государственных образований» [Малявкин, 1983, с. 181].

Сообщение в дорожнике (путеводителе) Ван Яньдэ о южных и юго-западных соседях также содержат погрешности,- “Его территория (Турфана- М.А.) на юге достигает Хотана, на юго-западе- арабского государства и Персии, на западе - Пурушапура (совр. Пешавар- М.А.) в Индии” [цит. по Малявкин, 1983, с. 181].

Исследователи предполагают, что сунский посол имел виду не непосредственные соседи Турфанского княжества, а направления его торговых отношений с этими государствами.

Как было упомянуто выше, во время разгрома империи Ляо от чжурчжэней (в 1125 г.), часть киданьской армии во главе родственников императора Елуй Даши отошел на запад и создал в Хафтруде свое государство (Западное Ляо). О проходе этой армии через территории Турфанского княжества сообщается в хронике “Ляо шу”, составленной во время монголов, где говорится,- “Сейчас я отправляюсь на запад к арабам и хочу пройти через ваше государство. Пусть это не вызывает у вас недоверия. Бильгэ (правитель Турфана- М.А.), получив письмо, сразу же выехал на встречу. Прибыв в ставку [Даши], три дня пировал. Перед выступлением в поход [Бильгэ] подарил [Даши] 600 лошадей, 100 верблюдов и 3000 баранов, охотно оставил в качестве заложников детей и внуков и стал его вассалом. Проводил [Даши] за пределы страны. Там, где [Даши] проходил, он побеждал врагов и успокаивал покорившихся” [цит. по Малявкину, 1983, с. 183]. Как вытекает из этого сообщения, кара-китаи, установив номинальный сюзеренитет над Турфанским княжеством и не вмешиваясь в его внутренние дела, а только уточнив размеры “дани” ушли на запад. Эти отношения между ними сохранились, видимо, до возвышения монголов. Как сообщает исследователь, - “Исторические хроники почти ничего не сообщают об этом этапе жизни Турфанского княжества. Срединное государство (Китай-М.А.) было отрезано от

Центральной Азии и не имело регулярных связей, мусульманские же географы не удостаивали своим вниманием “неверных”” [Малявкин, 1983, с. 193].

Примерно 100 лет после падения империи Тан в Китае, пало государство Саманидов в Вароруде также под ударами кочевников (карлуков). Бывшие соседи- государства Караханидов и Газневидов (основанного бывшим саманидским рабом), испытывавшие на себя мощное культурное влияние Саманидов, выступили преемниками их великолепного наследия. Однако они не смогли сохранить это культурное наследие, а Махмуд Газневид, потомок тюркского раба, основатель государство Газневидов, завуалировал свои грабительские походы в Индию под лозунгом священной войны мусульман с неверными.

Выступление караханидов из степи в культурные города Саманидов в Вароруде привели в движение и другие кочевые племена- сельджуков и кипчаков. Сельджуки, степные союзники Саманидов, принявших от них новую религию- ислам, не смогли оказать содействие своим оседлым союзникам (в их войне с Караханидами) и отошли в Хорасан. Отсюда началось их грандиозное шествие на Запад, имевшие колоссальные последствия, поэтому более подробно рассмотрим эти процессы.

Отличительная черта Сельджукидской империи от других мировых (восточных) держав состоит в том, что это единственное мощное государство, которое в кульминационном этапе своего развития (при правлении султана Маликшаха (1072-1092 гг.) смог установить контроль над сухопутной частью шелкового пути от Палестины (портов восточного Средиземноморья) до Ферганы (современных границ Китая, производителя шелка).

Смена места обитания туркмен-сельджуков от первоначального ареала обитания (прибрежье Арала и Каспия) к следующему (Персидский залив, Средиземноморье и Черное море) выступила катализатором колоссальных трансформаций не только на Востоке (суннитское возрождение), но и на Западе (крестовые походы и их последствия).

До начала выхода к авансцене мировых процессов повседневная жизнь туркменских (огузских) племен была тесно связана не только со скотоводством, но и с Великим шелковым путем. В это время (эпоха Саманидов) один из главных маршрутов этого трансконтинентального пути проходил вдоль правого берега Сырдарьи, который связывал Среднюю Азию через Великую степь (или Дашти Кипчак) с Хазарским каганатом (северный берег Каспия) с выходом на северо-восточное побережье Черного моря, где византийцы имели свои порты-колонии.

По среднему и нижнему течению этой великой реки Средней Азии за более тысячелетней истории функционирования шелкового пути были построены и процветали десятки городов (от Отрара до Янгикент) благодаря согдийской колонизации его центрального звена. Кочевые племена также удачно включились в региональном разделении труда, не только стабильно обеспечивая многочисленные караваны основным «транспортом»- верблюдом, но и в обеспечении их охраны в своих статных скакунах, а также в поставках других товаров животноводства и охоты (меха, пушнина и т.д.) для обмена или потребления. Этот ирано-тюркский синтез сельджуки не только особо оберегали, но и последующих этапах подняли его на очень высокий уровень (назначение Низам ал-Мулька великим визирем).

«Его (Низамул-мулка- М.А.) заслугой нужно считать то, что он побудил Али Арслана (сельджукского султана- М.А.) отменить суровые законы против шиитов и тем дать некоторое удовлетворение персидским подданным во владениях халифата, который во второй половине XI в. действительно на короткое время обнаружил признаки новой энергии и жизненности. Освобожденные от забот внутреннего управления сельджукские султаны тем успешнее могли предаваться военному делу и распространять на востоке и на западе пределы своей власти. Гузы и туркмены внутренней Азии, привлеченные победами и жадной добычи, составили главную силу сельджукидского государства. После взятия Багдада (1054) они распространились по Персии и Месопотамии, а позднее турецкая орда, постоянно обновляемая новыми притоками свежих сил, разлилась как весенняя вода, по Сирии, Армении и Малой Азии, занимая новые области то именем султана, то для собственных поселений» [Успенский, 1947, с. 18].

Сельджукские племена из-за перенаселения в низовьях Сырдарьи, что послужило различным внутренним конфликтам между различными племенами и родами, отошли в Вароруд и сразу попали в эпицентр стремительных военно-политических процессов. В это время (конец X в.) Саманиды вели ожесточенную борьбу с караханидскими тюрками и сельджуки выступили на стороне первых, но это не увенчалось успехом. В 999 году караханиды захватили Бухару-столицу Саманидов и сельджуки постепенно отошли в Хорасан. В новом месте они столкнулись с газневидскими правителями и в упорной борьбе с ними (протяженности 40 лет) одолели их. Победа в мае 1040 года в генеральной битве у стен крепости Данденакан (между Серахсом и Мервом) ознаменовало рождение Сельджукского государства [Мамадазимов, 2000, с. 150].

За полстолетия успешных военных походов Великие Сельджуки (Тогрул бек, Чагры-бек, Алп Арслан и Маликшах) установили свой контроль от Палестины до Ферганы, выходя по флангам в Персидский залив (Кирман и Оман) на юге и Каспийское море (п-ов Мангышлак) на севере.

Выход Великих Сельджуков в восточное побережье Средиземноморья (порты Палестины и Сирии), находящихся под властью Византийской империи, после сокрушительного поражения самого императора Романа IV Диогена (при битве под Манцикертом), сделал их хозяевами обширных пространств от Ферганы до Палестины. За меньше чем в одно столетие (999-1092) сельджуки, контролировавшие короткий маршрут северного караванного пути в низовьях Сырдарьи, теперь стали господствовать над всеми сухопутными маршрутами Великого шелкового пути от западных ворот Китая до конечного пункта (порты восточного Средиземноморья) [Мамадазимов, 2000, с. 150-151].

Их выход к Средиземноморью всколыхнул весь Запад, который организовал серии военно-экспедиционных походов, известные в истории как «крестовые походы». Здесь мы не будем рассматривать военные и военно-политические процессы во время крестовых походов, когда основное бремя борьбы с крестоносцами также ложилось на плечи туркмен-сельджуков (в союзе с курдами и другими мусульманскими народами Леванта), а акцентируем внимание на влиянии восточных традиций на последующую общественную жизнь народов Запада, как в материальном, так и духовном плане.

Тесные контакты с восточной цивилизацией, воедино соединенной арабо-иранским и тюркским компонентами, расширили горизонты «латинян», приобщившихся на Востоке к более высокой культуре. Данное приобщение оказало колоссальное воздействие на эстетические вкусы, нравы, быт и обычаи ведущего европейского сословия- рыцарства. Впоследствии крестовые походы, приведших к появлению малых христианских (рыцарских) государств в Малой Азии и установивших регулярные связи большинства европейских государств с ними, торговый обмен с Востоком приобрел регулярный характер (минуя Византийской империи). Если в первоначальном этапе данного товарного обмена преобладали экзотические товары из стран Леванта как пряности, красители, дорогие товары как атлас и парча, ювелирные изделия, оружие и т. д., то постепенно в нем видное место заняло сукно из Западной Европы (из Англии, Фландрии, Франции, Италии и т.д.), которое, в свою очередь, стимулировало материальное производство в этих странах.

Регулярный товарообмен Запада с Востоком коснулся и научной сферы. Мусульманский мир данной эпохи превосходил европейцев по уровню философских и естественнонаучных знаний, который сохранил в переводах часть греческого философского наследия, утраченного в Западной Европе. В XII-XIII западные монахи стали активно переводить с арабского трактаты по философии, математике, медицине, астрономии. В европейских университетах началось широкое увлечение аристотелизмом. Некоторые ученые утверждают, что существует большая вероятность ознакомление европейцев с ветряными мельницами в Сирии, которые широко распространялись в северной части континента, превратившись в неизменную часть местного пейзажа.

А сами туркмены- огузы, выступившие катализатором данных глобальных трансформаций, не остановились в восточных берегах Средиземноморья и попали в поле зрения пытливых исследователей и на западных берегах этого моря, отделяющий Европу от Африки, тесно связанной с процессами в азиатском континенте.

Например, профессор Принстонского университета Соломон Гойтейн в своем выступлении «Изменения на Ближнем Востоке (950-1150) в свете документов каирской генизы» на известном оксфордском симпозиуме (1969 г.), посвященном мусульманской истории (950-1150), попутно анализирует деятельность туркмен- огузов в Испании изучаемого периода. Источником нашего исследования выступает письмо, найденное в генизе Каира. Этот город в рассматриваемом периоде выступал не только как основной перекресток мировой сухопутной торговли между азиатским континентом и севером Африки, охватывая и Пиренейский полуостров, а также узлом пунктом мировой морской торговли между Европой и Индией. Гениза- помещение при синагоге, куда складывались вышедшие из употребления тексты и документы, которых нельзя было уничтожить, ибо они содержали имя бога. Автором данного письма, посланное из Толедо в Альмерию (оба города Испании) в 20-х или 30-х годах XII века был Иуда бен Леви, известный еврейский поэт, преуспевающий врач и, соответственно, глава общины. Он описывает историю еврейской женщины, которая путешествовала с мусульманским караваном и была захвачена христианскими разбойниками (профессор попутно напоминает, что Толедо в те времена был христианским городом и выкуп на взрослого человека составлял 33 1/3 динара). В письме сообщается, какая часть этой суммы была собрана, чтобы адресату было понятно, сколько требуется от него.

Здесь мы сталкиваемся с важнейшей информацией, так как автор письма среди прочих называет - ат -турк ал-гузз (точнее, туркмены-огузы), внесших значительной части необходимой суммы (4 динара).

Профессора крайне интересует происхождение этих людей, и он обращается к своему коллеге- профессору Вернету из Барселоны за помощью. Он отвечает, что турки служили во вспомогательных войсках в Испании и Магрибе в XIV в. и что в Фесе был даже квартал, названный их именем. Это тоже очень важная информация, но она касается не торговли, а военную службу, и кроме того охватывает более позднее время чем рассматриваемого нами (не XI- XII , а XIV в.). Профессор продолжает поиски и находит упоминание о турках- огузах как о партнерах в торговой сделке. Поэтому профессор Гойтейн приходит к вполне естественному заключению, что в письме идет речь о сельджукских торговцах, которые путешествовали, в одном караване с той (еврейской) женщиной. Этот специалист также утверждает, что это не должно нас особенно удивлять, поскольку они были и зачастую и великими купцами, а от сельджукской Анатолии остались более многочисленные и роскошные караван-сарай, чем от других мусульманских народов [Гойтейн, 1981, с. 40-41].

Данное письмо ярко свидетельствует, что туркмены- огузы, воодушевленные своими успешными походами в западные края, не останавливались на восточном берегу Средиземноморья (в Малой Азии), а осуществляли далекие сухопутные торговые операции из Центральной Азии, достигая и Пиренейский полуостров через всю северную Африку.

Что касается морской торговли, то профессор Соломон Гойтейн, опираясь на документы генизы, утверждает, что энергичный и развитый средний класс занимался процветающей средиземноморской торговлей на кораблях с арабскими названиями. Он собрал название, маршруты и другие сведения о 150 кораблей в XI веке, а в XII веке обнаружил только маркаб (судно) ас-султан и маркаб ал-каид, хотя, несомненно, были, по его утверждению и другие корабли. А с 1120 г. исследователь отмечает значительные деловые письма и документы, касающихся торговли Египта с Индией.

По мнению профессора, в это время все и каждый вкладывают средства в торговлю с Йеменом, Восточной Африкой, Индией и даже более далекими странами. Данное усиление торговли в индийском направлении исследователь связывает с возможным закрытием торговой деятельности в Средиземноморье для среднего класса. Данное упоминание о судне султана (а не халифа) дает нам возможность, с опорой на бурную политическую историю региона, предположить об усилении в Египте политического влияния сельджукских правителей Сирии. Начиная с известного атабека Имамиддина Зенги (1128-1146), объединившего территории от Мосула до Халеба в упорной борьбе с крестоносцами и его преемника- сына Нуриддина Зенги (1146-1174), победителя крестоносцев в борьбе за Египет, устанавливается не только политическая власть сельджуков в Египте, но и их коммерческое доминирование. Здесь можно также предположить, ограничение и установление монополии в Средиземноморской торговле и переориентация и развитие торговли на Индийский океан новые правители Египта (сельджуки) пошли в рамках борьбы за власть в Египте.

С военно-стратегической точки зрения противник мог бы использовать частные торговые суда для десантирования своей армии даже вглубь страны по великой реки Нил, как это делалось со времен Ахеменидской державы [Гойтейн, 1981, с. 47-48].

Необходимо учитывать еще один этнопсихологический момент, так как еще на низовьях Сырдарьи у туркмен-сельджуков сложились партнерские отношения с Хазарским каганатом с его господствующим еврейским сословием, с которыми поддерживали торговые связи через северной части Каспия и низовья Волги. Этот опыт успешного делового партнерства сельджуки распространили и в Палестине, Египте и других морских портах (Персидского залива, Черного моря), где существовали процветающие еврейские общины.

Если вернемся в Вароруд и Хорасан –ареал первичного сложения туркменского (сельджукского) государства, то здесь наблюдалась уже феодальная междоусобица различных кочевых племен, отягощенные вторжениями киданьской армии Елуй Даши, которые уничтожили близ Бухары в Катванской битве (в 1141 г.) разноплеменную армию яркого представителя поздней эпохи империи Великих Сельджуков –султана Санджара (1118-1153). Нашествие центральноазиатских киданей без того осложнили этнополитическую ситуацию и культурное состояние в Вароруде, выступив могильщиками государства Караханидов.

Необходимо учесть, что власть государства Хорезмшахов, возникшей из одноименного сельджукского наместничества, была во многом, правопреемником государства Великих Сельджуков. В правящей структуре данного государства туркмены, совместно с кипчаками, занимали ведущее положение.

В период правления государства Хорезмшахов, наряду с другими достижениями, Великий шелковый путь достиг последних успехов, в основном, на западе, поддерживая устойчивую караванную торговлю с далекой Испанией. На востоке местные (хорезмийские) купцы освоили новые маршруты через северные степи, доходя до «взволнованной» Монголии. Именно освоение внутренних районов монгольских степей со стороны мусульманских купцов вкупе с восточным расширением власти Хорезмшахов послужили причиной обращения своего внимания на Запад нового могущественного хана Монголии Чингизхана.

Государства Караханидов и Сельджукидов, хотя первоначально продолжали традиции тюркских каганов то последующем, как империи Ляо и Си Ся в северном Китае, внесли свое новое. Если тюркские каганы, в основном, обеспечивали безопасность оседлых народов, не вмешиваясь в их внутренние дела, оставаясь в сфере своих традиционных образах кочевой жизни, получая за это определенное количества «дани», то карлуки и туркмены- огузы внесли новшество- икта. Икта означала выделения земельного надела за военную заслугу перед государством, взамен уплаты денежного жалования войску. Эта форма служебного землевладения, безусловно, привела к оседании тюркского господствующего элемента, которая начала стеснять традиционное земледельческое население, которое трудилось в общинных, вакуфных (земли религиозных учреждений) и мильковых (частновладельческих) землях. Хотя новые пришельцы (кара-китаи) не практиковали это новшество- икту, оставаясь верным традиционному кочевому образу жизни, в конечном итоге, будучи новыми хозяевами выступили новым налоговым бременем для оседлого населения, у которого стали изымать лучшие земельные наделы.

Согласно специалисту, - Кара-китаи, впрочем, ограничились лишь верховным сюзеренитетом, и взиманием налогов, не затрагивая не устроения, ни религии, ни культуры своих подданных (практика тюркских каганов – М.А.). Даже небольшое карлукское княжество в Алмалыке-реликт докараханидского государства карлукских ябгу – не было уничтожено ими. Тем не менее каракитайское владычество стало началом политической гибели Караханидов, в 1210г. в борьбе с найманами пересеклась восточнокараханидская династия. В 1212г. в Самарканде был казнен Хорезмшахом Мухаммадом последний представитель западнокараханидской династии. А вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов” [Кляшторный,2004, с.119]

Если учесть, что икту получали, в основном, вожди различных тюркских племен, входивших в конфедерацию племен, создающих новые тюркские государства, то вместе с ним в этих крупных земельных наделах оседали и представители этой племени (рода, клана и т.д.). Данное обстоятельство привело к началу процесса тюркизации оседлого населения Вароруда и окраинных районов. «К этому времени, - пишет Кляшторный, - Средняя Азия, Семиречья, Кашгария приобрели новое этническое лицо, новую социальную, экономическую структуру, новый тип духовной культуры. По мере сложения здесь феодальной государственности и включения тюркских племен в сферу оседлой, прежде всего городской цивилизации, явно виделось оформление надплеменной этнической общности, с одним общеупотребительным языком и письменной культурой. Лишь потрясения монгольского завоевания прервали естественный процесс наметившегося развития» [Кляшторный,2004, с.119].

Известный таджикский мыслитель и путешественник Носири Хисрав (1004-?), бывший на службе одного из известных сельджукских военачальников Чагрыбеке в Мерве (в 1045 г.) первым обратил внимание на новую этнополитическую ситуацию на правом берегу Сырдарьи, в прародине сельджукидов и назвал ее (земли от Алтая до Волги) «Дашти кипчок» («Кипчакская степь»). Это удачное название центральной части Великой степи закрепилось и сохранилось до начала XX в.

На развалинах империи Сельджукидов со второй половины XIII в. было образовано государство Хорезмшахов, которое охватило не только Вароруд, но и Хорасан и Иран. Во время последнего хорезмшаха Алаадина Мухаммада (1200-1220) государство достигло наибольшего расцвета. Современный исследователь оценивает состояние этого государства следующим образом, - « в XI-XII веках хорезмийское государство добилось значительных успехов в области культуры и хозяйственного развития. Хорезм является, по сути, форпостом восточной мусульманской цивилизации в евразийских степях, связывающим звеном славяно-булгаро- хазарского, тюркского кочевого и средневосточного культурных миров. К этому времени относятся строительство прекрасных шатрово- купольных мавзолеев Ургенча, расцвет ремесленного производства и художественного творчества. В Хорезме производятся славящиеся всем тогдашним культурном мире оружие, ткани, ювелирные изделия, художественная и бытовая керамика. В XII при хорезмшахах достигает наивысшего расцвета международная торговля, орошаемое земледелие, градостроительство и архитектура» [Артемов, 1995, с. 268].

Однако одностороннее доминирование военной тюркской знати (обладателей икты) в государственном управлении (без учета интересов духовенства и других культурных слоев), предрасположенные более к центробежным тенденциям (в ущерб центростремительным силам купечества), во многом, определило дальнейшее (трагическое) стечение обстоятельств крушения этого могущества.

Известная Отрарская катастрофа (1218 г.), когда была перебита монгольские купцы, среди которых были немало мусульман, стала началом монгольской эры не только в истории шелкового пути, но огромного материка под названием Евразия.

Не вдаваясь на перипетии военного карательного похода Чингизхана в Вароруд, после ряда военных походов в Китай, ограничимся оценкой его последствий со стороны специалиста. «Чингизхан оставил Среднюю Азию и Иран опустошенными. 600 лет, по подсчетам ученых, потребовалось восстановить то, что было разрушено за три четыре года. Можно лишь сказать с уверенностью, что экономика обеих этих стран позднее, до начала XIX в., никогда не достигала того уровня, на каком она находилась в начале XIII века» [Петрушевский, с. 125].

Государство Чингизхана, образованного, в начальном этапе, в результате бесперерывных десятилетних междоусобиц в монгольских степях и в последующих военных набегах и вторжениях в крупные оседлые страны (Китай, Вароруд, Хафтруд, Бактрия, Хорасан и др.), олицетворяло собой максимально милитаризованное государственное образование. Поэтому это государственное образование не могло прожить в мирных условиях, а самой сущностью жаждало постоянных военных мероприятий (военных походов, вторжений, набегов и глубоких

рейдов и т.д.). Характеристику этого государства приводят известные эксперты: «В основу созданного Чингиз-ханом государства был положен принцип военной организации. Вся территория и население Еке Монгол улуса («Великого Монгольского государства») делились на три военно-административных округа: правое крыло (барунгар), левое крыло (джунгар) и центр (гол). Каждый округ делился на тьмы (тумени), состоявшие из десяти тысяч человек, «тысячи»- из десяти «сотен», а «сотни»- из десяти «десятков».

Как уверяет Джувайни, автор «Тарих-и Джахон-гушай» (закончена в 1260 г.), в Монгольском государстве не было человека, который был бы вне сотни, тысячи или тьмы, к который он был приписан» [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 186].

Как было рассмотрено выше (3.1.) создание или наличие обширных государственных образований, несомненно, положительно влияло на шелковый путь, когда в больших расстояниях обеспечивалась безопасность и одинаковые управленческие порядки и т.д. Однако не в случае с Монгольским государством, которое более тяготело к прямой экспроприации, чем к эквивалентному торговому обмену с партнером. Сначала военные походы в соседние страны, когда их накопленные столетиями материальные ценности попросту расхищались или уничтожались, то последующие интенсивные и кровополитные междоусобицы среди самых монгольских государств, способствующих также к уничтожению остатков тех материальных ценностей отрицательно влиял на содержание (качество) самогшелкового пути, чем на его форму, так как караваны не прекращали ходить.

Как сообщают исследователи: «Сыновьям и другим родичам Чингиз-хана были розданы в управление уделы. Однако, несмотря на раздел, произведенный Чингиз-ханом, основанная им империя продолжала считаться единым государством. Единство государственной власти сохранялись при первых преемниках Чингиз-хана на престоле- Угедей-хане (правил 1229-1241 гг.), Гуюк-хане (правил 1246-1248 гг.) Мунке(Менгу)-хане(правил 1251-1259 гг.). Более того, политика завоевательных войн Чингиз-хана была успешно продолжена его преемниками. В результате череды военных побед Чингизидов (мужских потомков основателя монгольской династии Чингиз-хана) к 1260 г. образовалась самая обширная и могущественная из всех мировых империй, простиравшаяся от Амура и Желтого моря-на востоке до Дуная и Евфрата- на западе» [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 186].

Безусловно, обширное государство, созданное «ударами меча» и «сидя на коне» не мог просуществовать долго и очередной хан, выбранный в курултае Хубилай-хан с переносом столицы из Каракорума в Ханбалык (совр. Пекин), спровоцировал распад единой империи на четыре части, несколько в ином формате, которого представлял сам ее основатель. «Этими независимыми и враждовавшими друг с другом государствами, пишут исследователи,- были:

1. Золотая Орда, в состав владений которой входила вся Великая степь (в мусульманских источниках- Дашт-и Кипчак, с XI в.) от Иртыша-на востоке до Дуная- - на западе и все русские княжества. Этим государством правили потомки Джучи (ум. 1227 г.), старшего сына Чингиз-хана;

2. Чагатайское государство, включавшее Мавереннахр (Среднеазиатское междуречье) (Вароруд- М.А.), Семиречье (Хафтруд- М.А.), Кашгарию и получившее свое название по имени второго сына Чингиз-хана- Чагатая (ум. 1242 г.);

3. Государство Хулагуидов, созданное в Иране Хулагу-ханом (ум. 1265 г.), сыном Тулуя, четвертого сына Чингиз-хана. Хулагу и его преемники на троне носили также титул «ильхана», поэтому в исследовательской литературе монгольских правителей Ирана нередко называют Ильханами (ильханидами);

4. Государство в собственно Монголии и Китае с центром вначале в Кайпине, а затем в Ханьбалыке (совр. Пекин), которым правила другая ветвь потомков Тулуя (ум. 1233 г.), а именно: потомки великого хана Хубилая (ум.1294 г.), брата Хулагу. Это государство получило китайское официальное имя-империя Юань» [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 186-187].

Эти части некогда обширной империи, как и прежние кочевые империи, не смогли избежать колоссального культурного воздействия этих оседлых народов. Самая восточная часть-империя Юань постепенно китаизировалась, а остальные три, в основном, исламизировались. Однако черта традиционного степного образа жизни как степная вендетта и милитаризация всех сфер жизни кочевника, доведенных Чингизханом до максимального уровня не прошла бесследно, а впоследствии оформилась в его Ясе.

Рассмотрение только двух компонентов из этого Ясы, демонстрирует отсутствие даже намека на уважение прав и свобод поданных монгольского государства:

1. «Чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, казнить всенародно, а того, кто его укрыл, ввергнуть в оковы и наказать» [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 188].

Чтобы лучше понять сущность этого жесткого запрета, необходимо учитывать то обстоятельство, что кочевники в отличие от европейцев, голосуют не руками, а «ногами». Дело в том, что кочевники, когда их не устраивают их правители, то, в основном, не бунтуют, а откочуют от главного шатра (или ставки) правителя подальше. Таким образом в течении определенного времени, непопулярный хан, султан или иной правитель может растерять всех своих подданных, которые откочевав и примкнув к соседнему роду и племени, в свою очередь, усиливает его. Яса Чингизхана, жестко запретив всякую откочевку номадов, жестко прикрепляет их в улус одного из своих сыновей, относящих к «золотому роду». Если это требование, с одной стороны, обеспечивает стабильность и конверватизм конкретного государства, то с другой стороны, сковывает личные свободы простого кочевника. Таким образом пространство для их реализации остается только одно- поле битвы и кровавые сражения.

2. «Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его, но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, тогда резать самого» [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 188].

В этой части Ясы обнаруживается полное пренебрежение культурным особенностям мусульман, практиковавших свою

методику разделывания мяса, отличающей от монгольской, которое за отступления от монгольской практики позволяющей даже лишения жизни человека.

На наш взгляд, наличие множества запретов и наказаний в Ясе Чингизхана свидетельствует о том, что во взаимоотношениях священным Кораном, они не отошли полностью назад, а создали атмосферу невосприятия культурного разнообразия инородного населения. Данное обстоятельство, на наш взгляд, привело к замене городских мусульманских улемов, обладающих среди прочего и высокой культурой, деревенским духовенством, приспособленных к неприязательным и поверхностным требованиям монгольских султанов, принявших ислам.

Если в предыдущих периодах шелкового пути, обладание богатства и социального авторитета были достигнуты посредством участия в торговых операциях в зарубежных странах или в ремесленничестве, путем внедрения нового вида ремесла, станка, ткани (как «занденачи» Бухары) или иным творческим способом, или ученностью, то в монгольские времена, в первый план вышла военная аристократия (тарханы), выделяемая среди прочихвоенными заслугами и широкими привилегиями.

Мусульманский автор Джувайни перечисляет их привилегии:

- «1. Они были освобождены от всяких податей;
2. вся добыча, захваченная ими на войне или на охоте, составляла их полную собственность;
3. во всякое время они могли входить во дворец без особого разрешения;
4. они привлекались к ответственности только за девятое совершение ими преступление (при этом, однако, имелись в виду

только те преступления, которые влекли за собой смертную казнь);

5. во время пира тарханы занимали почетные места и получали по чарке вина» [цит. по Кляшторный, Султанов, 2004, с. 189].

Уже в поздних монголах, когда, в основном, были завершены создания различных монгольских государств, наблюдается налаживания и расширения торговых связей с окружающими странами и регионами. «В эпоху монгольского господства Китай был открыт для иностранцев. Великий хан Кубилай (Хубилай- М.А.), из даровитой семьи Тулуя, младшего сына Чингиз-хана, не только пользовался услугами и знаниями иностранцев, не обращая внимания на разницу в религии, но и привлекал их к двору и поручал им высшие должности. Что касается торговли, то встречаются примеры прибытия в Китай западных купцов, хотя главными представителями купеческого класса были из турок (уйгуров - М.А.) и персов (согдийцев- М.А.)» [Успенский, 1949, с. 271?].

Несомненно, страны, имевшие древнюю цивилизацию, смирившиеся с временным доминированием монгольского меча, постепенно стали мобилизовать внутренние силы к сопротивлению. Эта тенденция стала усиливаться к середине XIV в., когда во многих странах с монгольским игом, усиливалась народная борьба на независимость.

Как сообщает исследователь: «23 января 1368 г. руководитель боровшейся с монгольским владычеством в низовье р. Янцзы повстанческой группировки Чжу Юаньчжан был объявлен в Интяне (Нанкине) императором новой империи- Мин. В сентябре того же года его войска овладели столицей страны при монголах- г. Даду (Пекином). Монгольский двор бежал на север, империя Юань

пала. В течение последующих трех лет минские войска очистили от юаньских властей почти всю территорию Китая и завершили объединение страны присоединением Юньнани (1382 г.) и Ляодуна (1387 г.)»[Бокшанин, 1995, с. 528].

Это сугубо китайское государство старалось копировать управленческие традиции прежних династий, однако долгая борьба за власть иноземцами и другими претендентами оставили свой отпечаток: «в первые годы после провозглашения империя Мин ее административный аппарат копировал танско-сунские образцы VII-XII вв., а также некоторые юаньские порядки. Однако эта структура, несколько отстранявшая от власти самого императора, не устраивала Чжу Юаньчжана, получившего престол в длительной борьбе с соперниками и не доверявшего даже своему ближайшему окружению. Поэтому он вскоре приступает к радикальным преобразованиям управленческого аппарата, основная цель которых сводилась ко всемерному усилению централизации и личной власти государя» [Бокшанин, 1995, с. 528].

Империя Мин, образовавшаяся в острой борьбе с монгольскими захватчиками, мобилизовала все свои возможности и силы, чтобы не повторилось монгольское вторжение в страну, оно стало главным лейтмотивом ее внешней политики. Последующие 100 лет, до 1488 г., происходили неоднократные набеги и ответные военные рейды с различными результатами, когда был заключен мир, который вскоре был нарушен монгольским набегом. Поэтому империя Мин не смогла восстановить китайский контроль в начальном участке сухопутного шелкового пути. В начале нового (XV) века появилась новая угроза со стороны государства Тимура, который начал свой поход в Китай. Со смертью основателя мощной империи в Отраре поход не состоялся [Бокшанин, 1995, с. 532]. В этих условиях империя Мин свои взоры обратила на морской маршрут шелкового пути: «Начиная с 1405 и по 1433 г. в страны

Южных морей и далее в Индию, Аравию и Африку направляется 7 грандиозных экспедиций китайского флота под руководством Чжэн Хэ. В разных походах он вел от 48 до 62 больших кораблей (не считая мельких судов). На борту эскадры находилось от 27 до 30 тыс. солдат и матросов, мастеров-ремесленников, купцов, письмоводителей и т.д. Основной целью этих грандиозных плаваний было установление дипломатических, а заодно и торговых связей с заморскими странами в форме регулярного обмена посольскими миссиями.

Империя Мин полностью восприняла традиционную китайскую концепцию об универсальности власти императора и предоставленном вассалитете всех зарубежных стран. Прибытие иноземных посольств, интерпретировавшееся в Китае как проявление подобного вассалитета, всячески стимулировалось первыми правителями империи Мин, родившейся в борьбе с иноплеменными владычеством и нуждавшейся в укреплении своего авторитета. Пик активности стимулирования посольств падает на начало XV в. Но уже с 40-х годов XV в. императорский двор, после борьбы различных мнений о рациональности подобной практики, отказывается от активных усилий в данном направлении. Посольский обмен начинает неуклонно уменьшаться» [Бокшанин, 1995, с. 532].

Таким образом, неучастие империи Мин в сухопутном шелковом пути привел не к его восстановлению, а к его ускоренному распаду.

Примерно в это время (в 1365 г.) поднявший народ Вароруда на сопротивления монголам, носившие имя «сарбедары» (тадж. «голова на виселице»), вооружившиеся лозунгом борьбы «Лучше голова на виселице, чем на...» организовали оборону Самарканда от вторгшихся монголов. В это время народ Вароруда

уже понял сущность монголов, которых называли «джетэ» - разбойники» [Мамадазимов, 2000, с. ?]. Как сообщает исследователь: «Сербедары Самарканда, взявшие власть в городе в свои руки, во главе со студентом медресе Маулана-задэ, старостой квартала трепальщиков хлопка со Абу-Бекром и Мауланой Хурдук-и (возможно Хурдак- М.А.) Бухари (имениваемым «лучником» и «храбрым человеком знатного происхождения») организовали оборону города. Монгольское войско отступило. В самом Самарканде обострились противоречия среди сарбедаров, наиболее радикальные элементы которых осуществляли, видимо, насильственные экспроприации имущества состоятельных горожан»[Ашрафян, 1995, с. 443]. Отсутствие внутренней сплоченности среди сарбедаров не позволило им создать собственное правительство, этим фактором использовались местные правители (Эмир Хусейн и Тимур), которые накануне потерпели поражение от монголов. Они обманным путем расправились с лидерами сарбедаров и захватили город. Позднее они схватились друг другом не на жизнь, а на смерть, в котором победителем вышел Тимур[Мамадазимов, 2000, с. 180].

Далее как сообщает автор: «На курултае, или собрании военачальников и знати племен, созванном здесь же, в Балхе, Тимур принял титул «Эмир сахиб-киаран» («Эмира, обладающего счастливым сочетанием звезд»). В соответствии с почитаемой Тимуром монгольской традицией ханом (номинально) был провозглашен Союргатмыш, чингизид и потомок Угедея. Следующим номинальным ханом после смерти последнего в 1388г. стал его сын Махмуд, умерший в 1402 г. Преемником его Тимур никого не назначил, но продолжал чеканить монету с именем султана Махмуда; имя его как правителя упоминалось также в хутбе (пятничной молитве), а подпись ставилась под издававшимися ярлыками и жалованными грамотами.

Своей столицей Тимур сделал Самарканд и, как сообщает историк Гийяс уд-дин Али, «ввел в сферу своей власти весь Мавереннахр (Вароруд- М.А.)», «привел в порядок дела» этой области, так что здесь «не осталось места смятением»[Ашрафян, 1995, с. 443].

Хотя Эмир Тимур был представителем отореченного монгольского племени барлас, то он не мог не учитывать национальный подъем местного оседлого населения (таджиков), проявленного в движении сарбедаров, поэтому он всей своей последующей политике сочетал устоявшийся таджикско-туркский дуализм. По мнению российского исследователя: «Основную социальную опору Тимура представляла знать племен и сами племена, освобожденные от всяких повинностей, кроме «налога кровью», т. е. военной службы. Для расширения базы своей власти он привлекал на свою сторону всякого рода пожалованиями и льготами местных крупных землевладельцев, мусульманское духовенство, богатых купцов. За приверженность исламу и шариату в ущерб «Закону» («Ясе») Чингиз-хана он обрел славу ревностного поборника религии. Правда, в самом государстве его далеко еще не были изжиты ни язычество, ни многие обычаи монголов. Сохранялся кочевой-или полукочевой- быт, воины Тимура носили по старинке косы, а при дворе самого правителя, вопреки мусульманским канонам, устраивались пиры, на которых присутствовали также дочери и жены правителя; на стенах дворцов изображались батальные сцены, героями которых были его сыновья и внуки. Языком историографии, делопроизводства, дипломатической переписки был фарси. Но прочно сохраняли свои позиции и тюркский и монгольский языки. По свидетельству посла кастильского (в Испании- М.А.) короля Руис Гонсалеса де Клавиho, Тимур всегда держал при себе также «несколько писцов, которые

читают и умеют писать письменами могали»» [Ашрафян, 1995, с. 444].

Анализ более 20-летних завоевательных походов этого грозного воителя, где были, в том числе неоправданные массовые убийства, показывает, что он стремился превратить торговый город Самарканд в столицу всего населенного мира, куда тянутся многочисленные караваны, нагруженные различного рода товарами. Цель, как у императоров Тан была благородна, однако методы были не мирными (производство шелка, фарфора и других востребованных товаров), а насильственными. Среди прочих целей его многочисленных военных походов была, несомненно, одна - с уничтожением конкурентных торговых узлов, перенаправляя торговых караванов в Самарканд. Так было с Золотой Ордой (1395), разгром которой привел к переориентации караванных дорог от северного маршрута к центральному в Вароруд, а захват Багдада (1393), стал ликвидация конкурирующего торгового центра и т.д. «Величие столицы,- пишет автор, были призваны подчеркнуть располагавшиеся вокруг селения, названные как крупнейшие города Востока- Багдад, Дамаск, Миср (Каир), Шираз, Султанийа. В Самарканд стекались не только материальные ценности. Сюда депортировались из завоеванных стран архитекторы и живописцы, ученые, поэты, ремесленники. «Какие страны он ни покорил,- писал Клавио,- отовсюду приводил людей, чтобы они населяли город и окрестную земли»» [Ашрафян, 1995, с. 447].

Его военный поход в Ближний Восток, в начале XV в., как поход Великих Сельджуков более трехсотлетней давности (последняя четверть X в.), вызвал большой интерес к нему и его государству в дворцах правителей Европы. По сообщению автора: «Завоевательные войны Тимура привлекли к нему внимание европейских государей, видевших в нем возможный противовес растущей мощи турок, которые в 1389 г., одержав победу на

Косовом поле в Сербии, захватили эту страну и Болгарию, угрожали Венгрии и Константинополю. С призывом о помощи против турок к Тимуру обращались регент Византии и генуэзский правитель Галаты (предместье Константинополя). Со своей стороны, Тимур отправил посольства с подарками в Геную и Византию, а в письмах к французскому королю Карлу VI Валуа и английскому королю Генриху IV, написанных после победы при Анкаре в 1402 г. (туркская армия была разгромлена и его султан попал в плен- М.А.), извещал об этом событии европейских венценосцев. В письмах содержались также слова о пользе развития торговых связей. В ответном письме (сохранившемся в архивах Франции) Карл VI выражал удовлетворение по поводу победы над турками и надежду на установление более тесных торговых связей.

Два посольства, в 1402 и 1403/04 гг., были отправлены к двору Тимура королем Кастилии Генрихом III; последнее-во главе с Руисом Гонсалесом де Клавихо, оставившим дневник своего путешествия» [Ашрафян, 1995, с. 448].

Совпадение интересов Эмира Тимура и европейских венценосцев свидетельствует о том, что османы, выходя на проливы, стали не поддерживать и развивать, а, наоборот, разрушать многовековую торговлю в Средиземноморье и Малой Азии, что не могло устраивать две стороны (Европу и Средний Восток и всю Азию), кровно заинтересованных в этой торговле.Разгромив османов, Эмир Тимур хотел восстановить традиционные сухопутные маршруты шелкового пути, функционированию которых угрожали их завоевательная политика.

После устранения османской угрозы над торговыми караванами на Самарканд он хотел с завоеванием Китая, среди прочего, восстановить восточные маршруты шелкового пути. Однако эта цель осталась не реализованной, так как во время начала китайского похода, когда его огромное войско, переходив на правый берег Сырдарьи, входил в Хафтруд Эмир Тимур скончался из-за холодов (1404/05).

После его смерти, только его сыну (Шахрух) и внукам (Байсункар и Улугбек) удалось на время сохранить ценности шелкового пути, частично восстановленного им после безжалостного пограбления этих ценностей со стороны монголов. По мнению специалиста: «В стремлении укрепить свою власть Шахрух опирался преимущественно на таджико-персидскую землевладельческую знать, в частности на гражданскую бюрократию. Тесные узы связывали его с мусульманским духовенством. Например шейхами суфийского ордена накшбендие. Это снискало ему славу идеального мусульманского государя. Обычаи и нормы, предписываемые монгольской Ясой, в его правление были преданы забвению.

Герат, столица Шахруха, стал важным культурным центром. Здесь жили художники, ученые, историки. Им покровительствовал сын и фактически соправитель Шахруха Байсункар, который основал гератскую Китаб-хана, («Библиотеку»), где работали философы, каллиграфы, миниатюристы. Памятники архитектуры Герата этого времени отличают черты влияния архитектуры Самарканда времен Тимура.

Герат поддерживал торговые связи с Самаркандом и другими городами Средней Азии. Его правитель прилагал усилия для укрепления связей с Китаем, с которым обменивался посольствами. В 1441-1442 гг. состоялась, согласно повелению

Шахруха, посольство в Индию Абдураззака Самарканди, описавшего свое путешествие из Ормуза в Виджаянагар, откуда было отправлено ответное посольство.

Славой культурного центра пользовался далеко за пределами Мавереннахра (Вароруда- М.А.) его главный город Самарканд. Наукам и искусствам покровительствовал Улугбек... Но Улугбек как крупнейший ученый-астроном и математик и основатель самаркандской обсерватории опередил свое время и остался в веках» [Ашрафян, 1995, с. 449].

Однако после смерти Шахруха (1447 г.) активизировались военачальники, привыкшие к набегам и военным трофеям и фанатично настроенные духовенства, которым не по душе были научные изыскания правителя, которые объединились против Улугбека, олицетворяющего собой последнего крупного ученого мужа и мецената ученых в Вароруде. Его убийство по дороге в Мекку (в хадж), отправленного по решению новых властей и разгром его обсерватории олицетворяло собой завершение славной эпохи шелкового пути в Вароруде и начало бесконечных междоусобиц, набегов кочевников и дворцовых переворотов.

К последнему периоду истории шелкового пути мы наблюдаем активность итальянских морских республик во всем бассейне Средиземноморья и Черного морей, особенно в побережье последнего. Эти морские державы, получая торговые и дипломатические привилегии от Византии, других приморских государств бассейна этих морей целенаправленно усиливали свое присутствие в них.

Известный византинист Успенский Ф.И. анализировал усиления международного торгового значения одного из главных портов южного Причерноморья –города Трапезунд после падения Багдадского халифата,- «прежде всего заслуживает внимания Черноморского побережье и его порт Трапезунт. Будучи пограничным городом Византийской империи, он издавна играл роль торгового центра для меновой торговли между греками и арабами, с другой стороны, он же поддерживал морские сношения с Кавказом и Русью. Мусульманские купцы Иконийского султаната и торговцы Сирии и Месопотамии встречались в Сивасе (?), организовали перегрузку товаров и составляли караваны, которые были направляемы через Трапезунт в восточной и северной области Понт. Его торговое значение особенно усилилось после разрушения Багдада ханом Хулагу и переносом столицы хана в Тавриз (г. Табриз в Иране- М. А.), ставший политическим и торговым центром Средней Азии. Пока существовали калифат (халифат- М. А.) и Багдад, восточные товары из Индии и Китая имели направление к Средиземноморью, в портах которого распространялись по разным направлениям в Юго-восточную и Западную Европу. С падения же Багдада главное торговое движение пошло к северу, ибо караваны, нагруженные товарами и направляемые к морю из Тавриза, имели более прямую и краткую дорогу на Черное море, чем на Средиземноморье. Отсюда произошло то изменение торгового движения, от которого выиграл Трапезунт» [Успенский, 1949, с.271].

Эту конъюнктурную изменению мировой морской торговли заметил и другой исследователь,- «Район Понта (южное Причерноморье- М.А.) , к которому мы обращаемся, был одним из центров международной посреднической торговли Запада и Востока. Его города, прежде всего Трапезунд (совр. Трабзон в Турции –М.А.) играли важную роль и в системе товарообмена внутри Азово- Черноморского бассейна. На территории

Трапезундской империи (1204-1461) существовали крупные фактории генуэзцев и венецианцев» [Карпов, 1990, с.23].

Монгольское нашествие далеко на запад и создания ими единой централизованной империи (Ехе монгол улус), кроме бесчисленных бедств и лишений для оседлых народов, имело также одно отличие- на западе (в Западной Европе) появился огромный интерес к этим грозным завоевателям, которые подошли близко к ее границам. Оживление контактов между итальянскими морскими державами и монгольскими ханами отмечает современный исследователь, -« так как Центральная Азия сделалась доступной для Западной Европы вследствие многочисленных посольств, снаряжаемых монгольскими ханами, с одной стороны, и папами, императорами и европейскими государями- с другой, то для эксплуатации (использование- М.А.) новых торговых путей образовалось большое движение между восточными и западными купцами. И Трапезунт составил складочный пункт в этом торговом движении, открыв путь в Азию. Отсюда одни направлялись в Тавриз и далее- по назначению, в области Центральной Азии; другие в Трапезунте нагружались товарами, привезенные из Китая и Туркестана (Вароруда и Таримского бассейна- М.А.) караванном способом. Запад предоставлен был в Трапезунте с итальянскими купцами из Генуи, Венеции и Флоренции, нагружавшими свои корабли индийскими товарами и доставлявшими их как в черноморские, так и средиземноморские порты» [Успенский, 1949, с.271].

Как и в прошлые времена изменения политической конъюнктуры (перенос политического центра из Багдада в Табриз), в свою очередь, вынудило изменению торгового баланса, так как в мировой торговле стало возвышаться роль Черного моря, до данного времени игравшей вторые роли после Средиземноморья. Данное изменение маршрута привело к колонизации территорий со стороны итальянских морских держав, которого отмечает современный исследователь, -« Значение Трапезунда для генуэзского и венецианского купечества было обусловлено его ролью важного эмпория, издревна поддерживавшего тесные связи с Анатолией, Персией, Кавказом, Северным Причерноморьем. Входя в состав Византии, он был средоточием греко-мусульманской торговли. После образования империи Великих Комнинов (1204-1461), превратившись в политический центр своего региона, Трапезунд продолжал быть морскими воротами идля Иконийского султаната, а затем для державы Ильханов. Наивысший расцвет эмпории начинается со второй половины XIII в., после перемещения основных международных торговых магистралей к Тавризу- Черному морю. Трапезунд –конечный пункт сухопутных караванных путей с Востока и начало морских- на Запад- становится главным узлом транзитной торговли» [Карпов, 1983, с.81].

Однако на этот раз дело не ограничилось только изменением торговых (морских и сухопутных) маршрутах, а было предпринято дальнейшее усовершенствование мирового торгового законодательства. Это новшество отмечают большинство современных исследователей,- «Главным для них было признание автономности и статуса экстерриториальности для их поселений в сочетании с благоприятными условиями коммерции и умеренностью налогообложения товаров» [Карпов, 1990, с.23].

Данное стремление достижения благоприятных условий ведения торговли впервые было зафиксировано в хрисовуле (золотой булле или межгосударственном договоре- М.А.) 1319 года (сохранившимся в латинском переводе), где была пожалована венецианцам следующие права,-

- « 1. Свободный въезд на территории и выезд из нее;
2. охрана личности и собственности купцов во всей территории государства включая города;
3. совершение любых торговых сделок при условии уплаты коммеркиев (торговых пошлин- М.А.);
4. употребление собственных мер и весов и использования своих торговых маклеров- метассариев (торговых агентов- М.А.);
5. владение определенной территорией с правом устройства на ней церквей и иных строений;
6. назначение собственного главы фактории, байло или консула, а также других чиновников;
7. совместная стоянка греческих (местных- М.А.) и итальянских судов в трапезундском порту» [цит. по Карпов, 1990, с.24].

Вместе с тем в хрисовуле ясно сказано, что венецианцы полностью признают суверенитет империи, обязуясь быть «слугами» василевса,- а байло (венецианский резидент- М.А.) должен был высказывать всякое почтение императору» [Карпов, 1990, с.24].

В последующих договорах между Трапезундской империи и итальянскими морскими республиками и указах императора закрепляются права и обязательства иностранных купцов на территории государства. Как подчеркивает специалист,- «По хрисовулу 1367 г. венецианцы впервые получили право на строительство укреплений фактории. С этого момента

заканчивается история караван-сарая и начинается история венецианской крепости в Трапезунде... Таким образом, венецианская фактория обладала экстерриториальностью, широкими административными и судебными иммунитетами при условии признания верховного сюзеренитета трапезундского василевса... Как и венецианцы генуэзцы имели административный и судебный иммунитеты. Собственную администрацию во главе с консулом. Императору запрещалось договором вмешиваться в дела генуэзцев, проживавших в фактории. Даже в случае их задолжности соответствующее представление император должен был направлять консулу (равным образом и генуэзцы в случае споров с греками должны были апеллировать к суду василевса)» [Карпов, 1990, с.25].

Предприимчивые купца морских республик, добываясь, каждый раз новых и новых торговых льгот от властей трапезундского государства, которые, в свою очередь, под натиском долговой кабалы от них шли на уступки. Они постарались распространить эти льготы и на сопредельные территории, с которыми не могли соглашаться местные власти. Об этих попытках рассказывает специалист,- «венецианцы настаивали на том, чтобы трапезундский император обеспечивал максимальные благоприятные условия пребывания в Трапезунде не только их собственных купцов, но и их контрагентов из Персии, пресекая вымогательств трапезундских официалов и предоставит иммунитеты и фискальные преимущества восточным коммерсантам. Такая «забота» была продиктована исключительно желанием обеспечить проезд караванов из Тавриза и Нарана в Трапезунд. Почти одновременно с этим письмом венецианцы просили того же императора Мануила III взыскать с персидских купцов убытки, которые понесли на территории государства Джалаиридов еще в 1371 г. Само собой разумеется, что трапезундский император обязывался производить компенсации в

случае краж и ограблений купцов на земле его государства» [Карпов, 1990, с.26-27].

Как и в других узловых торговых узлах продажа шелка-сырца и изделий из него составляли основную часть этих торговых операциях в этом портовом городе, подтверждения которого мы найдем в анализе современного специалиста, - «транзитная торговля, осуществляемая в Трапезунде, заключалась в обмене специй, хлопка, шелка-сырца и шелковых тканей, драгоценных камней и других редких товаров на западноевропейские сукна, бархат, холстину, металлические изделия и звонкую монету. Небольшая часть из общего потока товаров, безусловно, оседала в Трапезунде, идя как на создание резервов торговли для местного купечества, так и на внутреннее потребление» [Карпов, 1983, с.82].

Безусловно, интенсивная международная транзитная торговля не могла не вовлекать в нее и местного греческого купечества, которая также имела свой опыт и традиции, которая вскоре была востребована ей. О целях широкой кооперации местного и иностранного торгового капитала и ресурсов подчеркивает специалист Карпов, - «Итальянская торговля, сначала замыкавшаяся в среде соотечественников и иногда даже ограничивавшая участие понтийских греков в совместных предприятиях, очень быстро пришла к самой широкой кооперации с местным населением. Такая кооперация преследовала несколько целей: во-первых, расширить социальную базу всего немногочисленного на Востоке венецианцев и генуэзцев; во-вторых, привлечь дополнительные капиталы в международную и внутричерноморскую торговлю. Ведь именно пассивность платежного баланса не раз побуждала Венецию, в частности, ограничивать объем операций своих граждан на Леванте (Ближний Восток- М. А.) и вывоз товаров оттуда. В-третьих, кооперация способствовала лучшему освоению тех рынков, которые были

издавна знакомы понтийским жителям (Тавриз, Султания, Закавказье, Алания и т.д.). Наконец, греки и армяне Понта располагали необходимыми добавочными средствами обеспечения торговли- кораблями, вьючными животными, складами и т.д. Следствием было широкое вовлечение понтийских жителей в общую с венецианцами и генуэзцами торговлю, но, оговоримся сразу же, лишь в пределах Черного моря и караванных путей на Восток и в Закавказье. Прямые связи с Венецией были монополизированы республикой св. Марка (республика Венеция-М. А.), посылавшей ежегодно конвой вооруженных галей (кораблей- М.А.) в Черное море» [Карпов, 1983, с.84-85].

Несомненно, наблюдалось также различие в морской торговле между венецианцами и генуэзцами, когда, первые, в основном, были заняты поиском и транспортировкой в Венецию и дальше в города Западной Европы товаров роскоши, то генуэзцы организовали разветвленную сеть внутри черноморской морской торговли.

В данной (монгольской) части доминирования Великой степи, когда во всех сухопутных торговых дорогах в условиях обширной центральной власти наблюдался безопасность передвижения дорог, то в перевалочных пунктах (от сухопутных к морским или, обратном направлении, новые участники (итальянские морские республики) требовали больше торгово-дипломатических преференций, зафиксированных в торговых контрактах, которая сковывала местных правителей, которые зачастую прибегали к насильственным мерам. Согласно мнения специалиста,- «Итак, система торговых привилегий итальянских морских республик была рассчитана в первую очередь, на получение прибыльности и безопасности торговли, но не на установление торговой монополии. Она предусматривала известное сотрудничество итальянского и местного купечества, но с

сохранением определенной административной и территориальной обособленности самых итальянских факторий. Она была нацелена на поддержание широкой международной коммерции, но не на внедрение в систему внутреннего товарообмена области Понта. Наконец, права и привилегии генуэзцев и венецианцев подверглись многократным испытаниям, базировались на хрупком фундаменте. Итальянская торгово-предпринимательская деятельность в гораздо большей степени, чем в Крыму или в Византии, контролировалась местными правителями» [Карпов, 1990, с.31].

В это время в западной окраине монгольского мира в Малой Азии стало возвышаться государство Османов. Малая Азия также не смогла избежать монгольских нашествий, которые также оставили неизгладимый отпечаток, так как они отделили сельджукский от последующего османского периода в ее истории.

«Существенное значение сельджукского вопроса выражается ближайшее в том, что не дальше как в 1081 г. вся Малая Азия до Никеи оказались в руках турок, что Сулейман, сын Кутулмыша, имел смелость основать свою резиденцию у самых почти ворот столицы империи, в знаменитой по церковным воспоминаниям Никее» [Успенский, 1947, с. 17].

А промежуточный период между ними получил в исследовательской литературе название «эпоха бейликов». Как сообщает российский исследователь:- « «Эпоха бейликов» включает с себе важные политические и этнические перемены, которые были вызваны монгольским нашествием и связанной с ним второй волной тюркской миграции в Анатолию (азиатская часть Турции- М.А.). Поражение, нанесенное монголами малоазийским Сельджукидам в 1243 г., привело в конечном счете к расчленению основанного ими государства на две части. Территория Анатолии к востоку от р. Кызыл- Ырмак была включена во владения

Хулагуидов (Ильханов). Здесь утвердилось порядки, привнесенные монгольскими завоевателями. После распада державы Ильханов эти земли еще более века оставались под контролем различных туркменских предводителей, боровшихся за власть в Иране. Малоазийские Сельджукиды, признав свою вассальную зависимость от монгольских ханов, формально сохранили за собой власть над большей частью Западной и Центральной Анатолии. Однако на деле их владения быстро распалась на целый ряд небольших эмиратов (бейликов), фактически независимых и от монголов, и от правителей Коньи. Этот процесс складывания новых политических объединений прежде всего обозначился в пограничных областях (удж), где сосредоточились основная масса кочевых и полукочевых племен, недавно переселившихся в Малую Азию» [Мейер, 1995, с. 493].

Эти бейлики, число которых доходило до двух десятков, заблокированные с востока грозными монголами, свою активность направили против друг друга и европейцев, курсирующих вдоль Эгейского моря. Их соседство с ослабевающей Византией привлекало сюда различных искателей удачи, которые вооружившийся мнимым лозунгом «борьбы за неверными» (или газаватом), в основном, занимались пиратством и работоторговлей. Эти их «ремесла», несомненно, создавали определенные препятствия для стабильной морской торговле в этих оживленных морских коммуникациях, поэтому против них европейские государства, где, доминировали североитальянские морские республики, проводили карательные рейды [Мейер, 1995, с. 494].

В этих сложных обстоятельствах в северо-западе Анатолии стал усиливаться Османский бейлик. По мнению специалиста: «Важнейшим фактором, способствовавшим росту Османского княжества, было его соседство с Византией. Военные действия, которые направили вожди бейлика против последних владений слабеющей империи в Малой Азии, позволили им существенно расширить его границы и вместе с тем обеспечили постоянный приток новых сил из других тюркских княжеств Анатолии, прибывавших для участия в священной войне против «неверных».

В результате ряда походов, осуществленных еще при жизни Османа (основателя династии –М.А.), была захвачена территория вокруг хорошо укрепленной крепости Бруса (Бурса), взять которую удалось сыну Османа-Орхану (1324-1362). Она стала столицей княжества. Затем пали и другие крупные византийские города-Никея (Изник) и Никомедия (Измит). К началу 50-х годов XIV в. турки –османы оказались перед черноморскими проливами. Преодолеть их и захватить столицу Византии они не смогли. В этих условиях основным объектом новых захватнических планов стали земли, лежавшие за Босфором и Дарданеллами» [Мейер, 1995, с. 495].

По мере роста этого удельного княжества в централизованное государство не могло обходиться традиционно без использованного иранского делопроизводства и языка, а также параллельных процессов по ассимиляции местного греческого и армянского населения и роста самосознания самих турков. Была произведена реорганизация армии с учетом предстоящих задач. Сложение устойчивой власти в государстве завершили исламские ученые-богословы. Среди них особое место занимает знаменитый таджикский религиозный мыслитель Джалолиддин Руми из старинного города Балх (северный Афганистан), создавший тарикат

«мавлaви» суннитского ислама, занимающий господствующее положение в идеологии государства.

Создав полноценное государство турки- османы снова перешли к наступлению, на этот раз в Балканах, чему способствовали внутренние распри в византийском императорском дворе, претенденты которых нередко обращались за содействием османам. Оставив, неприступный центр Византии-г. Константинополь в тылу, они захватили Сербию, Болгарию и сопредельные земли. Хотя вторжения армии Эмира Тимура на примерно 50 столетие ослабило натиск турок-османов на Византию и Центральную Европу, в последующем они, оправившие от нанесенного удара с востока, возобновили свой натиск.

Упадок и ожесточенная борьба различных группировок в центре некогда славной империи также облегчили его окончательное падение.

В падении Византии (29 мая 1453 г.) обнаружались контуры жесткой торговой конкуренции между византийцами с одной стороны и венецианцев и генуэзцев с другой в морской части шелкового пути, так как последние думали, что с выходом «из игры» Византии они могут установить свою мировую морскую конкуренцию. Поэтому они, обитавшие в предместьях великого города, в Галате (рядом с Золотым Рогом) стали помогать осаждавшим туркам-османам[Мейер, 1995, с. 503]. Однако их расчеты были неверными, так как султан Мехмед II Фатих (1451-1481), не стал довольствоваться завоеваниями новых территорий в Азии и Европе, оставив своим европейским союзникам морские просторы. Вскоре он свои взоры направил в сторону Трапезундской империи, которую захватил (1461 г.) и его европейские союзники поняли свою стратегическую ошибку.

По сообщению исследователя: «Параллельно со сражениями на Балканах и в Малой Азии Мехмед II развернул военные действия против Венеции и Генуи, пытавшихся отстоять свое господствующее положение в бассейне Черного моря и в восточной части Средиземноморья. После упорной борьбы на суше и на море в 60 и 70 годах Венецианская республика все же не смогла удержать острова Архипелага в Эгейском море, сохранив за собой лишь остров Крит и Ионические острова. Генуя также потерпела ряд поражений, потеряла острова Хиос и Лесбос. Однако наиболее чувствительным ударом для Генуи было завоевание османскими войсками ее колоний в Крыму (1475 г.), главной из которых был г. Кафа (Феодосия). Стремясь окончательно подорвать могущество итальянских республик, Мехмед II даже попытался перенести военные действия на Апеннинский полуостров, где туркам удалось захватить небольшой городок Отранто. Однако со смертью султана эта операция была приостановлена» [Мейер, 1995, с. 504].

Чрезмерную активность Османского султаната и всего исламского мира этого времени также отмечает известный российский историк: «На рубеже нового времени ведущей военной державой ислама, по сути дела всего Востока, была Османская империя. Она активно поддерживала мусульманских правителей Средней Азии, Индии и Восточной Африки, выступая (с 1516 г. - официально) в качестве протектора всех мусульман. Не без ее содействия (нередко оружием, деньгами, инструкторами) в XV-XVI вв. происходило быстрое территориальное расширение мусульманского мира» [Иванов, 1994, с. 7].

Таким образом, к концу XV века Османская империя, уничтожив Византию, сделав ее столицу своей и переименовав ее в Стамбул, не сохранила многовековой принцип шелкового пути «паритет суши и моря». Она, будучи кочевой империей, пересела в «корабли» и перешла в тотальное наступление в сторону морских держав Западной Европы, самых активных государств того времени.

В таком сложном судьбоносном положении в Европе инициативу захватили другие приморские державы как Испания и Португалия, которые ответили мощному османскому натиску морскими походами. Эстафету морских экспедиций от Апенинского полуострова приняли морские державы Пиренейского полуострова. Гензеец Христофор Колумб, зять местного мореплавателя, после отказа поддержки его идеи плавания в Индию со стороны итальянских купцов и мореплавателей, покинул Италию и отправился в столицы других морских держав в надежде на всемерную поддержку со их стороны. В 1492 г. Испания в поисках морского пути через Атлантический океан отправила морскую экспедицию во главе с Христофором Колумбом, а португальцы в 1498 г. впервые в истории обогнули мыс Доброй Надежды.

В конечном итоге Христофор Колумб открыл Америку, а португальцы непосредственно входя в Индию, стали постепенно использовать практику открытия факторий по образцу североитальянских морских республик. А сами североитальянские морские республики, скованные с востока мощным противником, рассуждая и переосмысливая о достижениях своих восточных морских торговых походах, впоследствии дали миру- Ренессанс (Возрождение).

Так закончилась славная эпоха Великого шелкового пути, внесший неоценимый вклад в мировую цивилизацию, а началась не менее славная эпоха Великих географических открытий, неузнаваемо преобразив всю Вселенную. Море, точнее мировые океаны стали продолжением Европы.

ГЛАВА III. МАРШРУТЫ СЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ.

За время своего функционирования на протяжении полутора тысячелетий ВШП постепенно расширял маршруты следования караванов. На выбор пути следования влияло множество факторов, среди главных из них можно назвать безопасность маршрута (отсутствие войн и беспорядков в странах, по территории которых необходимо было проехать или отсутствие разбойников, или племен, промысляющих среди прочего и грабежом караванов), а также наличие растительности и воды для выючного транспорта. Наличие большего количества пустынь как Гоби, Такла-Макан, Кизилкумы, Каракумы, Дашти Кабир, сирийские пустыни и другие, а также горных систем Куньлун, Тянь-Шань, Каракорум, Памир, Гиндукуш, Гималаи, Кавказские горы, горы Анатолии и другие вносили естественные коррективы во время выбора маршрута и во время следования по нему.

Несомненно, протяженность всего маршрута, который составляет ок. 10 тыс. км. по суше (от древнекитайского города Чанъань до восточных берегов Средиземноморья или северо-восточных и юго-восточных берегов Черного моря), пересекающего десятки регионов, стран и сотни городов, актуализирует возможности взаимного пересечения или совпадения друг с другом между тремя основными маршрутами этой трансконтинентальной дороги. Поэтому дороги, местами пересекают друг друга или отдаляются на большие расстояния друг от друга или совпадают в различных отрезках между собой. Например: все дороги от начала (г. Чанъань) до севера провинции Ганьсу (до оазиса Дуньхуан), протянувшие на более 1500 км., идут

примерно одним маршрутом, не удаляясь друг от друга на большие расстояния.

В окрестностях города - оазиса Дуньхуан маршруты уже разделяются, в основном, на три маршрута:

1. Главный;
2. Северный;
3. Южный.

От древней заставы Янгуань находящийся в 70 км. на западе от Дуньхуаня, на запад по склонам горы Куньлун, уходил южный маршрут шелкового пути. Он был построен в 121 году до н.э. в период правления династии Западная Хань (III в. до н.э. – I в. н.э.), дабы защитить запад страны от нападений северных кочевников. Во время функционирования Великого Шелкового пути Янгуань считался важным перевалочным пунктом и крепостью, чей гарнизон защищал путешественников и торговые караваны,двигающиеся по южному маршруту от нападений тех самых кочевников. Так как вокруг на сотни километров дороги не было ни одной крепости или города, застава была единственным оплотом для уставших караванов, где можно было отдохнуть перед одним из сложнейших и опасных участков Шелкового пути, а также запастись водой.

А от другой заставы Юймэньгуань, находящейся в 90 км к северо-западу от Дуньхуаня, уходил центральный маршрут на северном направлении, пересекая восточную часть огромной пустыни Такла-Макан с юга на север, который на подходах к восточным склонам Тянь-Шаня также раздваивался: центральный маршрут был проложен к северу от Таримского бассейна и по южному склону этого горного хребта, а северный маршрут через его северный склон по бассейну реки Или выходил на Хафтруд и далее на запад.

Застава Юймэньгуань также была построена в период правления династии Хань (III в. до н.э. – III в.н.э.) в целях защиты торговых караванов и населения оазисов западных территорий империи от набегов северных гуннов. Долгое время застава функционировала как почтовая станция, где важные государственные чиновники и генералы могли сменить лошадей и получить приют. Однако с началом торговли между Западом и Востоком во II веке до н.э. данная застава стала важным стратегическим и торговым пунктом, через который во внутренний Китай стали привозить нефрит. Она получила своё название Юймэньгуань - «Нефритовые ворота». Данная застава является частью Великой Китайской Стены, крепость которой была построена на утесе. Недалеко от заставы расположены несколько сигнальных башен, которые в древности выполняли роли предупреждающих маяков. Часто таким способом гарнизон передавал сообщения о помощи во время набегов гуннов.

Таким образом, от города-оазиса Дуньхуан, выполняющий роль «ворот» Поднебесной, начиналось разветвление маршрутов, так как вторая по величине пустыня в мире Такла-Макан, начинающаяся сразу с окраин города, выступала непреодолимым барьером для торговых караванов.

3.1. Главный маршрут Великого шелкового пути.

119 год до н.э. первый торгово-дипломатический караван вышел из столицы Ханьской империи – города Чанъань проходя через провинцию Ганьсу и пересекая пустыню Такла-Макан, взял направление в сторону Дайюань (Фергана) по южному склону

горного хребта Тянь-Шаня. Целью данного каравана было приобретение знаменитых ферганских скакунов, красочно описанных в отчете Чжан Цяня императору после его первого 13 летнего путешествия на далекий Запад.

Со временем данный маршрут стал самым известным и оживленным маршрутом, который проходил по маршруту Чанъань- (Ланчжоу) - Ганьсуйский (или Хэсийский) коридор –Дуньхуан - восток пустыня Такла- Макан - южные склоны Тянь-Шаня - Кашгария –Фергана- Согдиана (Худжанд - Усрушана- Самарканд - Бухара) – Мерв - Гиркания (южный берег Каспийского моря) - Гекатомпиль (Рей) - Экбатаны (совр. Хамадан, Иран) - Ктесифон (позднее Багдад) – Дамаск - достигал восточных портов Средиземноморья (Тир, Антиохия и т. д.). От этих портов начиналась морская часть шелкового пути (сначала в Рим, позже в Византию, Венецию, Геную и другие порты древней и средневековой Европы).

Этот главный маршрут шелкового пути имел несколько ответвлений по северному и южному направлениям.

Ответвление по северному направлению:

2.1.1. Переход к западной Монголии.

Основной маршрут центральной дороги проходил Дуньхуан - Турфан- южные склоны Тянь-Шаня - Кашгар и далее на запад. Первый переход отличается от других тем, что тесно связан с кочевым образом жизни. Так как верховная ставка правителя кочевых государственных образований никогда не размещалась в одном постоянном месте, а часто менялась в зависимости от сезонной откочевки кочевников вслед за животными, то и соответственно менялся этот переход. Традиционно этот переход

начинался от Турфанского оазиса на северо-востоке к конкретным ставкам кочевых племен и народов.

2.1.2. Переходы через Тянь-Шаня в Хафтруд.

Одну из горных дорог (тропинок), находящихся примерно в западной части горного хребта Тянь-Шань (в районе между Аксу и нынешнего горного перевала Торугарт) использовал еще известный монах - путешественник Сюанцзань во время своего похода в Индию. Эти переходы от Центрального маршрута вблизи городов-оазисов Аксу и Кашгар позволяли караванам выходить в район Хафтруд (озеро Иссык-куль) и в дальнейшем соединяться с северным маршрутом,двигающимся вдоль правого берега Сырдарьи в сторону северных берегов Каспийского моря и через Северный Кавказ до портов Черного моря. Несомненно, что караваны курсировали по обеим сторонам, как самого маршрута в целом, так, в частности, и его ответвлений.

2.1.3. Переход от Худжанда в Ташкентско - Чимкентский оазис.

Этот переход от Худжанда (др. Александрии Эсхаты) до Кангдежа (кит. Кангюй) оазиса, находящегося на правом берегу Сырдарьи (Ташкент-Шымкент) в среднем течении, отходил от главного маршрута, идущего в Уструшану и далее в Самарканд и Бухару. В точке соединения этого перехода с северным маршрутом в средневековье находился согдийский город Отрар, связанный в истории с «Отрарской катастрофой», когда местный наместник государства Хорезмшахов вырезал пр. 450 монгольских купцов, тем самым обратив внимание правителя

самого грозного и сильного государства тогдашнего мира (Чингизхана - хана Монголии) на запад.

2.1.4. Переход от Бухары в Хорезм.

Бухара, расположенная на самом западном крае Вароруда, предлагала также два маршрута. Главный маршрут через реку Амударью переходил в Мервский оазис. Другой -ответвление на север по правому берегу Амударьи в Хорезм и дальше до соединения с северным маршрутом (через Аральское и Каспийское морей) в сторону Черного моря).

2.1.5. Переходы от Мерва в Хорезм и Нису.

Мерв, находящийся на правом берегу Амударьи, на стыке Хорасана и Вароруда, как минимум, имел три маршрута продвижения караванов. Основной маршрут на юго-запад (через южный берег Каспия на запад) шел в Гирканию и Экбатаны, а второй вдоль левого берега Амударьи в Хорезм. Дальше в районе Аральского моря он соединялся с северным маршрутом. От Мерва строго на запад в Нису шел третий маршрут, очень оживленный во времена первых Аршакидов, когда их столица находилась в Нисе (городище рядом с Ашхабадом), который далее на юго-восточном берегу Каспийского моря шел на соединение с основным маршрутом.

2.1.6. Переход от Экбатаны (совр. Хамадан Ирана) в Дербент (Прикаспий) и Кавказ.

Экбатаны, один из древних городов мира, находящийся на северо-западе Ирана, кроме основного маршрута, идущего на запад в Ктесифон (близ Багдада), имел также несколько маршрутов на север - государства Кавказа и дальше соединение с северным маршрутом.

Один из них - Прикаспийский путь, проходящий через западный берег Каспия и город Дербент, находящийся в узком проходе (пр. 3 км) между Кавказскими горами и берегом моря и далее на Северный Кавказ для соединения с северным маршрутом.

Второй маршрут проходил западнее - через Армению и Грузию и выходил на восточные порты Черного моря.

2.1.7. Переход от Ктесифона (позднее Багдада) в Армению и Малую Азию.

Основной маршрут проходил в Дамаск и приморские города Три, Антиох, Газа и другие, а севернее ответвление направлялось в сторону городов Мосул, Амида (совр. Диярбакыр) и через горные проходы Анатолии выходило к южным берегам и портам Черного моря.

Южное ответвление от центрального маршрута:

2.1.8. Переход от Кашгара в Ташкурган (восточный Памир).

Основной маршрут от Кашгара идет на запад через перевал Иркештам и Алайской горной долины в Ферганскую долину, а южное ответвление поднимается сразу от города в горное плато. В районе горной крепости Ташкурган оно соединяется с южным маршрутом Великого шелкового пути.

2.1.9. Переход от Алая в город Термез.

Это южное ответвление центрального маршрута (через Каратегинско- Гиссарскую долину и долина Сурхандарья) играло роль альтернативной дороги известному Ваханскому коридору и соединяло основной маршрут с южным в среднем течении реки Пяндж-Амударья.

2.1.10. Переход от Самарканда в Термез.

Основное направление центрального маршрута в данном отрезке соединял два древних города Вароруда (Самарканд и Бухару), а южное направление шло через Железные ворота в Термез. Выходом через реку Амударью в районе Бактрии (совр. Афганистан) соединялся с южным маршрутом Великого шелкового пути. Этот переход использовал странствующий монах Сюанцзань.

2.1.11. Переход от Мерва в Герат.

Основное направление караванов от Мерва на запад движется по южному берегу Каспийского моря в сторону Экбатаны (Хамадан). Южное направление идет в другой древний город Герат, где проходил южный маршрут этого торгового пути.

2.1.12. Переход от Экбатаны (Хамадан) в область Парс.

Южное ответвление от идущего в Ктесифон основного маршрута уходит на юг в сторону древнеиранской области Парс и дальше через порты Персидского залива (Сираф и др.) в разные страны Азии и Африки.

2.1.13. Переходы от Ктесифона (позже Багдадом) в побережья Персидского залива и в Хиджаз (на юго-запад).

Основной маршрут идет от этого столичного города через Сирийскую пустыню в Дамаск, первый из двух южных ответвлений идет в страны побережья Персидского залива, а второй в историческую область Хиджаз (Саудовская Аравия) с выходом на Йемен и в порты Красного моря.

3.2. Северный маршрут.

Данный маршрут (Дуньхуан - оазис Турфан - река Или - северный склон Тянь-Шаня - Семиречье - правый берег Сырдарьи - северный берег Каспия и Черного морей) не использовался в начальном этапе функционирования шелкового пути, так как кочевья воинственных гуннов, практиковавших регулярные набеги в Китай, находились близости от северных окраин города-оазиса Дуньхуан. После разгрома кочевой империи гуннов этот маршрут

постепенно стал функционировать. Как было рассмотрено выше (1.3) северный маршрут проходил южнее древнейшего Скифо-сакской дороги, соединяющий Алтай с Причерноморьем по Великой степи.

Данный маршрут начал оживленно действовать в эпоху государства Тань, когда ханьцы оттеснили кочевые племена (тюрков) от оазиса Турфан и западной Монголии и создали благоприятные условия для передвижения караванов по правому (северному) склону Тянь-Шаня.

Данный маршрут был более удобным для прохождения торговых караванов, так как их не преследовали жажда и песчаные буры огромной пустыни Такла-Макан, высокогорье горных хребтов Памира и среднеазиатские, иранские и сирийские пустыни. Северный маршрут гарантировал всем: и людям и вьючным животным изобилие воды и продовольствия (особенно мясо и молоко для людей, и сено для животных). Однако существовала большая вероятность нападения кочевников во времена смуты и безвластия или всадников вольницы, не признающих власть никакой власти на торговые караваны.

Весь маршрут проходил вдоль бассейнов водных артерий: река Или и другие артерии Хафттруда, Сырдарья, Аральское и Каспийское моря и рек сармато-хазарских степей до Черного моря.

От данного маршрута было бесчисленное множество ответвлений на север, что было обусловлено (2.1.1) постоянной миграцией кочевых племен Великой степи и переносом ставки великого вождя (кагана, ябгу, хана и т.д.) конкретного племени или союза племен, поэтому регулярно менялся и маршрут торговых караванов к ним. Если кочевая империя была могущественна и

существовала относительно долго, то и дорога к ней становилась известной купцам и путешественникам.

А южных ответвлений от северного маршрута были несколько, все они почти соответствовали северным ответвлениям Центрального маршрута, так как торговые караваны интенсивно курсировали по обоим направлениям (как с востока на запад, так и с запада на восток, переходя от одного маршрута к другому по различным природным и общественно-политическим причинам). Так как мы рассмотрели северные ответвления центрального маршрута, нет необходимости повторять эти маршруты по обратному направлению.

А до открытия дороги через северный склон Тянь-Шаня и Джунгарии караванная дорога Фергана - Кангдеж (Ташкентско - Чимкентский оазис) - правый берег Сырдарьи - север Аральского и Каспийского морей до Черного моря выступала в качестве самостоятельной северной дороги.

3.3. Южный маршрут.

Южный маршрут (Дуньхуан – Лоулань - северный склон Куньлуна (Хотан, Яркенд)- Памир (Ташкуртан) – Бадахшан – Бактрия - Герат и соединение с Центральным маршрутом на южных берегах Каспийского моря) начал функционировать с самого начала формирования Великого шелкового пути.

Необходимо подчеркнуть, что данный маршрут шелкового пути выступил правопреемником двух уже несколько столетий функционировавших древних самостоятельных торговых путей: «нефритовый путь» (Хотан - Ганьсуйский коридор- китайские государства в бассейне реки Хуанхэ) и «лазуритовый путь» (Бадахшан – Бактрия - Герат – Экбатаны (Мидия) - Ассирия (Месопотамия) - Египет.

Именно откочевка на запад саков - юэчжи, прежде контролировавших международную торговлю нефритом в китайские государства бассейна реки Хуанхэ, в Бактрию, расположенную по маршруту «лазуритового пути» и нахождение их со стороны китайского посланника Чжан Цянем привело к завершению эпохи отдельного функционирования двух известнейших торговых путей (нефритового и лазуритового) и их соединение в одно целое (шелковый путь).

В первоначальном отрезке этого (южного) маршрута международной торговой дороги от озера Лобнор до города-оазиса Хотан не было ответвлений, так как высокие горы хребта Куньлун на юге и бескрайные песчаные барханы пустыни Такла-Макан на севере заставили караваны жестко придерживаться направления движения, переходя от одного оазиса или города - города в другой.

На юг от оазиса Хотан первое южное ответвление южного маршрута через западные склоны Куньлун и трудные, но проходимые горные дороги через Каракорумский хребет шли к Нубру, Ладакх, Кашмир с выходом в Индию.

А основной маршрут шел к следующему городу - оазису Яркенд на юго-западе от Такла-Макан.

Древний город Яркенд, расположенный у истоков одноименной реки, уже предоставлял возможность для большого выбора путей для караванов. На севере торговые караваны могли соединиться с центральной дорогой через города Кашгар. Все следующие северные ответвления от данного маршрута совпадают с южными ответвлениями от центрального маршрута этой караванной дороги.

На юг дорога выходила к горным проходам Каракорумского хребта и соединялась с караванами из Хотана, идущими в Кашмир и далее в Индию.

А основной маршрут шел через горные проходы Памира в древний город Ташкуртан (Каменная башня), находящийся не

только в важном узле мировых горных систем, но и на стыке Центральной Азии с Южной.

Горная долина Ташкуртан уже имела главный маршрут и три ответвления:

1. Главный маршрут шел через горный перевал Сарикольского хребта в Ваханский коридор и далее в Бадахшан.

2. Первое (северное) ответвление спускался в долину в древний город Кашгар.

3. Второе (северо-западное) ответвление, перейдя Сарикольский хребет через Аличур-Гунтскую долину реки Пяндж, соединялся в главном маршрутом около г. Файзабада.

4. Третье (южное) ответвление через Хунджерабский перевал Каракорумского хребта выходил в горные долины Балтистан - Гилгит и Кашмир и далее в Индию.

3.4. Объективные причины наличия множества маршрутов Великого шелкового пути.

Две основные факторы функционирования шелкового пути, как протяженность его маршрутов следования (ок. 10 000 км.), так и его продолжительность действия (ок. 1500 лет), выступают объективными причинами наличия многочисленных маршрутов, их изменчивость и динамичность.

Как будет рассмотрено ниже, получение сообщения Чжан Цяном в Бактрии (Дася) о поступлении товаров из южного Китая (провинция Шу) в Индию (далее в Бактрию) и последующее информирование об этом императорского двора, послужило основой разработки планов для открытия торгового пути из ханьского Китая на Запад через южные провинции.

Наличие высокогорного Тибетского нагорья на западе и непроходимых джунглей, диких варваров на юго-западе не позволили империи Хань осуществить эти планы, поэтому они раз и навсегда обратили свое внимание на северо-запад от западных границ Великой китайской стены.

Дорога на Запад от столицы-города Чанъань через Ганьсуйский коридор в Западный край и Вароруд стал основным направлением шелкового пути.

Несомненно, природно-климатические особенности всего маршрута следования, когда гигантские пустыни сменяли высокогорные хребты, бурные горные реки переходили в солончаковые степи, вносили свои коррективы. Поэтому одним из главных факторов для выбора того или иного маршрута следования караванов было наличие запасов воды для людей и вьючных животных, используемых в качестве транспортных средств. Время года также влиял на выбор маршрута следования торговых караванов. Поэтому отсутствие подножного корма и опасность снежных бурей в зимнее время многократно сокращало количество торговых караванов,двигающихся в это время года.

Вторым важным фактором выбора маршрутов следования являлись внутренняя стабильность, порядок и существующие законы в странах, через которые необходимо было следовать торговым караванам. Поэтому перед отправлением в путь предводители караванов и их помощники собирали информацию на крупных рынках своих стран, куда непрерывно пребывали торговые караваны из близких и дальних стран, о состоянии дел в транзитных странах. Угроза смены власти, междоусобицы, войны между соседями по маршруту следования выступали поводом отклонения этих маршрутов в пользу других или откладывания времени отправки караванов или изменения маршрутов уже идущих караванов.

Третьим фактором служил огромный спрос на шелк (или на другие товары роскошного потребления) во дворе собственного или того или иного государственного образования, который не позволял прекращению бесконечного следования торговых караванов с востока на запад и в обратном направлении.

Несмотря на то, что в период расцвета шелкового пути (в период империи Тан) в Китае устоялась народная поговорка «Корабли на юге, акони на севере», установление данной пропорции между его сухопутным и морским маршрутами было кратковременным. На наш взгляд, до начала VII в., безусловно, доминировали сухопутные маршруты шелкового пути, а после блокирование высокогорных памирских гор со стороны арабско-тюркско-китайско-тибетских войск в начале этого столетия, привело к чрезмерной активизации морских маршрутов шелкового пути. Вторжение арабов в Фергану в 715 г. и реагирование на появления нового военно-политического игрока в регионе со стороны китайского наместника в Западном крае и тюркских каганов Хафтруда на время парализовали движение караванов по главному (кашгарско-ферганскому) маршруту шелкового пути. Организация глубокого рейда тибетских войск в Памир и установление протектората над Гильгитом (Болором), а также их выдвижение на оазисные города Таримского бассейна привели в временному блокированию южного (ваханского) маршрута шелкового пути. Продолжение междоусобицы между Западным и Восточным каганатами в Хафтруде и Алтае делали не безопасными северный (северный склон Тянь-Шаня) маршрут шелкового пути. Эти военно-политические события выступили основной причиной смещения мировой торговой конъюнктуры от традиционно сухопутных маршрутов к мировым морским путям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Как стало известно торговля и торговые пути сопровождали род человечества с древнейших времен. История знает десятки наименований этих дорог: «железный путь», «лазуритовый путь», «нефритовый путь», «морской путь викингов», «путь благовоний», «царская дорога» и десятки других, однако шелковый путь, как по протяженности дороги и времени функционирования, так и по взаимодействию торговли с другими сферами жизнедеятельности людей (в первую очередь, с дипломатией и культурой) не имеет себе равных.

В отличие от других известных истории торговых путей шелковый путь не ограничился только транспортировкой различных товаров, а самое главное, обеспечивал взаимопроникновение и взаимообогащение идей, технико-технологических инноваций, идеологических ценностей и религиозных воззрений между различными народами Востока и Запада в течение полутора тысячелетий своего функционирования.

Полутора тысячелетняя история Великого шелкового пути ярко демонстрирует, что образование обширных государственных образований создавали благоприятную почву для оживления международных торговых путей и интенсификации товарного обмена в них. Империи Хань и Тан, Парфия и Сасанидская держава, Римская/Византийская империя, Арабский халифат и Тюркский каганат, империя Великих Сельджуков, Монгольская империя и держава Тимура со своей обширной территорией и относительно едиными административно-территориальными структурами, обеспечением стабильности и порядка в них, гарантировали безопасное продвижение по ним торговцев и миссионеров, непрерывно передвигающихся по сухопутному

маршруту шелкового пути от Ближнего до Дальнего Востока и в обратном направлении.

С начала XIX в. уже более двухсот лет наследие этой мировой торговой дороги не дает покоя сотням и порой тысячам пытливым умам всего мира. Немецкий ученый Карл фон Рихтхофен (1878 г.) удачно и справедливо назвал ее «шелковый путь». Однако наследие древнего торгового пути многогранно и его вклад перед мировой цивилизацией уникален, и еще не раскрыт полностью до настоящего времени. В наши дни скрупулезно изучаются различные стороны функционирования этой трансконтинентальной дороги: от археологических изысканий различных захоронений и мумий вдоль всех ее маршрутов, систематизации целого огромного списка представителей флоры и фауны, перемещенных в ее огромном пространстве, до различных религиозно-идеологических течений, распространивших вдоль нее лишь часть масштабного и многонационального исследования этого уникального всемирно-исторического явления.

В наше время глобализации также дают прекрасную возможность всем заинтересованным сторонам моделировать и реконструировать различные стороны и аспекты функционирования Великого шелкового пути: от организации караванов по пустыни на современных средствах передвижения до теоретических научных изысканий по данной тематике.

На наш взгляд, многогранность функционирования этого мирового торгового пути, выступающего как ареал высокой культуры: когда «народы, натягивающие лук» состоят в дипломатической переписке с «народами, имеющими шапки и пояса»; римские легионеры гуннского предводителя противостоят тугим арбалетам китайского наместника; персидские и византийские послы ведут споры на приеме у тапробанского

(цейлонского) царя; иранское учение распространяется на «крыше мира» (в «высокогорной стране снегов»); китайские невесты и христианские монахи уникальными способами распространяют секреты шелководства по всему миру; военнопленные раскрывают секреты изготовления бумаги; «японский паломник с удивлением рассматривает согдийского купца в китайской столице»; голые торговцы с южных морей бросаются в торговлю шелком; эфиопы-христиане спасают первых мусульман; китайские и византийские императоры и иранские шахиншахи «окутывают» предводителей многочисленных «варварских» племен в шелковую одежду; корейский военачальник ведет китайскую армию против арабов на берегу Сырдарьи; арабский полководец предлагает проект «Суэцкого канала», индийский, согдийский и итальянский купцы-путешественники, находятся на службе у китайского императора; арабские скакуны в пределах Индии, а туркменские скакуны в городах Испании; еврейский чиновник мусульманско-испанского халифа состоит в переписке с иудейским царем грозных турок на берегу Волги, согдийский язык как *lingua franca* на сухопутных дорогах, а родственно персидский на морских путях; столичная высокообразованная куртизанка рада всем богатым иностранным купцам - гостям; крестоносцы, возвращающие домой с мусульманскими секретами производства, науки и техники; христианские священные книги в реликвариях складно обернуты бухарским шелком «занданечи»; норманны - варяги (викинги) выходят на шелковый путь в Каспии, русские витязи и купцы достигают Константинополя, венецианские и геновские купцы, договаривают о коммерции на берегах Крыма с монголами; бактрийские верблюды, нагруженные шелком идут из Китая в Испанию; китайские корабли достигли восточных берегов Африки (осталось лишь обогнуть мыс «Доброй Надежды») -это лишь несколько примеров колоссального опыта стремления человечества «жить в добре и гармонии». Доскональное изучение данного

всемирно - исторического явления требует от экспертов большого багажа знаний и осторожного подхода.

Таким образом, можно дать следующее определение – *Великий шелковый путь - это ареал взаимопроникновения и взаимодействия торговли, дипломатии и культуры для приобщения различных народов и племен к мировой торговле, высокой культуре и цивилизованным международным отношениям в древности и в средневековье.*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Фафуров Б.Ф. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. Китоби яқум.- Душанбе, «Ирфон», 1998, -704 с.
2. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов// Древний Восток и античный мир. –М. МГУ., 1972.
3. Абаева Г.Г. К вопросу о главенстве Бадахшана на «шелковой дороге» в раннем и позднем средневековье // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». –М. 1991.
4. Авеста. Избранные гимны. –Душанбе, «Адиб», 1990,-176 с.
5. Авеста в русских переводах (1981-1996).- СПб, «Наука», 1998, -480 с.
6. Агаджанов С.Г. Торговля в среднеазиатской трассе шелкового пути в XI-XII вв. // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов», Тезисы докладов. –М. Т. II. 1991.
7. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. -М. «Искусство», 1978.
8. Алексеев С.В. Владимир Святой. Создатель Русской цивилизации. -М.: Вече, 2006.- 336 с.
9. Аммиан Марцеллин. Римская история. –М. «Ладомир», 2000, -632 с.
10. Антонова Е. В. Сельское хозяйство. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. Вост. лит., 1995, с. 103-104.
11. Ариньон Ж. -П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги //Византийский Временник, Т. 41. -М., «Наука,1980 с.113-124.

12. Артамонов М. И. История хазар. –Л. Изд. Гос. Эрмитажа. 1962. -522 с.
13. Артемов И.В. Средняя Азия в III-XIII вв.// История Востока. Т.II.-М.:«Вост.лит.», 1995, с. 261-268.
14. Ашрафян К.З. Тимур и Тимуриды в Средней Азии.// История Востока. Т.II.-М., Вост. лит., 1995, с. 443- 451.
15. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. -Л. Изд. АН СССР. 1927, -256 с.
16. Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана //Вестник древней истории. 1947 № 2, с.51-71.
17. Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме//Вестник древней истории. 1947 № 2, с.134-138.
18. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I.- М.; - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. -471с.
19. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II.- М.; - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. -302 с.
20. Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. – М. «Наука», 1962, с. 21?
21. Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т.II. -М. Вост. лит., 1995с. 103 -113.
22. Большаков О. Г. Распад Аббасидского халифата // История Востока. Т.II. -М. Вост. лит., 1995, с. 222 -225.
23. Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.)// Страны и народы Востока. Вып. XXII.-М.: «Наука», 1980. С. 132-136.
24. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история.- СПб,: Алетейя, 2001.-224 с.
25. Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II –I веках до н.э. – М. ИВ РАН. 2001.

26. Бокщанин А.А. Китай в конце VI- начале X в. // История Востока. Т.II. -М.: Вост. лит., 1995, с. 157-174.
27. Бокщанин А. А. Китай в X-XIII вв. (Империя Сун. Государства Ляо и Цзинь) // История Востока. Т.II. -М.: Вост. лит., 1995, с. 298-320.
28. Бокщанин А. А. Китай во второй половине XIV-XV в. // История Востока. Т.II. -М.: Вост. лит., 1995, с.528- 546.
29. Бураев Д. И. Религия бон. Проблемы происхождения и роли в становлении тибетского государства VII-IX веков. Улан Удэ. 1998. -157 с.
30. Васильев Л. С. Древний Китай. Т.1. –М.: Вост. лит, 1995, -378 с.
31. Вельгус В.А. Средневековый Китай. -М.: «Наука», 1987.
32. Вельгус В.А. Известия о странах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов. – М. 1976.
33. Воробьев М.В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия// Страны и народы Востока. Вып. XI. –М.: «Наука», 1971
34. Воробьева- Десятовская М. И. Хотано- саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.2. –М.: «Наука», 1992, с.
35. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1.Очерки, истории. –М. «Наука», 1988, -452 с.
36. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.2. Этнос, языки, религии. –М.: «Наука», 1992, -682 с.
37. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.3.Хозяйство, материальная культура. –М.: Вост. лит., 1995, - 523 с.
38. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.4. Архитектура, Искусство. Костюм. – М. Вост. Лит., 2000, - 584с.
39. Гафуров. Б. Г. Таджики. Душанбе, Издательство «Дониш». 2000 стр.

40. Гафуров Б.Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. 1972. с. 61-71.
41. Гиршман Р. Кушаны и Иран// Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. 1972. с. 139-145.
42. Гойтейн С. Изменения на Ближнем Востоке (950-1150) в свете документов каирской генизы// Мусульманский мир (950-1150).- М.: «Наука», 1981,-312 с.
43. Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между Цзинь и Сун (1127-1142). – М., «Наука», 1986. – 291 с.
44. Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. –М., 1998.
45. Греков Б. Киевская Русь. -М.: ООО «Изд. АСТ», 2004, -671 с.
46. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. – М. 1948.
47. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. -М.: Экопрос, 1993.-544с
48. Гумилев Л.Н. Величие и падение древнего Тибета // Страны и народы Востока. Вып. 8.- М. «Наука», 1969, с. 153-154?.
49. Гумилев Л.Н., Древняя Русь и Великая степь. -М., 1992.
50. Дебс Г. Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время// Вестник древней истории. 1946 № 2, с.45-50.
51. Дьяконов И. М., Янковский Н. Б., Новоассирийская держава // Т.1. Восток в древности.- М., Вост. лит.2009, с. 230-245.
52. Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956.
53. Егише Вардапет. История. Тифлиси. 1853.
54. Зелинский А.Н. Древние пути Памира// Страны и народы Востока. Вып. III.-М.: «Наука», 1964, с. 99-108.
55. Иванов И.А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы// Восток 1994 №4, с. 5-18.

56. Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки.- Л.1992.
57. Илюшечкин В.П. Конфуций и Шан Ян о путях объединения Китая// XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч.1. -М., «Наука», 1985, с. 35-42.
58. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб. «Алетейя». 2000.
59. Ирмшер И. Трансформация идеи государственности в последний период истории Византии// Византийский Временник, Т. 37. -М.: «Наука», 1976, с. 13- 16.
60. История Востока. Т.1. Восток в древности.- М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1997.-688с.: карты.
61. История Востока. Т. II. Восток в средние века. -М. Вост. лит. 1995.-716 с.: карты.
62. История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй /Под ред. Седова А.В.- М. 2004.- 711с.
63. История древнего Рима/ Под ред. Бокщанина А. Г. -М. 1971.
64. Карпов С.П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города //Византийский Временник, Т. 44. -М.: «Наука», 1986, с. 81-87.
65. Карпов С.П. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV –XV вв. //Византийский Временник, Т. 50. -М., «Наука»,1989 с. 36- 46.
66. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.- М.:Изд-во АН СССР, 1951, -642 с.
67. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004.
68. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники – М.: «Наука»,1964, -210с.

69. Кляшторный С.Г. Проблемы ранней государственности у кочевников Центральной Азии.// Тангуты и Центральная Азия: материалы международной конференции. –М., Вост. лит., 2012, с. 81-86.
70. Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932,-134 с.
71. Кравцова М. Е. «Жизнеописание Сына неба Му». Вопросы и ответы. // Петербургское востоковедение. Вып. 2, 1992. С. 354-378.
72. Кравцова М. Е. Традиционные и научные версии происхождения института верховной власти в Китае. / Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая. – СПб.: Наука. 2012. С. 9-42
73. Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок //Восток.2001 № 5, с. 21- 31.
74. Кроль Ю.Л. «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня как памятник диалога сформировавшего государственную доктрину китайской империи.// Страны и народы Востока. Вып. XXIII.-М.: «Наука», 1982. С. 41-61.
75. Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н.э.-VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. «Наука», 1988.
76. Крюков В. М. Военные походы в системе социальных отношений древнекитайского общества конца 2- начала I тыс. до н.э. //XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч.1. -М., «Наука», 1985, с. 8-13.
77. Крюков М. В. Древние китайцы. Проблема этногенеза. -М., «Наука», 1978.
78. Кузнецов Б.И. Культурные связи Памира с Тибетом // Страны и народы Востока. Вып. 16.- М. «Наука», 1975, с. 299-304.

79. Кычанов Е.И., Савицкий Л.С., Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. –М.,1975, с.199-207.
80. Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. –М., Восточная лит. 2005. - 351с.
81. Кычанов Е.И. История Тангутского государства. –СПб, СПбГУ, 2008, -767 с.
82. Кычанов Е.И., Завоевательные войны Чингиз-хана. // История Востока. Т. 2. –М.: Вост. лит. 1995. С. 375-384.
83. Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблемы источников. // Византийский вестник. Т.№ 42, 1988, с. 35-48.
84. Литвинский Б.А. Введение/ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. «Наука», 1988.
85. Лубо- Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с.88-100.
86. Лубо- Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути.-М.: «Наука», 1994, -326 с.
87. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. -М. 2010.- 664 с.
88. Малькольм А.Р. Колледж. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры.- М.: Центрполиграф, 2004.
89. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983,-297с.
90. Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа. Душанбе, Изд-во «Дониш», 2000. -360 с.
91. Марко Поло Книга о разнообразии мира. - М.: «Мысль», 1997.
92. Мейер М.С. Османская империя в XIV-XV вв.. // История Востока. Т.II.-М., Вост. лит., 1995, с. 493- 505.

93. Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии. //Византийский Временник, Т. 55. часть 2. - М., «Наука», 1998 с. 159- 165.
94. Мукашева Р.Р. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности// Древний Восток и античный мир. -М. МГУ, 1972, с. 12-20.
95. Мусульманский мир. 950-1150. Сборник. М.: Издательство «Наука».1981.-312с.
96. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили.-М. РИО Мособлупрполиграфиздата,1996. -482 с.
97. Народы Африки и Азии. 1980, № 5. «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии», с. 102- 131.
98. Народы Африки и Азии. 1980, № 6. «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии» (продолжение), с. 68-103.
99. Новиков С.В. Всеобщая история.- М.: АСТ СЛОВО: Полиграфиздат.2012 -640с.
100. Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия . –М. ?
101. Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI),-М., . Изд. АН СССР, 1947, с.184-214.
102. Пигулевская Н. В. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии // Византийский Временник, Т. IV. -М., . Изд. АН СССР,1951 с.84-90.
103. Пигулевская Н. В. Производство шелка в Византии и Ирана в IV в. // Византийский Временник, Т. X. -М., . Изд. АН СССР,1956 с. 3-8.
104. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранний железный век/ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. –М., ИВ РАН, 1988, с. 156-189.
105. Приск Панийский. Сказание. Рязань, «Александрия», 2005.

106. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. -М. «Наука», 1998. – 570 с.
107. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. –М.: Арктос-Вика пресс, 1996, -304.
108. Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая/ Сост. Кравцова М. Е. – СПб.: Наука. 2012. -591 с.
109. Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // Вестник древней истории. 1940 № 2, с.264-281.
110. Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемию.// Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1.Очерки, истории. –М. «Наука», 1988, с 212- 222.
111. Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. - СПб- М.:1998.
112. Ронин В. К. Византия в системе внешнеполитических представлений раннекаролингских писателей //Византийский Временник, Т. 47. -М., «Наука, 1986 с. 85- 93.
113. Смирнова О.И. Двугорбый верблюд на согдийских монетах.// Страны и народы Востока. Вып. XXV.-М.: «Наука», 1987. С. 142-148.
114. Ставиский Б.Я. О северных границах Кушанского государства // Вестник древней истории. 1961 № 1, с.108-114.
115. Степунина Т. В. Древнейший Китай. // История Востока. Т. 1. –М: Вост. лит. 2009, с.192-212.
116. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. – М.: Вост. лит., 2001. -415 с.
117. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. – М.: «Наука», 1975.-579 с.
118. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. III. – М.: «Наука», 1984. -943 с.
119. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IV. – М.: «Наука», 1986. -453 с.

120. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. V. – М.: «Наука», 1987. -364 с.
121. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI. – М.: «Наука», 1992. -483 с.
122. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII. – М.: Вост. лит., 1996. –462 с.
123. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: Вост. лит., 2002. -510 с.
124. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М. : Вост. лит., 2010.- 623 с.
125. Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великого Тан (Да Тан си юй цзи). –М. “Восточная литература”. 2012.
126. Сюзимов М.Д. Ремесло и торговля в Константинополе // Византийский Временник, Т. IV. -М., . Изд. АН СССР,1951 с.11-41.
127. Тангуты и Центральная Азия// Материалы международной конференции.- М. Вост. лит., 2012. -239 с.
128. Успенский Ф.И. История Византийской империи.VI-IX вв. – М. 1999.
129. Успенский Ф.И. Движение народов из Центральной Азии в Европу// Византийский временник. Т. 1 (XXVI). – М. Изд. АН СССР,1947, с. 9-28
130. Успенский Ф.И. Морское и сухопутное движение народов из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV вв.// Византийский временник. Т. II (XXVII). – М. Изд. АН СССР,1949, с. 267-275.
131. Хвостова К. В. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV- XV вв. Византийский Временник, Т. 50. -М., «Наука, 1989 с. 36-46.
132. Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. - М. «Вост. лит.», 1981.

133. Шумовский Т.А. Арабское мореплавание в пору ислама// Страны и народы Востока. Вып. 1959, с. 142
134. Штейн В.М. Из истории отношений между Китаем и Индией // Советское востоковедение. 1957 №6. с.65-73.
135. Яценко И. В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы// Народы Азии и Африки, 1980 № 5, с. 102-130.
136. Sunderman W. Mani in India//ЦентральнаяАзия в кушанскуюэпоху. – М. 1972. с. 153-156
137. The Silk Road: a History/ by Irene M. Franck and David M. Brownstone. 1986.

<https://ravshanfikir.tj>

АБДУГАНИ МАМАДАЗИМОВ

**ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ.
История становления, расцвета и распада.**

Под общей редакцией профессора М.С. Имомова

Компьютерный набор: Ш. Мамадазимова

Дизайн и верстка: С. Асташин

Сдано в набор 04.08.2014 г.

Подписано к печати 05.09.2014 г.

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Усл. п.л.24. Заказ №101. Тираж 500 экз

Отпечатано в типографии ТНУ.

Ул. Лохути 2

<https://ravshanfikir.tj>